

7 (20) июня

Священномученик  
**Андроник (Никольский),**  
архиепископ Пермский и Кунгурский

Священномученик Андроник родился 1 августа 1870 года в селе Поводнево Мышкинского уезда Ярославской губернии в семье псаломщика Александра Георгиевича Никольского и в крещении был наречен Владимиром. Дед его, Георгий Гаврилович Никольский, был священником в храме села Княжево Мышкинского уезда. Отец, Александр Георгиевич, служил с 1867 года псаломщиком в Преображенском храме села Поводнево, ему исполнился тогда двадцать один год; впоследствии он был рукоположен во диакона к этой же церкви.



*Священномученик Андроник*

В Поводнево в то время было около сорока домов, в которых проживало около двухсот пятидесяти жителей, а весь приход состоял из восемнадцати деревень с тысячей прихожан. Настоятелем Преображенского храма был священник Петр Богословский, который оказал значительное влияние на маленького Владимира. Отец Петр часто посещал дома своих прихожан; приглашенный совершить в том или ином доме требу, он тут же проверял детей, насколько они знают молитвы, если те их не знали и неисправно посещали храм, он делал им замечание, но тут же и учил, как молиться, а родителей учил, как воспитывать детей христианами. Он беседовал с прихожанами как отец с детьми, и эта беседа оставляла в их душах более глубокий след, чем сказанная в торжественной обстановке красноречивая проповедь. У священника был столь

большой авторитет, что ни одного дела прихожане не начинали без его благословения, а уж благословившись, совершали дело со спокойной совестью, как перед Богом.

В 1880 году Владимир поступил в Угличское духовное училище, а по окончании его в 1885 году – в Ярославскую Духовную семинарию. В 1891 году он окончил семинарию по первому разряду и поступил в Московскую Духовную академию. Сразу же по поступлении, по совету и благословию отца Иоанна Кронштадтского он изъявил желание принять монашество – случай в те времена нечастый, свидетельствовавший о большой решимости и твердости характера юноши. 31 июля 1893 года, перед днем его рождения, в храме Московской Духовной академии во время всенощной после великого славословия ректор академии архимандрит Антоний (Храповицкий) постриг его в монашество и нарек ему имя Андроник в честь преподобного Андроника, ученика преподобного Сергия Радонежского<sup>1</sup>.

При постриге архимандрит Антоний сказал ему: «Почитай себя стоящим над пропастью или висящим над нею на протянутом сверху вервее и громко взывающим о помощи к Совершителю нашего спасения. Дни духовных восторгов и часы сладостных созерцаний пусть не отделяют от тебя мысли о предстоящей опасности; пусть не ввергают тебя в последующие часы и дни в самоуверенную беспечность, но, напротив, да снабжают они тебя силою и новым подвигом... Пусть и эти первые дни... ослабят врага совершенно, укрепив тебя дарами Божественной благодати, и наипаче благодати смирения, дабы эти священные дары, раздаваемые затем Богом через труды твои многим и многим, никогда не надмевали тебя, но лишь преисполняли сердце твое любовью к людям и прославлением Искупителя, дабы не по названию только, но и на самом деле являлся ты носителем образа ангелов, всегда сослужащих спасению людей и воспевающих во веки Творца»<sup>2</sup>. 6 августа того же года монах Андроник был рукоположен во иеродиакона<sup>3</sup>.

Во время каникул после окончания 3-го курса иеродиакон Андроник и инспектор академии архимандрит Сергей (Страгородский) были направлены в Самарскую губернию для лечения кумысом. Здесь они часто обсуждали, что из себя представляет миссионерское служение Русской Православной Церкви, и в частности в Японии. Архимандрит Сергей имел к тому времени личный опыт миссионерской деятельности в этой стране, так как с 14 июня 1890 года по 9 августа 1893 года состоял членом Японской духовной миссии<sup>4</sup> в непосредственном подчинении главе Миссии епископу Николаю\*.

В 1895 году иеродиакон Андроник окончил Духовную академию со степенью кандидата богословия и 22 июля того же года был рукоположен во иеромонаха и назначен помощником инспектора в Кутаисскую Духовную семинарию<sup>5</sup>. Через год он был назначен преподавателем, а затем инспектором Александровской миссионерской семинарии<sup>6</sup>.

Семинария находилась в местечке Ардон на Северном Кавказе в Осетии. Усердием ее основателей и устроителей она скоро приобрела среди крестьяно-осетин положительную репутацию просветительского учреждения, воспитывающего детей в твердых правилах нравственности. Отец Андроник писал о ней впоследствии: «Семинария там имеет значение рассадника

---

\* Впоследствии архиепископ Николай (в миру Иван Дмитриевич Касаткин; 1836-1912), святитель, равноапостольный, просветитель Японии, прославлен Русской Православной Церковью в 1970 году; память 3/16 февраля.

православия и просвещения на всю Осетию. Преданный делу и мудрый ее основатель архимандрит И<sup>о</sup>анн (Алексеев)<sup>7</sup> так прекрасно поставил семинарское дело, что теперь, через десять лет основания, семинария совершенно изменила все лицо земли Осетинской. Из семинарии выходят прекрасные учителя и священники, с ревностью насаждающие слово истины. И теперь бедные осетины, прежде не имевшие понятия ни о школе, ни о Церкви, теперь сами на последние гроши заводят школы, платят жалованье учителям, стараются строить храмы; отпадавшие от Церкви в магометанство или просто ослабевшие постепенно возвращаются... Ардонская семинария явилась действительно светом для Осетии... Я с любовью предался этому делу: весной разъезжал... по школам, теперь уже многочисленным, и на деле видел жажду и усердие осетин к возродившемуся церковному делу»<sup>8</sup>.

В 1896 году желающих учиться в семинарии было во много раз больше, чем она могла принять. Безусловное доверие крестьян к миссионерам, жажда христианского просвещения, повседневное общение с этими простыми людьми на их родине среди цветущих лугов и пастбищ – все это доставляло молодому преподавателю огромную радость. Великое счастье пастырски потрудиться среди жаждущего христианского просвещения народа, когда можно надеяться, что при бескорыстном миссионерском служении простые сердца отзовутся на призыв слова Божия. Общение с крестьянами действовало на молодого пастыря вдохновляюще, а среди крестьянских детей он сам становился ребенком. И он уже думал прожить в этом месте всю жизнь, усердно трудясь на ниве народного просвещения. Но все сложилось иначе.

В 1895 году архимандрит Сергей (Страгородский), назначенный настоятелем посольской церкви в Афинах, вступил в переписку с епископом Николаем (Касаткиным), выразив желание снова отправиться миссионером в Японию, хотя, как он писал, и «не пришел к окончательному решению под влиянием советов разных лиц»<sup>9</sup>. 18 мая 1896 года епископ Николай написал архимандриту Сергию, советуя «оставить мысль о служении здесь, ибо нет у него миссионерского призвания – по всему видно»<sup>10</sup>. Однако, владыка все же написал обер-прокурору Святейшего Синода Победоносцеву, чтобы тот списался с архимандритом Сергием относительно пожелания того ехать миссионером в Японию. Впоследствии епископ Николай подробно расспросил архимандрита Сергия и иеромонаха Андроника, каким образом они получили назначение. «Оказалось, что отцу Сергию в Грецию совсем не писали... и не спрашивали его согласия, а приехал он в Россию случайно, и тут в Синоде Саблер сказал ему, что желательно его в Японию. Он принял предложение и отрекомендовал еще отца Андроника, которого прямо и назначили по его указанию»<sup>11</sup>.

Отец Андроник готовился уже ко второму учебному году, когда неожиданно для себя 3 сентября 1897 года получил телеграмму о назначении его миссионером в Японию. Этим же указом он был награжден золотым наперсным крестом<sup>12</sup>.

«Признаюсь, это меня в такую печаль ввело, что я плакал, и весьма рад бы был, если бы сего не случилось... – писал он. – Грустно мне было расставаться с Ардоном, но это-то и вложило мне мысль, что не так живи, как хочется, а как Бог велит, что по возможности не имей никаких конечных, хотя бы и благородных привязанностей, ибо всякая привязанность уже по самому своему имени есть ограниченность и несвобода духа, а ведь к этой именно свободе духа мы и должны всячески стремиться; напротив, делай всякое данное тебе дело, высокое

или среднее, и даже по видимости унижительное, как самое свое задушевное дело, ибо оно есть только поручение свыше для единой истинной цели всего мира, а не самоцель... Вот к этой-то преданности воле Божией и мы должны стремиться... Помоги мне, Господи, дело проповеди в Японии делать именно как Твое поручение...»<sup>13</sup>

Попрощавшись с преподавателями и учениками, отец Андроник выехал в Санкт-Петербург. После улаживания всех формальностей, связанных с назначением, он поехал навестить родных, а затем побывал в Москве и Казани, попрощался с друзьями и знакомыми. 26 октября, в воскресенье, отец Андроник с архимандритом Сергием отплыли из Одессы.

Путешествие в Японию заняло два месяца. Ехали через Грецию, Италию и Северную Америку. На отца Андроника это путешествие произвело огромное впечатление. Везде, где приходилось останавливаться, они с отцом Сергием посещали древние христианские святыни, катакомбы и гробницы мучеников, молились у мощей святителя Николая Мирликийского, побывали в развалинах древнего Колизея, прославленного множеством замученных в нем христиан. И везде знакомились с современным состоянием христианства, в Греции – православия, в Италии – католицизма. Удивила и поразила отца Андроника прекрасная постановка дела преподавания у католиков, и в особенности у иезуитов, и невежество и нищета у греков. Удивило, как много католики трудятся, сколько вкладывают усилий в свои мероприятия, причем не ради Христа, а ради католической идеи. Поразило несоответствие великих христианских святынь, въяве свидетельствующих о безраздельном служении древних христиан Единому Богу, и современного католического мира, который только по названию еще оставался христианским, все свои усилия прилагая на угождение человеку. Вся выдающаяся деятельность современных проповедников, звучащая в храмах музыка органов и даже целых оркестров, все это делалось в потворство страстям современного человека, чтобы дать ему почти те же развлечения, что и безбожный мир, но только бесплатно. В проповедях христианство звучало всего лишь как тема, взятая проповедником для того, чтобы показать свои ораторские способности. Проповедники наперебой спешили услужить своей пастве.

Молитва на камнях Колизея, политых мученической кровью, у гробниц мучеников-христиан, сравнение их жизни с жизнью вокруг и собственной, всегда недостойной, вдохновляли на подвиг и на служение Матери-Церкви, сияющей среди стремительно катящегося в духовную бездну мира.

«Теперь эта открытая борьба света со тьмою уже прошла. Теперь редки открытые гонения на христианскую веру со стороны неверующих, – писал отец Андроник. – Враг понял, что так бороться для него же невыгодно. И вот он ухищряется побороть христианство иными, тайными средствами и путями. Он всюду расставил свои антихристианские сети, всячески и даже под благовидными предложениями смущает и совращает верных чад Божиих, призванных к святыне; и многие-многие гибнут, не разумея пути Господня. И теперь нам надлежит бороться, как и всегда было это, против того же гонения на веру, только в другом виде, а поэтому и сопротивление должно быть иное. Первые христиане за веру не устрашались и смерти и охотно шли на нее, чтобы сохранить свое драгоценное достояние, ибо живот их был сокрыт со Христом в Боге [Кол. 3, 3]. Мы теперь должны стараться как можно глубже закладывать в себя семя истинной веры, чтобы она была в нас живой и действенной, чтобы весь строй нашей жизни противостоял всяким ухищрениям диавольским. Все мы, христиане,

должны позаботиться, чтобы общее церковное сознание для всех было уяснено и стало как свое, чтобы церковное начало жизни было светлым и полным началом для всех нас. И чем крепче и яснее будем мы сознавать себя живущими в Церкви, тем непобедимее явимся для всяких ухищрений сатаны. Вот это дело и есть опять дело крови христиан»<sup>14</sup>.

Стоя в катакомбах у гробов мучеников, приникая душой к этим святыням, как было и самому не вдохновиться на подвиг.

«Здесь, на костях мучеников, создалась и окрепла церковная жизнь, – писал отец Андроник, – здесь, среди скорбей и страданий изгнанников, проявилась вся сила веры Христовой; здесь исповедники веры создали непреодолимую стену и победили гордый мир славной победой духа над плотью... Поучительно проходить по этим местам минувшей сильнейшей скорби для первых исповедников веры Христовой, ничего не имевших за собой, кроме этой самой веры... Чувствуется, что вот отсеки человек самоволие и угождение себе, заботу о себе помимо Бога, поверь и скажи себе раз навсегда: “Бог нам прибежище и сила” [Пс. 45, 1], скажи так, чтобы навсегда хранить в сердце это слово, и начнется иная жизнь, жизнь ясная, жизнь хождения по ясным путям Божиим»<sup>15</sup>.

Отец Андроник давно уже жил этой верой, положив все свое упование в Боге. И это упование не посрамляло. Радостью духовной наполнилось для него это время, радостны были встречи с людьми, в особенности с православными, с теми, кто все земное оставил ради Христа, подобно епископу Николаю, под чье начало отец Андроник поступил, прибыв в Японию. Удивительно ему было видеть среди японской паствы результаты благодатных трудов одного человека. Помощь Божия тут была явная. За тридцать семь лет пребывания владыки в Японии число православных увеличилось до двадцати пяти тысяч с исключительно японскими священниками и катехизаторами. Православные общины здесь хотя и были немногочисленны, но основаны прочно и жили полной христианской жизнью среди многомиллионного народа, поклоняющегося идолам. Японцы поражали простотой восприятия учения Христова и глубиной веры. Они сами испытали на себе дивные знамения и чудеса, а также исцеления, о которых просили с детской верой, – и получали их. Как непреложному внимали они словам Господним: просите и дастся вам, ищите и обрящете... (Мф. 7, 7).

26 декабря 1897 года иеромонах Андроник и архимандрит Сергей прибыли в Японию. Епископ Николай встретил прибывших миссионеров с большой радостью и сразу ознакомил их с делами Миссии, рассказал о трудностях и особенностях миссионерской деятельности в Японии, о том, «как нужно вести здесь дело проповеди, как следует воодушевляться и других воодушевлять на это дело, как нужно во все вникать здесь и ко всему прилагать свою руку; говорил о том, что не нужно иметь в виду никаких временных расчетов для Миссии, то есть мы не для России, не для Японии пришли, а делаем дело Христово, и поэтому не нужно ничего бояться...»<sup>16</sup>.

Первой задачей отца Андроника стало изучение японского языка, для этого епископ Николай дал ему двух учителей, и прилежный ученик занимался с одним утром, а с другим – вечером. Одна из трудностей миссионерской деятельности для отца Андроника, как и для всякого новичка миссионера, заключалась в сложности японского языка. Отец Андроник писал: «По первому совету Преосвященного Николая я с учителем японцем, ни звука не понимавшим по-русски, принялся читать молитвослов: молитвы мне, конечно, все известны, поэтому я постепенно мог догадываться о значении того или другого японского

слова; для более верного перевода мы прибегали и к мимике, и к лексикону. Просидел я над молитвословом больше месяца, заучил тысячи полторы слов с известным мне смыслом, а между тем оказалось, совершенно не могу составить фразы и не могу понять японского разговора, кой-что понимая лишь у своего учителя, приспособившись к нему и его невольно приспособивши к своим словам. Пал я духом и не знал – как пособить делу. Грустно было сидеть при деле без дела, да скучно было и без языка сидеть среди японцев. Помог мне в этой беде наш миссийский диакон, лет пятнадцать проживший в Японии и говоривший, как настоящий японец. Он мне посоветовал купить так называемый “Токухон”, то есть азбуки и книжки для обучения грамоте японской... Таких книг... восемь частей. Читал я их, с первой начиная, и действительно, из немого сделался говорящим...»<sup>17</sup>

Через месяц после приезда, 31 января 1898 года, отец Андроник смог отслужить всенощную на японском языке. «Первая его служба на японском языке, – писал епископ Николай, – очень тщательно приготовленная им: почти нигде никакой ошибки в произношении... По всему видно, что человек сей – великая надежда Японской Церкви»<sup>18</sup>.

В субботу 21 февраля 1898 года епископ Николай записал: «С восьми часов началось богослужение... часы и литургия, священнодействованные отцом архимандритом Сергием, отцом Андроником (которые вчера после всенощной поисповедовались у меня)...»<sup>19</sup> Вечером того же дня «после всенощной я исповедовался у отца Андроника. Да спасет Господь моего духовного отца и меня вместе с ним!»<sup>20</sup>

Великим постом 1898 года епископ Николай, исполняя просьбу отца Андроника, принял решение отправить его «после Пасхи – когда уже тепло будет – жить в Осака, где он скорей может изучить японский язык, один находясь среди японцев»<sup>21</sup>.



*Иеромонах Андроник (Никольский)  
и архимандрит Сергей (Страгородский). Япония, 1898 год*

«После Пасхи в конце апреля я переселился в Осака, – писал иеромонах Андроник, – где уже ни слова русского не услышать, – поневоле приходится говорить по-японски. Да и сам я в этом отношении всячески усердствовал, изо дня в день ходя по домам христиан и ведя с ними посильные беседы и разговоры. В дороге я обязательно читал Новый Завет в японском переводе, чтобы всячески осваиваться с японской речью. Приходилось неоднократно и выезжать из Осака по церквям своего округа, и я свободно везде проезжал и объяснялся по-японски. Конечно, все это не без труда и со страшным напряжением сил доставалось... А тут же нужно было изучать и английский язык, так употребительный на всем Востоке, начиная с Суэца. Нужно было читать и русские книжки... плодом таких усилий было обладание весьма достаточное за один год японской речью, знакомство с 1500 (приблизительно) китайских иероглифов. С таким запасом можно было безбедно существовать среди японцев и даже, при помощи Божией, назидать их на путь благочестия»<sup>22</sup>. «Итак, я начинаю самостоятельную жизнь в Японии, призванный на дело проповеди христианства. Дай Бог, чтобы и мои благие намерения действительно Бог помог мне исполнить на деле, а для этого, чтобы мне самому решительно и живо веровать только в единую во всем силу – силу благодати Христа Царя Небесного. Он Сам даже с неба пришел единственно ради спасения Своей непокорной и злохудожной твари от греха; Он всем пожертвовал ради этого спасения и действительно ценою Своей крови нас искупил от греха, чтобы быть нам с Ним вместе в раю вечном, как Его ученикам и послушным детям. А если такую дорогою ценою мы куплены, то как же нам и не дорожить всем этим делом и не стараться всеми силами привести его в действительную силу, чтобы нам и всем другим действительно и сердечно познать и жить ею во всей своей жизни? Вот наша цель жизненная, с которою ничто другое не может сравниться по высоте и вечности и единственности: это – спасение всех людей верою и жизнью во Христе Спасителе»<sup>23</sup>.

Приехав в город Осака, он нашел православную общину в плачевном положении. В храм ходило не более десяти человек, на клиросе читал и пел один псаломщик. Христиане, казалось, были рассеяны и невидимы в этом огромном языческом городе. Продолжаться так дальше не может, решил отец Андроник, надо самому идти к пастве. И в будние дни каждый вечер с пяти часов вечера он начинал обход домов христиан. В это время люди заканчивали свои работы и были свободны. Миссионер знакомился со всей семьей. Расспрашивал, где и при каких обстоятельствах они приняли христианство, кем и когда крещены дети. Если это были не коренные жители, то он расспрашивал, где они жили до переселения, какая причина побудила их переехать на новое место, какую жизнь проводили они на старом месте, исправно ли посещают церковь и так далее. И постепенно он уяснял себе всю картину их жизни, всего семейного и хозяйственного уклада, насколько они тверды в вере и каково их благочестие. Беседа шла за столом, хозяева подавали чай, и разговор от предметов житейских переходил к предметам религиозным. Темы непринужденной беседы сами давали повод для слова назидания, ободрения, а иногда и обличения и вразумления. Бывало, что кто-то поплачет, и отец Андроник вместе с ним и поплачет, и посетует. Разговор переходил на историю Церкви. Он рассказывал о жизни первых христиан, об их ревности и благочестии, о святых, о молитве и как нужно молиться, о христианских правилах и обычаях, которые должно соблюдать в жизни. И вместе со своими слушателями радовался и утешался духовной

беседой. За два года он узнал своих прихожан, их нужды и положение каждого. И постепенно храм наполнился, и уже не один псаломщик пел на клиросе, а большой смешанный хор. И это при том, что в Японии не признаются православные праздники и православным японцам приходится совмещать их с работой.

Однако попадались случаи невероятного антихристианского упорства, особенно печальные тогда, когда это происходило с пришедшими когда-то к Христу. «Какими средствами действовать на них? – спрашивал отец Андроник. – Да и можно ли еще это с успехом хоть некоторым? А так как всегда бывает так, что при нарушении душевного равновесия или радостью, или скорбью воображение работает не останавливаясь именно в направлении этой минутной черточки душевной жизни, то и со мной случилось то же. Я невольно остановился над вопросом о том, как трудно нам здесь действовать, когда у народа нет никаких религиозных связей с верой, да и мы не обладаем духом настоящих апостолов Христовых, не имеем их благодати, богато восполнявшей их крепкие силы. Впрочем, говорил я себе, если бы в России я так же неустанно действовал для народа, постоянно входя в его среду и говоря ему попросту, от души слово Божие, то там можно бы было высоко поднять приходскую жизнь; наш народ исполнен веры, только стоит немного его возбудить. И вспомнил я минувшие два года службы в России, особенно последний в Ардоне, где я начинал действительное общение словом с народом, да и в семинарии завел дело очень прочно, да и на всю Осетию весьма развернулся. А здесь вот сколько времени ходишь и в дождь и в грязь, и в немощи и в недосуг, и мало пробуждается народ, уже уверовавший прежде, но ослабевший; а относительно внимания язычников к слову о Христе нечего и говорить: не внемлют. И в этих сердечных противоречиях я долго и много ходил, сердечно молясь к Богу, да дарует нам Духа Своего Святого, наставляющего, умудряющего нас, просвещающего и исполняющего Своею Божественной силою, чтобы мы действительно были носителями и того Божественного учения, о котором вещаем, и Той Силы Божией, к Которой, как спасению всех, призываем народ»<sup>24</sup>.

24 июля 1898 года епископ Николай выехал с архимандритом Сергием «для посещения церквей в Хоккайдо. Заведование миссией оставлено отцу Андронику; оставлены ему чеки для рассылки содержания за девятый и десятый месяцы, сказано, какой произвести ремонт в домах и прочее»<sup>25</sup>. «Оставленный хозяином... отец Андроник отлично вел дела...»<sup>26</sup>, – с удовольствием отметил впоследствии владыка Николай.

Сверхнапряженная деятельность отца Андроника в конце концов привела к расстройству его здоровья.

«Ваше Преосвященство, – писал он 30 августа 1898 года епископу Николаю. – Стыдно мне сознаться, а нужно: я болен. Что болит? Да все: голова как свинцом налита (сильное головокружение, как будто падаешь; конечно, от слабости), в сердце иногда... как будто горячими клещами копаются, а вообще как-то неладно оно дает о себе знать, грудь ноет, хотя не разберу – в груди или только в костях; а тут и ноги уже кстати болят, да и руки. Как и водится, с телом все болит: настроение самое отвратительное. По ночам иногда не сплю; а тут раз кто-то вдруг стучит в окно, да так явственно, что я моментально проснулся: конечно ничего и нет. Обуял какой-то страх смерти, а за ним такая тоска по Родине, что хоть бы сейчас бежать туда: умрешь-де здесь, и забросят на языческом кладбище, и никого не увидишь из своих, и ничего не сделал. А тут всплывает на сердце и

все, что никак не могу забыть, – все оставленное в России. И зачем-де меня потащили сюда? Сидел бы да делал там свое дело, как Бог послал. Вспоминаются, как нарочно, и слова Преосвященного... (может быть, за недоверие к ним сие наказание): пусть откажется, так как здоровье-де не позволяет. А я думал: ну, это малодушие, стыдно из-за этого, да и Бог поможет. И Бог действительно помогал: оправившись после путешествия до Японии, я с жаром принялся за дело; иногда тяжело становилось, а я все уповал на Бога, и Бог помогал; но чтобы Он всегда и сильно помогал, нужно быть для этого достойным, нужно иметь крепкую веру и преданность Ему... Что будет дальше, не знаю. А теперь тяжело. Заниматься нужно, а дело из рук валится: иногда измучаешься, да и побежишь на улицу, с изнеможением и скорбью бродишь до усталости. Знаю, что молиться нужно, и молюсь, да силы не нахожу в молитве: тоска какая-то обуяла. А тут уж заодно лезет в голову и все неприятное: лезет в голову, как иногда нехорошо и к Вам даже относятся наши христиане, конечно духовенство; а как же нам потом можно будет управлять ими? И перед этим страх. Как видите, отрадного мало. Когда я с Вами беседовал о смерти матери, деда и о себе, тогда, признаться сказать, мне хотелось бодрими словами подбодрить себя, сказать, что ничего себе – все пройдет, только знай работай да не трусь, а умереть-то все равно нужно. И тогда я действительно много подбодрил себя, не знаю и как. Но дело взяло свое, а духа не хватает. Помогите мне, впрочем, не знаю и чем... Помолитесь за меня, чтобы мне воспрянуть. Меня всегда в страшное уныние приводила всякая моя телесная расслабленность, – я скучаю без дела, оторванный от него. А здесь это особенно вредно – прерви для отдыха, потом начинай все сначала, а силы-то уже не те, и охоты нет прежней. Скорбь и уныние нашло и душит меня...»<sup>27</sup>

В ответ владыка Николай писал ему: «...Удрать Вам из Японии не придется, а придется разве удрать из Осаки в Тоокео\*, чтобы здесь поправиться нравственно. Физически поправиться вдруг нельзя. Только мысль о России бросьте, и да не смущает она Вас ни наяву, ни во сне. В России вместо Вас много деятелей; здесь заменить Вас некому. Не искуситесь от внушения лукавого бросить Вашу благодать. Да хранит Вас Бог и внушает Вам все, что полезно для прославления Его имени в сей стране. Душевно преданный Вам епископ Николай»<sup>28</sup>.

В тот же день иеромонах Андроник ответил ему: «Пожалуйста, бросьте мысль, что я соблазнился мыслию удрать в Россию. Нет, эта мысль у меня возникла только по случаю болезни... Вот и сейчас пишу, а стоит только закрыть глаза, и все как кругом пошло... Я сообразил тогда, что, очевидно, мне все равно придется отсюда убираться, ибо дальше еще больше буду уставать. Так не лучше ли заблаговременно убраться? И к делу я еще не пристал, и ничего пока еще не сделал, и силы пока еще есть кой-какие, и, следовательно, еще не все потеряно и в России. Вот как я мыслил. Но, очевидно, на это нет воли Божией пока, и поэтому остается так, как я Вам выше писал. И уныния у меня сильного не было после того, как я Вам написал то письмо; написавши, я сказал: будет так непременно в конце концов, как и должно быть. А до этого действительно страшно мучился душевно. И в России особенных прелестей нет, а только здесь, ничего еще не сделавши и не сроднившись с делом, – все-таки приятнее хоть умереть да на Родине, с родными.

Занятий не прекращаю, ибо это значило бы начинать потом совершенно все сначала. А только и трудно же теперь мне все это. В голове как будто ни кровинки

---

\* Так в тексте.

нет. Господи, помоги, – постоянно взываю... Вы напрасно говорите, что здесь заменить меня нечем. Ваше дело не Ваше личное, не случайное, его Сам Бог не выпустит из рук...

За это время я выходил почти ежедневно к христианам; теперь обхожу еще медленнее первого раза, стараюсь обо всем и всячески наговорить или расспросить – авось, и одумается иной. Приходится все говорить одно и то же, потому что замечаю то же, что и прежде. Оправдываются недосугом да бедностью. Я всячески убеждаю хоть один-то день уделить на молитву; но так как и действительно некоторые очень недосужливы, то стараюсь по крайней мере внедрить в сердце память о Боге, чтобы в сердце лежало семя действительно веры, постепенно созидающей настроение верующего. Говорю о том, что Бог всюду и все видит и слышит, – так и нужно себя вести и думать, чтобы постоянно стоять перед Богом. Всячески нужно настраивать себя на том, чтобы от сердца чаще взывать к Богу, как близ нас Сущему. Когда это крепко заляжет в нашем сердце, то постепенно Христово учение будет нам свое, а так и Христа мы будем иметь в сердце. Иногда приходят совершенно мне не знакомые христиане. Кто знает, ведь, может быть, чья-нибудь молитва да и привела его, ибо я и христиан всячески призываю иметь церковное дело как свое собственное, ибо мы все едино тело. Может быть, и действительно кто-нибудь от души взывает к Богу, а Бог-то сделает свое дело. А некоторые и действительно отыскивают и приводят ослабевших. Помогите им Бог...

С иероглифами ничего не могу поделать: не припоминаются. В Служебнике теперь должен был сделать надписи. Головокружения по-прежнему. Но настроение, как я Вам и писал, после первого же письма к Вам хорошее. А сил нет. Надеюсь на путешествие. Помогите, Господи...»<sup>29</sup>

Епископ Николай не терял надежды, что здоровье иеромонаха Андроника поправится. «Отец Андроник, – писал он, – даст Бог, будет отличным миссионером, кажется, и будет тем хозяином дела, о котором я мечтал. Посещает и оживляет церкви окрестные Осака; ропщет на неудачи в японском языке, а между тем говорит так, что все отлично его понимают и иногда трогаются до слез его речами. На днях был здесь христианин из Вакаяма, где только что побыл отец Андроник, и рассказывал, что все удивляются, как отец Андроник в девять месяцев так научился говорить по-японски, уверял, что решительно всё, что он говорит, все отлично понимают»<sup>30</sup>.

Однако здоровье отца Андроника несколько не шло на поправку, и ему пришлось вернуться в Россию<sup>31</sup>. 5 марта 1899 года он был назначен ректором Александровской Духовной семинарии в Осетии с возведением в сан архимандрита<sup>32</sup>. Расстроенное здоровье его не поправилось и в России, и 13 января 1900 года он был уволен от должности ректора и вообще от духовно-учебной службы и отправлен в распоряжение Казанского архиепископа и 15 января назначен в Кизический монастырь<sup>33</sup>. 9 сентября 1900 года архимандрит Андроник был переведен в Уфимскую епархию и зачислен в братию Уфимского архиерейского дома<sup>34</sup>.

18 октября 1900 года по ходатайству епископа Уфимского Антония (Храповицкого) архимандрит Андроник был назначен ректором Уфимской Духовной семинарии, а с 11 января 1901 года, кроме того, – благочинным монастырей Уфимской епархии<sup>35</sup>. За это время, пока архимандрит Андроник был благочинным, число монастырей увеличилось с шести до пятнадцати,

был устроен единоверческий Воскресенский мужской монастырь, а в городе Златоусте открыт женский единоверческий монастырь<sup>36</sup>.

Став ректором, архимандрит Андроник повел решительную борьбу с недостатками устройства быта и учебного процесса семинарии, с пороками преподавателей и семинаристов, в чем его поддержал епископ Антоний. До назначения отца Андроника на эту должность преподавательский коллектив был в значительной степени разложен нравственно, и в семинарии процветали пьянство и невежество в такой степени, что не больше одного студента из заканчивающих семинарию удавалось уговорить продолжить образование в Духовной академии. В священники выпускники семинарии категорически отказывались идти вообще. Все церковное считалось на последнем месте, и всенощное бдение в семинарском храме продолжалось не более часа с четвертью.

Архимандриту Андронику со временем удалось исправить это положение. Было поставлено на должную высоту богослужение, ставшее воплощением духовной красоты православной веры, так что семинарская церковь начала переполняться народом. В академию стали поступать, причем из числа лучших, восемь выпускников из двадцати-двадцати пяти, а в желающие послужить Церкви Христовой священниками записывалось сразу полкурса из окончивших. Для исправления положения новому ректору пришлось уволить часть преподавателей из тех, кто выказывал упорство в нежелании избавиться от пороков, в которые они втягивали и юношество; архимандрит Андроник, имея характер решительный и прямой, шел в этом отношении до конца и, несмотря на покровительство некоторых влиятельных людей людям порочным, шел в своей решимости до готовности самому уйти в отставку. И только таким образом ему и удалось оздоровить нравственную обстановку и добиться того, что «пьяная семинария сделалась трезвою, нецерковная... церковною»<sup>37</sup>.

16 июня 1906 года епископ Николай получил письмо от архимандрита Андроника, который писал, что Святейший Синод предлагает ему ехать викарным епископом в Миссию, чтобы быть преемником владыки, и привезти с собой из Казанской Духовной академии иеромонаха Гурия<sup>38</sup>.

19 июня епископ Николай записал в дневнике: «Написал в Уфу отцу Андронику, звал сюда вместе с отцом Гурием, но не опечалюсь, если не исполнится это, а равно если, приехавши, тотчас опять вернутся; до того долго ждал, так много просил, надеялся и обманывался по этому предмету, что и улыбки, и удары судьбы привык переносить равнодушно»<sup>39</sup>.

23 октября 1906 года архимандрит Андроник был назначен помощником начальника Российской миссии в Японии архиепископа Николая и 5 ноября того же года в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге был хиротонисан во епископа Киотского<sup>40</sup>. Приехав в Японию, он вновь горячо взялся за дело; однако ревностные труды на поприще миссионерской деятельности, чрезвычайное напряжение при слабом здоровье привели к тому, что владыка снова тяжело заболел и был вынужден подать прошение об увольнении его от миссионерской деятельности и 7 июля 1907 года был освобожден от миссионерского послушания<sup>41</sup>.

Тяжело это было для архиепископа Николая; епископ Андроник пришелся по сердцу владыке, он прочил его на свое место – передать ему бразды апостольского служения; по всем своим качествам епископ Андроник был человеком, который мог самоотверженно служить делу Христову, но слаб

был здоровьем, и Господь не давал ему здоровья на апостольский подвиг; за сорок лет, по мнению владыки Николая, Японская Церковь во главе с таким руководителем расцвела бы и расширилась. Трудно было подыскивать и тяжело смириться, что стольких лет просьбы ко Господу, чтобы прислал делателей в Японию, не были услышаны и что приходилось все вновь вверять Богу.

«Возрастает Церковь или нет? – писал владыка в дневнике после отъезда епископа Андроника. – Набирается сил или хиреет? Кажется второе... Я махнул рукой и впился лишь в свое дело – перевод богослужения. Чем я могу помочь? Я ли не убеждал трудиться и словесно... и письменно – окружными посланиями и частными письмами? Благодетель, посещая церкви, мог бы несколько одушевлять личным влиянием... Русский благодетель нужен для этого, вроде Преосвященного Андроника, но что же делать, когда Господь не благоволит послать его?»<sup>42</sup>

26 октября того же года епископ Андроник был командирован в город Холм для оказания помощи в управлении епархией епископу Холмскому Евлогию (Георгиевскому), избранному депутатом Государственной Думы и потому подолгу вынужденному жить вдали от епархии<sup>43</sup>. Однако все настойчивее ходили слухи о роспуске Государственной Думы. В этом случае епископ Евлогий должен был вернуться в епархию, а владыка Андроник остаться без места.

21 января 1908 года епископ Андроник писал митрополиту Киевскому и Галицкому Флавиану (Городецкому): «Простите, что осмеливаюсь беспокоить Вас своею просьбой. Все настойчивее повторяются слухи о близком роспуске Государственной Думы. Тогда я опять без дела и без места останусь. А теперь на очереди Прилукское викариатство. Если посочувствуете мне, Владыка, то благоволите о мне замолвить слово в Святейшем Синоде на Прилуки. Назначивши меня туда, могут пока опять командировать в Холм до лета, когда все равно возвратится Преосвященный Евлогий. Ведь скоро год будет, как я из Японии скитаюсь по грехом моим»<sup>44</sup>.

15 марта 1908 года владыка Андроник был назначен епископом Тихвинским, викарием Новгородской епархии. Административное положение викарного архиерея Русской Церкви в начале XX века было довольно бесправным, в лучшем случае он мог лишь советом влиять на правящего архиерея; в то время правящим архиереем Новгородской епархии был архиепископ Гурий (Охотин), которому исполнилось тогда восемьдесят лет, он почти не выходил из дома и с трудом осуществлял административные функции. Таким образом, все дело служения, проповеди, а частично и административного управления легли на плечи епископа Андроника.

17 февраля 1910 года владыка писал митрополиту Флавиану: «Ваше Высокопреосвященство, милостивый Владыка митрополит Флавиан.

По своей неисправности не приветствовал я Вас с 25-летием Вашего архиерейства. Но позвольте мне сыновне приветствовать Вас со днем Вашего Ангела, с каковым днем соединяется и первая Ваша хиротония в священно-диаконскую степень. Да благословляет Вас Господь и далее от силы в силу Своими дарами.

А я грешный не перестаю услаждаться и умиляться здешними новгородскими святынями и здешним народным благочестием. Город небольшой, церкви за каждым углом, а везде народа молится в достатке, а где и до тесноты. Тут как-то выдалась одна неделя с ежедневными праздниками и праздничками. И умирительно было видеть, как изо дня в день [праздники]

народа собирали до тесноты и духоты. Стараюсь посему для собственного умиления среди народа бывать на всяком празднике: где послужишь, где подьячишь, где просто постоишь... Наслаждение! Так время и летит. Среди множества всякого дела прямо не замечаю не только дней, а даже недель. А там и могила. Да и не дай Бог дожить до раскрытия тайны беззакония, с чем, по-видимому, так торопятся...»<sup>45</sup>



*Андроник, епископ Тихвинский,  
викарий Новгородской епархии*

С присущей ему ревностью и усердием епископ Андроник взялся за дело. «Свое усердное, неустанное служение, – вспоминали новгородцы, – владыка растворял сердечной проповедью, свое высокое положение – близким и простым отношением к православным богомольцам»<sup>46</sup>. Уповая только на Бога и всецело привязанный к Нему сердцем, он не боялся общественного мнения, не смущался и общественным недовольством. Он не стеснялся, например, открыто порицать неистовства светских зрелищ, уже тогда могущественно пытавшихся навязывать свои воззрения и вкусы. Когда в Новгороде была поставлена пьеса Сенкевича «Камо грядеши» и артисты пели на сцене «Хвалите имя Господне», владыка при первом же удобном случае дал отповедь устроителям представления как богохульникам. Когда в городе был задуман вечер с балетными номерами, сбор от которого должен был пойти на раненых славян, то тут же раздалось мужественное слово епископа против мерзкого совмещения пляски с памятью о кровопролитии. Стараниями владыки в Новгороде были организованы еженедельные религиозно-нравственные чтения, которые посещали сотни людей. Епископ часто сам бывал на этих чтениях, вел их, давал советы лекторам, своим словом дополнял ту или иную лекцию.

Завидев на улице утомленного паломника, владыка не ленился остановиться и поддержать его словом и дать место для ночлега в своем доме. Видя сектантов, он приглашал их для бесед к себе домой. Заботясь о городской

пастве, он не оставлял без внимания и сельской части епархии. Сразу же по приезде в Тихвин он принялся за объезд всех церквей, входящих в Тихвинское викариатство. За один только сентябрь он проехал по Крестецкому, Боровичскому и Валдайскому уездам, посетив двадцать два сельских храма, входя в церковные нужды общин, лично знакомясь с людьми, входя в нужды каждого обращающегося к нему прихожанина. С места ночлега трогались обычно часов в шесть-семь утра, чтобы пораньше поспеть в ближайший приход, и так путешествовали от церкви к церкви, иногда останавливались и в деревнях. Места здесь были глухие и дорога настолько плоха, что владыку часто предупреждали, что он может не проехать, но он все равно отправлялся в путь. В каждом селе и деревне, где они останавливались, епископ проповедовал, что ежедневно вместе с беседами занимало не меньше шести часов. Спать в этих поездках приходилось не более шести часов, а весной, с наступлением ранних рассветов, и того меньше. По целым дням приходилось пребывать в физическом напряжении, но владыка любил эти путешествия, обновляющие душу. С благоговением встречал его народ «со кресты и хоругви» в своем приходском храме, увлекая с собой и всех детей своих! – вспоминал святитель. – Все набожно крестятся, многие плачут от благоговейной радости. Многие и таяся, и открыто просят совета, молитв, готовы тут же исповедать всю свою душу, умоляют принять от них кто полотенце, кто деньги, кто даже иконку или еще что-либо от святого места принесенное... И все это до глубины души трогает, настраивая ее на благоговейный и торжественный тон от сознания раскрывающегося перед тобой благодатного Царства Божия из глубин смиренного, простого, по видимости грубого, а на деле нежного и мягкого народа русского...»<sup>47</sup>.

Но это – Церковь; однако не весь народ посещает храмы, некоторые забыли, когда там и были. Епископ видел, как угасает в русском народе дух, как часть народа, захватываемая низменными страстями, быстро погружается в пучину безбожия. Владыка писал: «Отсутствие... отпечатка набожности грустно отражается и в жизни народной. Общая теперь жалоба на народное пьянство, на безобразное, даже со смертоубийствами и непременно с драками, проведение деревенских праздников, разгул, особенно молодежи, деревенские посиделки, часто толкающие молодежь на беспутство, падение семейных нравов и почтительной покорности младших старшим, тем более родителям, франтовство, бесчестность, озорство и хулиганство, мстительность и жестокость, вероломство и лживость до лжесвидетельства под присягой, что говорит уже об утрате и самой веры, ибо верующий боится нарушать присягу. Молодое поколение и даже дети растут без всяких положительных и строгих правил жизни: какое-то одичание духовное отпечатывается и на их лицах. А что с ними будет впоследствии, когда и сама жестокая жизнь наложит на них свой немилосердный отпечаток, особенно если принять в соображение ту погоню за материальным или, лучше сказать, животным довольством, которое сделалось характерным признаком и духом последнего времени, освободившегося от духовных высоких начал жизни... Это все более чем безотрадные, зловещие признаки, при виде которых жутко становится за будущее нашей народной жизни»<sup>48</sup>.

События, связанные с революцией 1905 года и введением конституционных преобразований, заставили владыку глубоко задуматься об основах национально-государственного строя России, о взаимоотношениях Церкви и государства, о том, насколько христиане должны быть безразличны к системе государственного правления в своей стране, или это вообще не дело христиан –

заботиться о благоустройстве земного Отечества? А если не так, то полезно задуматься, какая именно система государственного правления является естественной и лучшей для России. Плодом размышлений епископа явилась статья «Русский гражданский строй жизни перед судом христианина, или основание и смысл царского самодержавия».

«Пусть никто не верит, – писал он, – наговорам обольстителей, которые говорят, что для христианина совершенно безразличен тот или иной порядок гражданской жизни. Нет, мы – христиане – в мире живем и из этого мира до времени, определенного Творцом, выйти не можем (1 Кор. 5, 10). А потому нам вовсе не безразлично, что совершается в гражданском нашем быту, ибо тот или иной строй, те или иные порядки жизни могут содействовать или препятствовать делу спасения, а в иных случаях и вовсе его преследовать насмерть... Итак, если все в этом видимом и даже невидимом, ангельском мире существует для нашего душевного спасения, то мы имеем самое твердое основание и непрременную обязанность разобраться в том старом, что было доселе, и том новом, что нам предлагают, насколько то и другое способно помочь главному назначению нашей жизни на земле – спасению – или, наоборот, препятствовать ему.

С этой именно стороны и надлежит смотреть христианину как на все в жизни, так и на гражданский строй. И эта точка зрения есть единственно безусловная и бесспорная. Ибо как ни вертись человек, а от вопроса о цели своей жизни на земле, о смысле ее, о том, что есть там, в потустороннем, невидимом, но несомненном мире, и что будет с нами за гробом, – от этих вопросов никто не может уйти или замолчать их. И те, что прикидываются неверующими, именно лишь прикидываются такими от легкомыслия своего, подобясь известной птице, которая в виду угрожающей ей опасности укрывает свою голову под крыло, очевидно будучи уверена, что опасность исчезает для нее по мере того, как она перестает видеть ее. Безусловно утверждаем, что подлинных неверов нет и быть не может, ибо это противоречит самой сущности нашей жизни, не телесной только, но и духовной. Пусть некоторые уверяют и себя, и других, что не верят они ни в Бога, ни в свою душу. Умолчим о том, что они жестоко ошибаются, подобно упомянутой птице. Но все же они во что-либо верят: одни в науку или человеческий ум, другие в искусство, иные в благотворительность, а некоторые даже в удовольствия и веселую жизнь и т.п. Вот все это для них и есть смысл жизни и, следовательно, бог, заменяющий Истинного и Единого Бога, Творца неба и земли...»<sup>49</sup>

«Всем известно по примеру конституционных стран, а теперь нам очевидно и по собственному опыту троекратных государственных выборов, что творится за одно время этих выборов. Забывается все: вера, Отечество, семья, дело – лишь бы восторжествовала партия, к которой кто принадлежит. Лишь только за три года этой конституционной встряски ведь не узнать нашу страну – и к худшему, а не к лучшему: и вера, и нравы ослабели и оскудели до того, что безбожие, бесстыдное распутство, пьянство, попрошайничество сделались поразительными по своей очевидности и откровенности, не говоря уже о таких страшных ненормальностях, как грабежи и разбои. Вся эта партийная и выборная агитация – это сплошной угар, которому люди предаются всецело, забывая все прочее. Так и дальше: какая партия проберется в большинство, та и управляет всем, крича, что она только и есть голос народа. Но кто же может в это верить, как в догму правовой конституции, когда у нас выдавали себя за народ сначала революционеры открытые, а потом и они, и революционеры скрытые – кадеты,

сами теперь сознающие свое поразительное меньшинство среди действительного народа, почему они и покровительствуют всякому террору, через него надеясь удержаться на своих позициях. Разве была и есть действительная забота о народе, об Отечестве, когда все сводилось и сводится к партийной борьбе и торжеству? А дело веры заброшено было настолько, что даже в вероисповедную комиссию были выбраны, кроме неверующих или маловерующих, евреи, поляки и мусульмане. И это в стране, где господствующее население русское, православное и верующее?! И эта кучка смеет выдавать себя за народ и свои бредни за голос его?! Да ведь это явная насмешка над хваленой конституцией, в которую, очевидно, и сами они не верят!..»<sup>50</sup>

Живя в стране вместе с народом и интересами народа, владыка волея-неволей вглядывался в то, что можно было бы назвать народной формой управления страной. Он писал: «Стоя выше временных или случайных течений и увлечений, а равно с высоты царского престола созерцая положение своей страны и соседних народов, царь, выслушавши голос земли, решал так, как он находил то лучше, отвечая за царство и перед Богом, и перед народом в истории. И продолжать бы нам эту нашу конституцию, проводить бы ее глубже в жизнь, свято охраняя исторически созданное и выношенное народом царское самодержавие. Смело можно сказать, что это была бы самая лучшая в свете система управления и самая прочная, как основанная на нравственном, жизненном и потому самом прочном союзе между царем и его народом; при таком только союзе и нет места розни, вражде и недоверию между царем и народом, ибо оба стоят у одного и того же дела по взаимному, бытом утвержденному, не записанному, но перед Богом и царскою и народною совестью священному договору...»<sup>51</sup>

О том времени, когда был разрушен этот благотворный союз народа и власти, и почему, собственно, произошло это разрушение, столь болезненно отразившееся на всей нашей истории, владыка писал: «Но... два века тому назад положен был конец этой нашей священной, бытовой, народной, по-теперешнему – демократической, конституции, чуждой всякой партийности, а с нею и лжи неизбежной, и неправды. Увлечшись сильной централизацией власти западного королевского и императорского абсолютизма, Петр I перенес ее и к нам, объявивши себя императором и вместе с этим своим титулом насадивши у нас и все западные порядки в управлении, совершенно нам несвойственные, как имевшие под собою начало разобщенности между властью и народом, ею поработанным или завоеванным, и во всяком случае чуждой народу, чего у нас не было, ибо власть мы сами создали и поставили над собою. Плодом сего насильственно введенного в нашу русскую жизнь, как заразы в организм, абсолютизма власти было то, что на манер Запада и у нас оказалось разобщение императора с народом, средоточением между которыми оказалась правящая власть, сначала и состоявшая из иностранцев, а потом, хотя и русских, но по духу уже ушедших от народа. И остались царь русский\* сам по себе, а народ русский

---

\* К этому времени «русские цари» были немцами по происхождению, не всегда хорошо знавшими не только страну и ее народ, но и язык. Для епископа Андроника, да и до сего дня страшно признать, что не только власть в России была иностранной, как корпорация, устроенная по иноземным законам, но и абсолютистский монарх-император или императрица также в течение двухсот лет были иностранцами, или один из родителей их был иностранцем; и, таким образом, и император, и корпорация управляющих-иностранцев или русских по происхождению, но иностранцев по духу и жизненным приоритетам с неизбежностью подчиняли страну внешнему управлению, неумолимо ведя ее к воспроизведению форм государственной жизни тех стран, где

сам по себе, – между ними же стояла прикрывавшаяся именем царя, централизованная около себя весь порядок народного управления правящая власть, разобщи́вшая царя с народом, а с другой стороны, в последнее столетие, – земство, выдававшее себя за голос народа, когда как в нем народа-то не было. Так как между народом и чуждой ему, с ним не имевшей ничего общего властью нравственный, духовный союз был естественно утрачен, то сам собой сложился такой порядок, что обе половины ухищрялись часто, а потом и постоянно, обойти и обмануть друг друга, чтобы власти держать в повиновении народ, ее не знающий за свою родную власть, а народу – показывать вид повиновения власти и как можно дешевле добиваться через это права на свое спокойное житие личное, хотя бы и в ущерб общему благосостоянию. Постепенно и образовалась какая-то нескрываема́я даже вражда у народа к эксплуатирующей его власти и у власти – к обманывающему ее народу...»<sup>52</sup>

Русскому государственному управлению в то время все активнее навязывались конституционные формы правления, и епископ Андроник невольно стал думать о том, к каким последствиям может привести принятие Россией новых, западных форм управления.

«Для Русской земли, – писал он, – только в царском самодержавии, без всякой заморской конституции, и есть спасение. Чтобы согласиться с этим утверждением, нужно принять во внимание... ту многоплеменность, которую отличается наша страна по составу населения. У всех многочисленных народов нашего Отечества свой особый быт, свои собственные верования и нужды, свой характер. Можно представить, что будет при конституционном или тем паче республиканском строе в управлении, когда соберутся вместе представители всех этих народностей! Воистину новое столпотворение вавилонское может произойти, когда всякий будет говорить лишь свое, презирая другого и думая, что только о нем все и должны заботиться. Можно с уверенностью сказать, что концом такой сходки, на которой без драки не обойдется, будет полный развал целой России на ее составные части, но не в самостоятельные государства, ибо всякая из них в отдельности слаба сама по себе и стеснена среди других, – нет, раздел России между соседями будет концом такой конституции. Все это уврачевать и предупредить может лишь царское самодержавие, стоящее выше всяких партий и даже народностей и охраняющее исключительно только благо единой Русской земли, в которой под единым русским народом и около него одного живут все прочие народы, всяк в свою меру пользуясь общим и своим благом... Как раз именно это и было у нас издавна. По природе своей русский народ не насильник, не деспот, не эксплуататор других, – скорее он свое отдаст другому, более пронырливому, или расторопному, или нуждающемуся.

Поэтому-то без особого труда, можно сказать даже стихийно, он расширился почти на два больших материка. Никакой искусственной обрусительной политики не преследовалось нами прежде, а между тем инородцы сами постепенно и охотно делались русскими и по вере, и по духу, и по быту. Даже больше того: соседние народы, погибавшие или от междоусобий, или от внешних врагов, искали дружбы и соединения с русским народом... Изменилось это лишь за последнее столетие, или даже меньше того, когда сами мы, все дальше уходя от своего родного духа и пути жизни, и к подвластным народам начали применять политику искусственной и насильственной

---

абсолютистская власть сложилась исторически, с воспроизведением эпизодов их истории, и в частности таких, как революция и гражданская война.

русификации. Но беда в том, что под именем русского проводилось как раз именно не русское, а чуждое нам и искусственно натасканное на нас самих, исполненное гордыни и самолюбия, сухой черствости и холодного формализма и безразличия ко всему и ко всем, соединенное с болезненным упорством все вогнать в строго определенные и одинаковые рамки. Плодом этого и оказалось, что вместо того, чтобы всем под собою давать благо жить и развиваться, мы всех разозлили и вооружили против себя; мало того: теперь дело дошло даже до того, что присоединившиеся к нам по свободному договору и присоединение считавшие для себя величайшим благом теперь всеми силами ищут своей самостоятельности, а против нас настроены даже враждебно и почти воинственно. Все это плод того ложного пути, на который мы стали два века тому назад, презревши свое достоинство и придя к кризису, под именем восхваляемой конституции представляющему конец и завершение всего петербургского, нерусского периода нашей истории.

Нет, должна быть целая, единая, неделимая Россия, какую мы унаследовали ее от предков для лучшего будущего. Пусть у нас, как встарь, будет сильный русский народ, дающий жить всем иным народам, составляющим нераздельное целое с ним. Пусть и мы, русские, хозяева своей страны, и все у нас в стране наслаждаемся общим благом единой, сильной державы и не разделения ищем, а, напротив, еще большего объединения. Но для этого нужно отбросить всякий конституционный и партийный бред, лишь обессиливающий нас как государство и ведущий нас к разделению, а через это и под власть врагов. Должно быть восстановлено наше родное исконное царское самодержавие, почивающее прочно на теснейшей духовной связи царя с народом и оберегающее общее государственное благо, не в ущерб и не в излишек какой-либо из составных частей целого государства Русского...»<sup>53</sup>



*Епископ Андроник*

Огромное значение святитель придавал школе. За десять лет до безбожной революции, в 1907 году он писал: «...заберет школу либеральное течение – успех антихристианства обеспечен. Вот разгадка и сочувствия либералов всяким сектам в христианстве и нехристианским религиям. И сектанты не дремлют, принялись теперь и за малых детей. Недавно в Москве устроили сектантскую беседу для детей, в заключение которой поучали их, как отнестись к диаволу, если он явится им в чувственном виде, и давали совет отнестись к нему деликатно, вежливо, как и Христос к нему относился при жизни. Вероятно, советуется даже по головке погладить явившегося диавола, чтобы был поласковее... А подрастут ваши дети, попадут в университет – там Милюков и К°, так же подтасовывая и обманывая, будут учить их, что наука доказала происхождение человека от обезьяны. И сделают ваших детей действительно зверями, с той лишь разницею, что обезьяна смиренное и послушное животное, а эти звери-человеки будут горды, дерзки, жестоки и грязны. Это еще только цветочки, а когда созреют ягодки-то освобождения, тогда такие свободы узнаете, что воплем отчаянным завоюете, хуже чем полтысячи лет назад под лихим татаринном<sup>\*</sup>. Вот в этом заговоре против Христа и вся разгадка всего освобождения, а вовсе не в том, чтобы жизнь человеческую сделать лучшею и благополучною ради перемены одного гражданского строя на другой. Посему надлежит бережно хранить и смело и твердо отстаивать то, что нам может обеспечить святое достояние веры Христовой. Как яда смертоносного, следует оберегаться всего, что предлагается вместо нашего родного и бытового достояния...»<sup>54</sup>

17 октября 1910 года архиепископ Гурий был уволен на покой, и управление епархией временно было поручено епископу Андронику; 5 ноября управляющим Новгородской епархией был назначен архиепископ Арсений (Стадницкий), с которым владыка Андроник сразу вступил в переписку относительно порядка встречи правящего архиерея в Новгороде и текущих епархиальных дел.

Епископ Андроник был человеком решительным и прямым и более всего не терпел лжи, лицемерия и лести, оправдываемых будто бы нуждами действительности и необходимостью «дипломатических» приемов для пользы государственной или церковной и весьма распространившихся тогда не только между представителями высшего сословия и бюрократии, но и среди духовенства. Дружественное и прямодушное отношение владыка Андроник встречал от немногих – от прямодушного и честного епископа Иоанна (Алексеева), в бытность того ректором Александровской Духовной семинарии в то время, когда иеромонах Андроник был в ней инспектором, от покровителя монашества архиепископа Антония (Храповицкого), но более всего от архиепископа Японского Николая (Касаткина), перед которым епископ Андроник благоговел за его подвиг, чистоту и простоту и о котором говорил: «Из своих бывших начальников я только от дорогого Японского владыки Николая встречал сочувствие и душевность»<sup>55</sup>. Когда архиепископ Арсений занял Новгородскую кафедру, обнаружив себя здесь как выдающийся церковный администратор и дипломат, между ним и епископом Андроником возникла тень недопонимания, и владыка, чтобы избежать кривотолков, сразу же заявил правящему архиерею свою позицию: «...Я решительно избегаю говорить высшим меня начальникам особенно изысканно, – писал он владыке Арсению, – и говорю то, что думаю. Рассуждаю так: пусть меня обвинят в неделикатности, нетактичности: каков есмь,

---

<sup>\*</sup> И все это сбылось всего лишь через десять лет, дойдя до своего полного выражения через тридцать лет – в 1937 году.

таков и буду; но пусть никто не заподозрит в искательстве, в лести, ибо это уже недостаток нравственный, грязный. И для дела: пусть оскорбится начальник на мой неаккуратный тон, но если я говорю правду и резонно, то он увидит ее и избежит возможности погрешности; а если заподозрит в искательстве, то и меня осудит за этот грех, да и поступит только поэтому вопреки моему мнению и, следовательно, может погрешить. Может быть, я ошибаюсь и говорю нелепость, но это мое собственное мнение, и я едва ли сумею его изменить. Иногда знаю, что, может быть, некоторою резкостью или по крайней мере упрощенностью словоизложения, почти бесцеремонностью можно и делу навредить, поэтому иногда начинаю стараться отбросить это, но буквально становится противно, прямо-таки некоторая щепетильность не позволяет быть заподозренным в ласкательстве перед высшим себя и пока не своим человеком, – и я бросаю и пишу так, как считаю за самое простое»<sup>56</sup>.

Летом 1911 года во время пребывания епископа Андроника в Санкт-Петербурге, где он трудился в Комиссии при Святейшем Синоде по преобразованию духовной школы, ему было предложено занять кафедру викарного архиерея в Сухуме. Епископ Андроник на это ответил: «...должен ехать и поеду, но душа моя зело возмущается, ибо не вижу никакого смысла из викариев уходить в викарии; из Новгорода меня пока не гонят, чтобы с радостью бросаться хоть в Сухум... Если переходить из Новгорода, то более основательно...»<sup>57</sup> С ним согласились, и перевод был отложен.

В 1912 году почил о Господе архиепископ Николай Японский. Владыка Андроник и неутешно скорбел о его святой кончине, и бесконечно восхищался красотой души этого святого апостола, образца для пастырей Церкви Христовой. «Угас великий светильник Церкви нашей отечественной, от нее отродивший юную теперь Святую Церковь Японскую, – писал в своем скорбном плаче владыка. – За полвека беззаветно и скромно трудившийся, дорогой мой отец, почивший владыка Николай одну только святую сердечную заботу имел неизменно: да познают Тебя, Единого Истинного Бога, и Егоже послал еси Иисуса Христа... [Ин. 17, 3]. Но сколько злобы, сколько наглой лжи, клеветы и надругательства встретил он на сем святом апостольском пути даже от своих присных и соплеменных. Однако сии от диавола через людей нападения не окрадоша сокровище духа... И сей непорочный и крепкий духом муж, святитель Николай, устоял на крепком камени своей веры в Бога, вверившего ему такое святое, хотя и трудное в Святой Церкви послушание. И при всем великом его подвиге, при всем высоком его деле в икономии церковной – какой это скромный, детски цельный человек. Меня сподобил Господь быть и духовным сыном, а вместе и духовным отцом этого святителя Николая Японского: и видел я и любовался его чистотою, простою перед Богом душою... Вижу тебя издали как живого, стоящего предо мною, вижу твой бодрый и воодушевляющий лик, твою и в старости юную душу, чуждую уныния или маловерия. Лобызаю твою нежную ласку и отеческую любовь, меня, как и всякого тебе духовно сродственного, лелеявшую и носившую в своем чутком попечении»<sup>58</sup>.

8 марта 1913 года владыка Андроник был назначен на самостоятельную кафедру – епископом Омским и Павлодарским<sup>59</sup>. В тот же день он написал владыке Арсению письмо: «Итак, несомненно, волею Божиею мне предлежит путь в самый муравейник сектантства – в Омск. Конечно, это нелегко, но буди воля Божия о мне. Откровенно говоря, я более подходил бы для тихого Тобольска

– для Омска же, пожалуй, “мое изранено уж тело”. Но постараюсь и там сделать что смогу.

Жили мы с Вами, конечно, несогласно. Конечно, это тягость была и для Вас. Я же, как Вы, надеюсь, согласитесь, работал, сколько у меня сил доставало и даже через силу, не опуская рук при виде Вашего ко мне отношения; в порученном мне деле трудился, как в своем собственном. Но ведь и покойный Владыка Гурий<sup>60</sup> не благоволил ко мне относиться, а подозрительно. Однако теперь не те его защищают и говорят добро, кто льстили ему при жизни и теперь злословят и подсмеиваются над ним, – нет, единственным защитником его являюсь я, не стеснявшийся, как и всегда, черное называть открыто черным, а не белым. Прошу и Вас принять это к сердцу: я, каков в колыбельку, таков и в могилку. Но довольно о сем.

Мне несказанно тяжело покидать святой и дорогой Новгород, в котором целых пять лет не покладая рук трудился и много пережил. Но теперь эту тяготу стараюсь подавить заботой о новом, уже своем деле. Дело трудное-трудное предстоит. В самый муравейник сектантства меня посылают. И что я могу там поделаться со своими слабыми силами? Но да поспешествует Сам Господь Своему делу. Итак, направляя свои стопы в Омск и о многом размышляя, покорнейше прошу Вас, Владыка, благословите мне понести из Софийской ризницы частицу святых мощей святителя Никиты; ее следует вложить в хорошую икону всех Новгородских святых, над которыми святая София. Если можно, то просил бы пожертвовать такую икону от Конторы, которой это, вероятно, не будет в тягость. Буду просить и копии икон Тихвинской, Иверской и Знаменской, чтобы все эти святыни принести в благословение от Новгорода и разнести по разным городам епархии. Пусть и там будет Святая Русь, пусть около сих святынь собираются все – непременно крестными ходами, чтобы ими всколыхнуть все русские благочестивые сердца и в сектантство уходящие главнейше потому, что нет там ни церквей, ни священства. На крестных ходах и вести всякую церковную пропаганду, будить, привлекать внимание к святыням, от которых, несомненно, еще не отстало сердце переселенцев тамошних. Если же поможет Господь взбудоражить там такое течение, то после того можно будет и более уверенно и спокойно идти в поход на все сектантство и вытеснять его из насиженных мест...»<sup>61</sup>

Целую неделю перед отъездом епископа Андроника из Новгорода народ во множестве посещал акафисты, которые владыка служил в разных церквях. 17 марта в зале епархиального дома состоялось его прощание с паствой; было прочитано множество адресов и приветствий. В них отмечалась неутомимость владыки в молитвенном подвиге, его готовность идти навстречу каждому доброму делу, его доступность для всякого ищущего с ним встречи.

Отвечая на прочитанные адреса и речи, епископ Андроник заметил, что источником его энергии является сознание того, что «в своем служении каждый архипастырь и пастырь являются продолжателями дела Христова»<sup>62</sup>; он «воодушевлялся благочестивой ревностью новгородцев, которые были неутомимы в молитве и в беседах о религиозных предметах»<sup>63</sup>, и «всегда имел в виду, что совестливым, усердным исполнением своего архипастырского долга он спасает и свою душу»<sup>64</sup>. Через два дня толпы народа после отслуженного в кафедральном соборе напутственного молебна провожали на вокзал полюбившегося им архипастыря.

В Омск владыка прибыл после перевода отсюда епископа Владимира (Путяты), употреблявшего все свое время и силы для достижения корыстных целей, а не на устроение дел церковных, и епископу Андронику многое пришлось переустроить заново из-за обнаруженной им здесь церковной разрухи.

Встречая епископа Андроника, викарий Омской епархии епископ Акмолинский Мефодий\* сказал: «Омская Церковь сегодня радостно встречает Вас как своего богоданного ей архипастыря. Новая, врученная Вам, Владыка наш, паства с глубокою, затаенною надеждою взирает на Вас. Она прежде всего в Вас хочет встретить того же усердного молитвенника и неусыпного труженика, каким только что проводили Вас благодарные новгородцы. Она хочет видеть Вас как ревностного благовестника Евангелия Христова, твердого хранителя отеческих преданий церковных и энергичного, мудрого кормчего.

Корабль Омской Церкви обуреваются, и сильно обуреваются сектантской волной. Накатилась эта волна штундо-баптизма и так называемого “евангельского христианства” с юга-запада России и стремится захлестнуть мутными водами своими коренных православных аборигенов Сибири... На Вашу долю, Владыка святой, выпадает серьезная и весьма нелегкая задача организовать или, лучше сказать, мобилизовать все силы, целую армию ратников духовного ополчения для отражения натиска врага.

А враг не дремлет. За последнее время он становится очень смелым, дерзким, нагло издевается над православием и нередко злоупотребляет вероисповедным законом о свободе... Из разных уголков обширнейшей нашей епархии с громаднейшей территорией, входящей в состав двух областей – Акмолинской и Семипалатинской, губерний Томской и Тобольской, идут слезные просьбы православных верующих людей: дайте нам батюшку, службы Божией у нас нет, многие взрослые умирают без покаяния и младенцы без крещения, а сектанты, пользуясь этим, зазывают нас усердно к себе в молитвенные собрания и похищают православные души в дебри свои...

Зная Ваш просвещенный и умудренный опытом жизни ум, горячее, самоотверженно любящее сердце и твердую, решительную волю, мы, сотрудники Ваши и паства, веруем и светло уповаем, что Вы поведете корабль Омской Церкви умелою рукою и зорким оком к тихой пристани Царствия Христова...

Вам здесь придется трудиться почти на невозделанной почве, строить не на чужом, можно сказать, основании. Здесь еще нет веками определенных традиций, как в коренных русских епархиях. В утешение смею Вам, Владыка, сказать, что для Вашей кипучей энергии, мудрого просвещенного ума и любящего сердца почва достается благодарная»<sup>65</sup>.

Прибыв в Омск, владыка Андроник по своему обыкновению сразу же отправился в поездку по епархии. Путешествуя от села к селу, преодолевая сотни километров, святитель в каждом приходе подробно знакомился с жителями и духовенством. В станице Становой Петропавловского уезда он долго беседовал с детьми местной школы, а затем, обратившись ко всему народу, сказал: «Чтобы жить по-Божьи, надо знать волю Божию, закон Христов, Его учение, а это можно узнать из святого Евангелия; поэтому необходимо, чтобы Евангелие было у всех, его надо читать, учить, надо помнить, что это слова Самого Господа нашего Иисуса Христа. В дни праздничные и воскресные нехорошо сидеть по домам и

---

\* Священномученик Мефодий (в миру Михаил Платонович Красноперов); память 4/17 февраля.

предаваться обычной суете и суетолоке. Один день в неделю надо отдавать для Бога, для спасения своей души и приходить в храм Божий для общей усердной молитвы. Чтобы молитва ваша была более воодушевленной, заводите общенародное пение, начинайте с известных вам молитв и постепенно достигнете того, что будете петь всю всенощную и литургию. Любите святой храм, пойте все, не сидите в праздники по домам, посещайте церковь Божию, тогда “напитаете душу свою благочестием”, как святые угодники. Ведите добрую жизнь, читайте Евангелие и другие добрые книги, например жития святых, и из них учитесь благочестию. Раньше книги были дороги, их в старину сами переписывали и читали, а теперь и книги дешевы, да усердия к чтению мало. Родители, читайте святые книги и детей к этому приучайте; особенно строго проводите день Божий – праздничный, как “день Господень”. Вообще же будьте благочестивы как в праздники, так и в будние дни. Мне известно, что пьянство среди вас не привилось. Это очень хорошо, берегитесь и впредь от него. Весьма похвально ваше намерение устроить новый иконостас. Однако, заботясь о внешнем благоуукрашении храма, не забывайте и внутреннего храма – своей души, украшайтесь набожностью и благоговением... Есть благоговейные люди, которые так себя ведут, как будто постоянно видят Бога, носят Его в сердце своем, на лице у них мир и спокойствие. К такому Бог близок, и они близки к Нему. Эти благочестивцы подобны преподобному Серафиму Саровскому и другим угодникам Божиим, проводившим святую жизнь... Вместо того чтобы “перемывать косточки другим”... как это часто бывает, беседуйте “о святых”, чтобы учиться доброму, а не худому»<sup>66</sup>.

В селе Севостопольское Петропавловского уезда владыка стал спрашивать детей, какие молитвы они знают. «Школьники отвечали неважно, почему в беседе владыка сказал: “Молитва – не урок, ее надо читать не тогда, когда кто-либо спрашивает, а всегда... Когда ты молишься, то беседуешь с Богом. Как же ты будешь просить Бога о чем-либо, если даже не хочешь знать молитв? Молитва – это первое, самое святое дело”. После ряда наставлений детям владыка обратился к народу: “Родители и все старшие, следите за детьми: пусть они не забывают молиться Богу, пусть знают молитвы – это дело не только школы, но и ваше. Если дети испортятся не по вашей вине – Господь с вас не взыщет; если же дети будут вами воспитаны плохо, то дадите ответ за них Самому Господу. Легко выпрямить молодое деревце, трудно – дерево старое. Так и детей: как молодое дерево свободно можно погнуть куда угодно, так детям легко дать доброе или плохое направление. В детском возрасте хорошо прививать все доброе. Худо бывает, когда родители и пример худой подают, и не обращают внимания на детей; худо и тогда, если худого примера родители хотя и не дают, но и доброго тоже не сообщают. Ребята все от вас перенимают, и перенимают очень быстро: они со свежей душой, чистой, не запачканной житейской грязью. Зная это, и учите своих детей, чтобы не стыдно было Господу ответ дать за них... Если бы родители сами молились и любили молитву, то, конечно, и дети научились бы молитве; очевидно, вы и сами полениваетесь, и детей-то забываете. Бойтесь прогневать Бога. Все начинайте и оканчивайте молитвой к Господу и ходите по Его святой воле. Из святого Евангелия вы узнаете, как жить по-Божьи. Вот и читайте святое Евангелие, учитесь Закону Божию, а время всегда найдется, если захотите быть истинными христианами. Будете поступать так, тогда и имя “христианин” не будет у вас напрасным, и крест Христов носить будете тоже не напрасно»<sup>67</sup>.

В станице Пресногорьковской, «узнав, что казаки не озаботились отводом надлежащих зданий для школ, владыка пристыдил их: “Станица существует давно, а вы, казаки, до сих пор не думаете о том, чтобы детям вашим было удобно учиться. Стыдно и стыдно вам, казакам, тем более что многие переселенцы опередили вас, – сказал он. – Видимся мы с вами не часто, а и теперь вас собралось маловато. Значит, вообще вы ленитесь посещать храм. Если же вы таковы, то где дети ваши увидят добрый пример? Смотрите, чтобы дети ваши не пошли еще хуже и не запечатали бы храм. Крест Христов вы носите, а христианскую жизнь не показываете. Так жить нельзя. Такая жизнь походит на то, как если бы казак надел военные доспехи, а при нападении неприятеля струсил и побежал.

Вы называетесь христианами, а грехи одолевают, и вы малодушествуете, вместо того чтобы благочестием искупить их и к благочестию и детей приучить. В старину добрая мать, едва только ребенок начинает лепетать, вкладывала в его сердце святое, рассказывая ему о житиях святых. А теперь? Теперь дети только и знают то, что учат в школе, да и это, по нерадивости родителей, забывают за лето. У вас, например, две школы, но вы плохо заботитесь о них и детей начинаете учить поздно, даже с двенадцати лет. Какая уж тут забота, где тут говорить об усердии? Кроме этого, до меня дошли слухи, что вы не хотите отапливать храм. Если это так будет, то знайте: храм ваш будет закрыт, вы будете приписаны к другому приходу, и Господь вам не простит этого – Он тогда накажет вас... Подумайте о том, что жизнь наша начинается в храме в Таинстве крещения и здесь же оканчивается, когда нас приносят за молитвой на вечное упокоение”»<sup>68</sup>.

Служа в последний раз акафист перед иконой Божией Матери «Знамение» в Новгороде, святитель обратился к новгородцам с просьбой пожертвовать для Омского края копию с чудотворного образа. Ради просьбы, его благочестия и трудов, понесенных им для духовного процветания новгородской паствы, новгородцы, собрав средства, соорудили точную копию этой иконы, и 30 августа 1913 года при большом стечении народа в Знаменском соборе икона была освящена и направлена в Омск с приложением особого послания, на которое владыка ответил благодарственным письмом. «За сие да воздаст вам Господь Своими милостями, – писал он. – Я же, грешный, ничем иным не могу воздать вам за вашу любовь и молитвы, как только памятью о вас перед Господом Богом... Ваша любовь и ныне подвигает меня к бодрой и неустанной работе на ниве Церкви Христовой, как она же отнимала от меня всякую усталость, когда приводил мне Бог жить среди вас.

Земно кланяюсь всем вам и призываю на всех Божие спасительное благословение»<sup>69</sup>.

Икона Божией Матери «Знамение» прибыла на станцию Омск в конце сентября, но наступившие дожди и распутица не позволили торжественно перенести икону в сам город, и перенесение состоялось только через месяц, 20 октября. В этот день крестный ход, возглавляемый епископом Акмолинским Мефодием, выступил от привокзальной церкви вместе с иконой навстречу крестному ходу, который возглавил епископ Андроник. Крестные ходы встретились у Никольской казачьей церкви.

«Высоко над главами смиренных богомольцев, – писал владыка, – как Сама живая Богородица властно и торжественно вступала в новый град Своего пребывания. И радовалось о сем сердце и трепетно молилось: да будет сие так! Да внидет Владычица к нам Своим образом, да будет нашей Заступницей и

Покровом, да будет Она радостью богобоязненным, да коснется сердец и охладевших в вере, не узнавших радости о Господе... Под впечатлением всего этого и решил я во время крестного хода построить в Омске особый храм, как место покоя Царицы Небесной в Ее образе “Знамения”...»<sup>70</sup>

Епископ Андроник тут же обратился к православным города с призывом пожертвовать на сооружение нового Знаменского храма с обязательным при нем большим залом, для которого он жертвует архиерейскую дачу, предложив перенести ее и приспособить под зал. В то время население Новгорода составляло двадцать пять тысяч человек при пятидесяти храмах, а население Омска – сто тысяч при шести храмах.

В епархии не только недоставало храмов, но еще большая нужда ощущалась в недостаточном количестве пастырей, притом если в других епархиях были семинарии, которые хотя бы давали образование, то в Омской – семинарии не было, и владыка обратился к Преосвященным других епархий с тем, чтобы они в епархиальных ведомостях опубликовали приглашение для желающих потрудиться в Омском крае.

«В обширной Омской епархии, – писал он в своем обращении 2 декабря 1913 года, – представляющей из себя богатый край, церковное дело растет и развивается вместе с ростом переселенчества. Приходы постоянно открываются, строятся церкви. Но, к сожалению, – недостаток достойных кандидатов на священство...

Епархия не имеет своей Духовной семинарии. Из внутренних же епархий боязливо перебираются сюда нужные люди, боясь Сибири как дикого края. И совершенно напрасно. Теперешняя Сибирь ничем почти не разнится от внутренней России... С открытием прихода непременно строятся причтовые дома и церкви или молитвенные дома. Пути сообщения прекрасные. Усердие новоселов к храму и к богослужению удивительное: во многих случаях новоселы сами прежде всего строят храм или молитвенный дом на свои средства... Призываю всех, желающих потрудиться в новом крае, отозваться на мое приглашение и переселиться в Омскую епархию для служения в священном сане... Воистину здесь “жатва многа, делателей мало”. Приходите на жатву сию по моему зову, как по зову самого Пастыреначальника Христа, не желающего, чтобы души христианские оставались без пастырей»<sup>71</sup>.

30 марта 1914 года владыка Андроник писал о своих епархиальных делах архиепископу Новгородскому Арсению: «За год пребывания здесь и мне Господь послал много утешения среди множества дела, хлопот и, конечно, огорчений. Но последних не замечаю за радость от того, [что] милостью Божией прекрасно наладились наши ежедневные по церквям акафисты с беседами, общенародным пением и раздачей листков. Еще лучше проходили религиозно-нравственные чтения, открытые с Крещения в зале мужской гимназии. Сверх моего чаяния и опасения по малорелигиозному Омску – зал набивался битком (до восьмисот) слушателями и образованными, и простыми. Всего было одиннадцать чтений. На следующий год надеюсь устроить две аудитории, если уступят зал женской гимназии; тогда будут чтения на двух сторонах громадного города. Помогите Бог.

Но и устал за год. Как только наладится дорога, так выеду в епархию, – это меня обычно ободряет. Прошу принять описание четвертой сентябрьской поездки... Всего сделано было до трех тысяч верст на конях и до двух тысяч верст машиной и пароходом...»<sup>72</sup>

В Омске владыка проводил ту же созидательную деятельность, которой он был всецело занят в других епархиях, став усердным помощником для всякого пастыря, труждающегося в духе Христовом, и грозным для всякого обманщика и лжеца, пытающегося не трудиться, а лишь подольститься к начальству. Непримируемый к духу раболепства, обмана и угодничества перед начальством, он часто сталкивался с этими отвратительными явлениями и, в конце концов, был вынужден обратиться к духовенству Омской епархии с особым посланием. «Я желаю слышать и видеть чистую правду, – писал он, – как бы она ни была грустна. Не потерплю одного показывания товара лицом, бумажной деятельности, хвастливого расписывания несуществующих начинаний и дел. И от всякого о том готов выслушать слово правды, чтобы фальшивых людей выводить наружу. Но не потерплю и тех, кто вместо правды принесет ко мне наглую ложь на собрата, оклеветает его, в надежде остаться нераскрытым, в предположении обольстить меня видом откровенности, прикрывающей низкое наушничанье. Такого я назову перед всей епархией лжецом, как назову хвастливым лжецом и того, кто обнаружен будет расписывающим или рассказывающим о несуществующих своих заслугах в пастырской деятельности. Того и другого буду строгому взысканию подвергать, вполне ими заслуженному...

Все это прошу духовенство епархии принять во... внимание. Несказанно радуюсь всякой вашей инициативе в пастырском деле. Радуюсь, когда кто-либо приводит в исполнение мои указания и предложения или прямые распоряжения. Такого готов и на новые труды всячески воодушевлять и воодушевлять, желая, чтобы он не ослабел в начатом пути. Но противно для меня все, что делается только в угоду мне, а не по долгу пастырства, от радости воспользоваться добрым указанием... Но еще более противно, когда, подделываясь под тон начальства, спешат показать вид, что все веления его они и в жизнь уже проводят, и все так прекрасно и идет, как описано в предложении или распоряжении начальника; противно, когда такая деятельность бывает только на бумаге да на словах, а не на деле. Тем или иным путем это непременно обнаружится, а при обнаружении мною же и доказано будет. Тогда пусть всякий такой показной деятель знает, что он будет заклеен как хвастливый лжец, а не пастырь, искренно озабоченный своим деланием, хотя и ошибающийся, но усиленно и усердно все старающийся сделать, что подействует доброму его деланию. Лучше потише и полегче, если нет сил и умения, да пусть все будет на деле, чем крикливые успехи и даже не начатое дело, но умело показанное, как блестящий фейерверк»<sup>73</sup>.

За время служения епископа Андроника в Омской епархии им было утверждено множество добрых начинаний; некоторые из них могли бы показаться незначительными в другом месте, но для Омского степного края они были очень существенны, как например учреждение ежегодного насаждения по благословению и настоянию владыки всеми учащимися деревьев и фруктовых садов, чтобы «дети проникались бы, – писал владыка, – так свойственной русскому человеку, но теперь, к сожалению, исчезающей высокою и мягкой любовью к окружающей нас природе, так могуче возвещающей нам о своем и нашем Творце – Боге. Мягкой душе дитяти всякая былинка в поле, всякая птичка в воздухе, всякий ручеек в камнях говорили бы о Боге, Которым полон весь мир, без Него близкий превратится в ничто и рассыпаться»<sup>74</sup>.

По инициативе епископа в городе Семипалатинске были устроены краткосрочные педагогические курсы для ста учителей церковных школ Омской епархии; в Омске с личным участием епископа были устроены миссионерские

курсы для пастырей; миссионерское дело было поднято им на большую высоту, религиозно воодушевив все православное население в огромном районе Западной Сибири. Епископ Андроник ввел за правило устраивать миссионерские курсы для всей епархии – для мирян и пастырей, организовывал кружки ревнителей благочестия и сестричества, курсы псаломщические.

Возникающие из русских переселенцев приходы, строящиеся храмы – все это ставило перед духовенством вопросы о необходимости более активной материальной поддержки духовенства государством. Духовенство, идя вслед за русскими переселенцами, ощущало себя участником решения общегосударственных задач, но владыка, видя всю безотрадность происходящего тогда в стране, отвечая одному из благочинных, предлагавшему изменить порядок получения духовенством жалования, писал: «Не возлагайте, отцы, слишком больших надежд на казенное жалование. Прежде всего, никогда нашему скромному православному духовенству не дадут такого жалования, какое получают в России от казны немецкие пасторы и польские ксендзы. Но и то мизерное жалование, на которое возлагаете надежды, может оказаться мертвою петлею в руках случайного большинства законодательных учреждений, а особенно при возможности отделения Церкви от государства. И останется Церковь и без казенного жалования духовенству, и без доброхотных приношений от народа»<sup>75</sup>.

Духовенство, встретив в архипастыре поддержку своим благим начинаниям и справедливо увидев в новом епископе мудрого и самоотверженного вождя, готового в любую минуту положить свою душу за вверенную ему паству, воспрянуло духом. Усилиями епископа Андроника были собраны средства на устройство храма в честь иконы Божией Матери «Знамение», где стали проходить беседы, миссионерские чтения, собрания трезвенников, продажа и распространение книг, листовок и брошюр. Желая удовлетворить запросы интеллигенции, епископ организовал в Омске систематические богословские лекции, привлекая к этому делу образованное духовенство и поддержав его своим личным частым участием. Народ, духовенство и общество охотно откликнулись на это живое дело, и зал богословских чтений был всегда переполнен до тесноты.

При Омском епархиальном братстве епископ организовал епархиальное Общество трезвости. Для более успешной его деятельности владыка благословил регулярно проводить в епархии торжественные празднества трезвости с крестными ходами, проповедями и раздачей литературы, в которых участвовали тысячи людей. Народ с доверием откликнулся на инициативу святителя и сотнями пошел записываться в ряды армии трезвенников.

Разбирая причины распространения в то время в России порока пьянства, владыка писал: «В чем же настоящая причина пьянства? – В отсутствии или недостаточности и приниженности нравственного начала в человеке, в расслабленности воли. Эта причина одинаково делает пьяницами и богатых и бедных, и образованных и простых, и развлекающихся и не имеющих... разумного удовольствия.

Эту главную и даже единственную причину можно назвать невежеством, но совершенно в ином и истинном смысле: это – невежество духовное, нравственное, притупление нравственного сознания, понижение нравственного отношения к самой жизни с ее высоким смыслом и назначением. Наше время как раз и представляет собой понижение нравственного сознания в народе и

обществе. Постепенно подготовлялось оно путем обесценивания религиозных и нравственных основ жизни. Но расцвело оно, конечно, в освободительные годы, когда ложно понятые свободы объявлены были прежде всего как свобода на все низкое, гадкое, унижающее человека. Это же время с последующими годами до сих дней являлось и временем самого сильного развития народного пьянства. Тогда храмы, теперь опять заполняющиеся, опустели, а вместо них заполнялись монополюшки, пивные, театры, клубы разного рода и прочие места развлечений и развращений. Проповедь церковную перестали слушать, общественную молитву забросили, но вместо того развлекались кинематографом и увеселялись водкой и пивом. Пожертвования на церковные, просветительные и благотворительные дела сократились, но возросли доходы от торговли спиртными напитками. Итак, падение нравственных ценностей жизни, духовное одичание народа является главной причиной усиления народного пьянства...»<sup>76</sup>

В Омске владыку застало известие о начале Первой мировой войны; пытаясь осознать причины и последствия этой войны, 22 июля 1914 года он писал в послании к Омской пастве: «Страшны современные войны при тех усовершенствованиях в военных приспособлениях, которыми теперь обладают народы. Тем более страшна такая великая война. Для нас она священная – как стояние за веру православную и за родное славянство. Для всех же народов она величественна – как прокладывающая глубокую грань между минувшим и будущим: эта война концом своим изменит всю карту современных царств Европы.

Да, невольно думается, что настоящая война есть война апокалипсическая, предреченная Самим Спасителем, как предвестница Его второго славного пришествия: “ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам” (Мф. 24, 7). А потому, возлюбленные чада о Господе, надлежит нам все силы собрать, чтобы не дать восторжествовать этому вражескому на нас нашествию.

И прежде всего всем и всякому непременно надлежит глубоко сознать, как древним ниневитянам, что за грехи наши посылает нам Господь такое тяжкое испытание, как достойным того. Грехи же наши воистину вопиют к небу. Всегда люди грешили на земле и беззаконничали. Но не было еще того, что теперь есть. Теперь не только грешат и отступают от Бога, но и гордятся сим, как должным, превозносят порок и богоотступничество, как правильные. Воистину, теперь кланяются богам разврата, пьянства, славы, богатства, чести, наслаждения. И сим идолопоклонством услаждаются, как древние евреи, за это наказанные и отверженные Богом и рассеянные по всему свету. Бывало худо на свете Божиим и в нашем Отечестве. Но не было подлее, чем теперь. Над святыми заветами наших отцов и дедов, над добродетелью и чистотою жизни, над непорочной верой нашей смеются и ругаются...

Вот это наше беззаконие и богоотступничество и сознаем все как наш тяжкий грех пред Богом. Пусть же отбросим мы веселость и легкомыслие обычной нашей сутолоки житейской и воспрянем духом перед развертывающимися великими событиями нашей жизни по путям Божественного Промышления. Пусть будут пусты места увеселений, развлечений и всякого развращения. Не время им. Да не будет пира во время чумы! Да не будет бесстыдного плясания на одной стороне Отчизны, когда на конце ее и за пределами ее родные наши братья будут за нас кровь проливать! Во имя их

кровавого подвига да будут все строги к себе. Пусть все свято блюдут пост, молитву, доброделание, воздержание перед Богом...»<sup>77</sup>

2 августа 1914 года Святейший Синод назначил владыку Андроника епископом Пермским и Соликамским<sup>78</sup>. В последний раз епископ служил в Омске 15 августа, в день празднования Успения Божией Матери – престольный праздник в омском соборе. В этот день владыка совершил литургию в сослужении епископа Мефодия (Красноперова) и десяти священников. После литургии, молебна и благословения всех молящихся, которые в течение долгого времени подходили к владыке, он прибыл в архиерейский дом, где его ждали губернатор, городские чиновники и духовенство. Первым к нему обратился епископ Мефодий; выразив скорбь о разлуке с полюбившимся всем архипастырем, при котором в столь краткое время расцвела церковная жизнь, он поблагодарил владыку за все доброе, сделанное им для епархии, и за доброе дружеское отношение лично к нему и подарил епископу четки.

Один из соратников святителя от лица омских пастырей обратился к нему со словом, в котором ярко выразилось отношение духовенства к епископу: «Образ ваш как архипастыря – ревнителя веры и беззаветного труженика, пламенного проповедника и мудрого наставника – навсегда останется в нашей душе как идеальный образ носителя апостольских заветов в наши лукавые дни малодушия и отступления, образ, побуждающий нас, слабых, посильно ратовать за веру и Церковь, хранить предания апостолов, ревновать по делу Божьему – святому и вечному»<sup>79</sup>.

На это владыка заметил, что в основу всей его деятельности на Омской кафедре была положена «основная истина христианской веры – учение о спасении. Руководствуясь ею, он и вел корабль Омской Церкви к тихой пристани через все невзгоды и бури житейского моря...»<sup>80</sup>.

Прибыв в Пермь, епископ Андроник написал архиепископу Новгородскому Арсению: «Итак, я в Перми и великолепно себя чувствую. В Омске я быстро начал таять под непосильной ношей на слабом горбу и при отсутствии всякой поддержки сверху, а кроме того, при вмешательстве моего предместника\*. И я писал: силы мои изнемогают, поддержите меня и сделайте хоть часть того, о чем я слезно прошу как о неотложном, или уберите меня отсюда, лишь бы дело не портилось от несочувствия мне. Очевидно, удовлетворить моих желаний не нашли возможным или нужным, – ну и взяли меня в Пермь. А друг “непостыдного упования” Путята уверяет, что меня скоро и совсем на покой попрут за ненадобностью, что из последней милости дали эту последнюю епархию. Конечно, сии князья Церкви ныне сильны и могут добиться сего легко... Моих провинностей мне никто не сказал. А я свою виною считаю только лишь преемство мое Путяте. А сего хлюста Вы изволите знать. Но без воли Божией ничего не бывает. Здесь чувствую себя как бы старожилом, как дома, мирно и прекрасно. А на сем основании полагаю, что здесь и моя могила, о чем как будто говорило и сновидение о моем переводе в “Могилев” накануне получения известия о переводе в Пермь. Буди воля Господня. Кланяться современным “богам” не буду...»<sup>81</sup>

В письме, присланном епископу Андронику преподавателем Омского Учительского института, так описывалась церковная обстановка после отъезда святителя из Омска: «И как жаль, Владыко, что Вы не у нас в такое время. Не для

---

\* Епископа Владимира (Путяты).

нас только жаль, знающих Вас лично, но и для всех омичей, понимающих нужды своего края. Ведь что у нас теперь здесь делается, такой развал, такая смута духовная, что обидно и больно за Ваше усердие и святое дело. Не говоря о личной жизни нашего Владыки\*, которая по всей епархии известна в чудовищных слухах, но его одна теплохладность, беспринципность, какое-то полное безразличие ко всему ставит всех тружеников на деле Божиим в невозможное положение. Борьба с грязью, бросаемой в того, кто поставлен во главе этого дела, когда эта грязь осыпается на всех его подчиненных, нет сил, опускаются руки, и тяжело и ненавистно на душе. Теперь можно сказать, что все придавленные и раздавленные было Вами семена баптизма и прочих злых элементов, подняли головы и идут своей дорогой, увлекая с собою и других. Теперь надолго Омская кафедра будет служить предметом всяких анекдотов и городских и, что хуже, деревенских, грубых и невозможных; и нужно опять молить Бога и ждать, что Он пошлет к нам такого же архипастыря-подвижника, властного, смелого, энергичного, работающего и всех заставляющего работать, каким были Вы, Владыко. Уже вскоре после отъезда Вас можно было часто слышать правильную оценку Вашего служения на Омской кафедре... И чего это смотрит Преосвященный владыка Мефодий, постоянно оскорбляемый, гонимый, – как он не найдет силы сказать и остановить позор Церкви нашей в лице ее архипастыря... Хотел я и уже написал для чтения большое сообщение в мужской гимназии на тему “О любви к Родине в связи с современными событиями”, да кажется с отъездом и владыки Мефодия все чтения пойдут насмарку. Да и не хочется, когда сам архипастырь ни разу не посетил ни одного чтения...”<sup>82</sup>

Тяжело переживая современные ему церковные события и небрежное отношение правящего архиерея Омской епархии к своему долгу, владыка писал в январе 1915 года архиепископу Арсению: «Псаломщическое училище с Божиею помощью 8 сего января открыли на двадцать [человек] и трое вольнослушателями. Ребята смирные пока и усердные. Но наука малая или, лучше сказать, позабытая. Для начала и этого пока довольно. В Омске к Рождеству был первый выпуск псаломщической школы, переселенной из Омска в село; экзаменовавшиеся девять признаны достойными, а некоторые даже стихаря. Опыт оказался удачный, несмотря на враждебное к нему отношение самого епископа Арсения... В Петрограде теперь соблазняются рассказами о чудачествах Путяты в Новочеркасске. А в Омске все то же самое было, и никого это не волновало, а говорить о том – значило разозлить его покровителей. Высокий его покровитель, слушая его сплетни обо мне, много крови мне перепортил. Мне многие советовали ехать в Питер для разоблачения сплетен на меня... Но я сказал: никогда, ибо мне не в чем оправдываться, а интриганов предаю суду Божию, вернейшему моих разоблачений. И суд Божий нашел уже, хотя, может быть, и не за меня, Путяту – теперь\*\*», а епископа Арсения тяжкой

---

\* Епископа Омского и Павлодарского Арсения (Тимофеева).

\*\* 10 января 1915 года архиепископ Владимир (Путята) за безнравственное поведение был смещен с кафедры Донской и Новочеркасской, но затем по протекции был назначен в Пензу, как оказалось впоследствии на разрушение церковного дела. В 1918 году Собором епископов он был лишен архиерейского сана. 8 октября 1918 года злейший враг Православной Церкви, глава ВЧК Ф. Дзержинский писал в Совет народных комиссаров: «Пензенский архиепископ Путята в конфликте с высшим епископским советом, кончившимся осуждением его и в ответ на это объявлением автокефалии Пензенской епархии. Необходимо оказать поддержку Путяте» // ЦА ФСБ России. Д. Р-48566. Т. 9, л. 13.

болезнию\*, особенно за то, что бросил молебен перед мощами святителя Никиты, на коем и Ваше имя возносилось, как жертвователя; а потом, когда православные письмами укоряли его за это, то возобновил молебен, но насмешливо спрашивал: “как его величать – преподобным или святителем?” Какая мерзость! Под предлогом болезни было им объявлено, что еще в декабре едет на два месяца в Питер (прибавлялось же, что и не возвратится), был вызван и викарий\*\* из Семипалатинска (в один конец 1000 верст!). Но поездка отложена была, и викарий поехал обратно, чтобы прибыть в начале сего года, и прибыл уже. Вот озорство-то над викарием!.. Знаю, Владыко, что Вы не любите подобные речи выслушивать, но, простите, не могу быть равнодушным к тому делу, на которое ухлопал столько сил и энергии...»<sup>83</sup>

14 декабря 1915 года епископ Андроник писал архиепископу Арсению в Новгород: «Итак, теперь ни министры, ни архиереи, ни иная тварь что может, но точию темная сила, хотя о ней и запрещено теперь печатать. Но ведь были Гермоген с Илиодором, а кончилось известно чем. Падение же теперешних близко и ужасно. Однако страшно не то, что темная сила господствует, а то, что соль обуюла, ее и выбросили за негодностью. И этой темной силе охотно кланяются архиереи, интригуя между собою и топя один другого... Да, Владыка, нам бы, архиереям, следовало хоть заочно письмами воодушевлять друг друга да подвигать взаимно на стояние за веру и Церковь. Это должны бы взять на себя “мнимии столпи Церкви”, а к ним присоединятся и все мы, меньшии во братии. Конечно, Харьковский\*\*\* и Финляндский\*\*\*\* унизили себя дружбой с перефамиленным\*\*\*\*. Но они ведь и искупили эту свою слабость, да и сами раскусили его, хотя и поздно. Вот и начать бы с них объединение»<sup>84</sup>.

В XX веке на Пермскую кафедру взошел подвижник и архипастырь-миссионер, подобный святому святителю Пермскому Стефану. Его жизнь стала для современников зримым образцом древнего благочестия. Это был подвижник, молитвенник и нестяжатель, всякое материальное благополучие и богатство вменявший во прах. После его мученической кончины большевики пришли с обыском в его дом, рассчитывая найти скрытые сокровища, но нашли всего лишь несколько рублей. Все средства владыка жертвовал на помощь беднякам. Одевался он просто, никогда не носил шелковых ряс, и хотя был награжден многими орденами, но наград никогда не надевал. Святитель был ревностным исполнителем иноческих правил и церковных обрядов. Он строго постился: в постные дни питался одними овощами, в скоромные – обходился малым количеством пищи, а в последние дни Страстной седмицы употреблял в пищу только просфору и чай. Накануне дня, когда ему должно было совершать литургию, владыка почти не спал, всю ночь проводя в молитве.

Многократно епископ объезжал храмы епархии; совершая поездки, брал с собой протодиакона, ключаря и двух иподиаконов. Архиерейской каретой никогда не пользовался, лошади архиерейские были отданы собору, на них соборное духовенство ездило по требам. В будни владыка служил в крестовой церкви и тогда надевал простую священническую ризу и малый омофор.

---

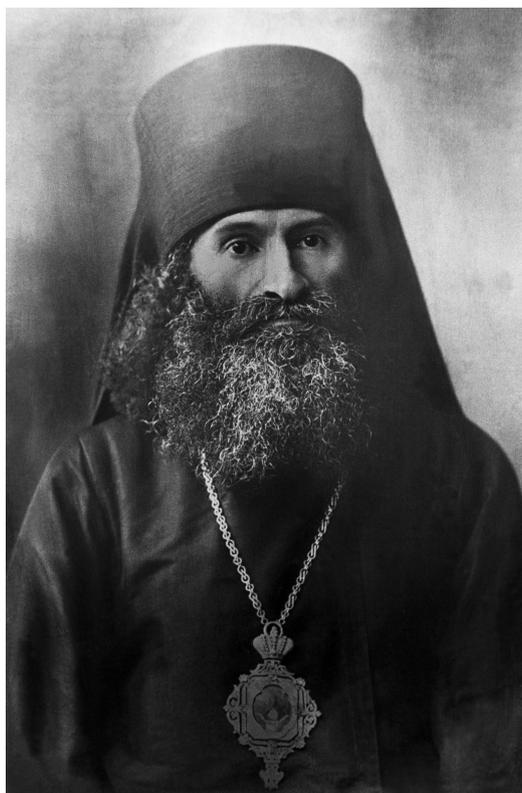
\* По болезни 4 июня 1915 года он был уволен на покой.

\*\* Епископ Мефодий (Красноперов).

\*\*\* Архиепископ Антоний (Храповицкий).

\*\*\*\* Архиепископ Сергей (Страгородский).

\*\*\*\*\* Имеется в виду Григорий Распутин-Новый.



*Епископ Пермский Андроник*

При епископе Андронике в Перми была построена церковь во имя преподобного Сергия Радонежского для военнослужащих Троицко-Сергиевского полка и закончено строительство великолепного Крестовоздвиженского собора в Белогорском монастыре.

Время служения святителя стало временем расцвета духовной жизни в Пермской епархии; устраивались лекции, беседы, собрания духовенства и мирян; в аудитории при Стефановской часовне стали проводиться занятия миссионерского и народно-певческого кружков; составила хорошая библиотека, из которой желающим выдавались книги на дом; во всех храмах города служили акафисты, после которых устраивались беседы. Пермь отличалась в то время прекрасными проповедниками, в подготовке которых епископу много пришлось потрудиться.

При одном из храмов было организовано попечительство о бедных, оно имело свою столовую, где обеды давались по самой низкой цене всем желающим, а нуждающимся, по запискам попечительства, бесплатно. При свечном заводе и на подворье Белогорского монастыря открылись книжные лавки. При храме училища слепых и в женском монастыре были устроены детские приюты. Воскресенская церковь содержала за свой счет богадельню, в которой жили около пятидесяти человек. При кафедральном Спасо-Преображенском соборе организовалось общество хоругвеносцев, насчитывавшее несколько десятков человек, а в 1917 году была создана дружина по охране собора и архиерейского дома.

Владыка высоко ценил духовную культуру русского народа, тот духовно-нравственный идеал, который был им выстрадан в течение тысячелетия и который для многих к началу XX столетия стал блекнуть и теряться. Желая поделиться своим богатым духовным опытом, владыка издал книгу «Письма

архиерея к иереям». Книга быстро разошлась, и он переиздал ее, дополнив новыми главами. В этой книге епископ писал: «Для всякого внимательного к народной жизни наблюдателя с несомненностью очевидна особенность народной русской культуры. Наша народная культура есть исключительно культура духа. Во всем укладе жизни, в обычаях, в душевных исканиях, в народном и даже литературном творчестве непременно есть искание нравственной ценности жизни, отношение к ней именно с этой стороны. Все прочее, чисто внешнее, имеет уже второстепенный и попутный смысл и значение, обусловливаемое нравственными основами, как это и должно быть всюду и всегда... Для нее [культуры] и самая жизнь не имеет ценности без ценностей духа, без ценностей нравственных. Только с нравственной стороны расценивается и самая жизнь человека со всеми его поступками и намерениями. Не будет этих нравственных оснований – не будет смысла и в самых высоких и полезных делах человека...»<sup>85</sup>

Но, обращаясь взглядом от высокого идеала, от того, что имело еще живое проявление в душах некоторых людей, к современной религиозной жизни, владыка с грустью отмечал, что в ней исчезает даже внешнее благочестие. «Сплошь и рядом при расспросах как взрослых, так и малых, – писал он, – приходится видеть, что именующиеся христианами не знают не только утренних и вечерних молитв, но и самых общеупотребительных и простых. Очевидно, и не молятся исправно, а в семье молиться не учат и молитвам не учат. В школах кое-каким молитвам научат. Но не влагают, очевидно, потребности молиться, не воспитывают святого чувства молитвы как приближения нашего к Богу, как нашей с Ним беседы. Без этого же самого главного одно заучивание молитв для ответа ровно ничего еще не значит, и молитвы улетучиваются немедленно после оставления учащимися самой школы только лишь на летние месяцы. Очевидно, у самих родителей нет уже вовсе никакой заботы о том – молятся или нет их дети. Они и сами не научили тому детей своих, да и не наблюдают и за тем, соблюдают ли строго то, чему их в школе научили...

Одинаковое незнание народом и житий святых замечается, – не знают даже жития своего святого и даже дня памяти его. Следовательно, даже к своему святому не имеют никакого личного отношения кроме того, что его именем называются. И это даже у учившихся в школе. Очевидно, от современного поколения далеки все высокие примеры христианской добродетельной жизни, которые без слов способны научить тому же... На житиях святых да на прологах и воспитывались старинные русские люди, и даже не по книжкам, а со слов других. Рассказы о святых были самыми любимыми рассказами, захватывавшими все внимание слушателей и отпечатлевавшими слышанное глубоко в душах слушателей. Люди привыкали в своих размышлениях ходить по примерам святых и даже как бы в их близком присутствии... К глубокому сожалению, теперь такого примерного научения христианству и христианской жизни на житиях святых нет, а потому нет и того святого воодушевления, которое может дать всякий светлый пример действительной добродетели. Веры своей не знают, закона христианского отчетливо не представляют, светлых образцов веры и добродетели не испытывают. И редко-редко кто сумел бы вразумительно, ясно и отчетливо рассказать свою веру вопрошающему о ней. И это при всеобщей почти грамотности, при общедоступности дешевого книжного рынка, при всяких полезных книгоиздательствах! Невольно напрашивается смущающий вопрос: да что же в таких людях и христианского осталось? Даже по внешним-то приемам и

обычаям иногда трудно узнать христианина. Ибо многие креститься не умеют как должно, отмахиваясь рукой вместо истового крестного знамения. Не знают православного обычая принятия благословения Божия от священника или архиерея, – отвыкли и от этого. Следовательно, верующим сердцем не понимают истинного значения и силы крестного знамения, которым, как Крестом Христовым, демонов прогоняем от себя; не понимают и силы благословения священнического, которым благословение Божие призывается. Что же после всего этого говорить о духовной жизни, о благодати Божией и о прочих таинствах нашей веры спасительной?»<sup>86</sup>

Пастырям Пермской епархии епископ настоятельно советовал не ограничиваться богослужением в храме, но служить и в поселках, «чтобы все имели возможность помолиться... Смотря по местным условиям, можно в одном поселке совершить с вечера бдение, а в селе с утра другое бдение и обедню. Вечером же съездить в другой поселок и совершить там вечерню или акафист с беседой. На неделе же случающиеся праздники тоже можно использовать для богослужения по поселкам. Конечно, все это нужно заблаговременно наметить, оповестить население, чтобы все знали и готовились»<sup>87</sup>. Приходским священникам владыка советовал завести в храмах общенародное пение: начать с известных всем молитв и кончить тем, чтобы всё богослужение вместе с канонархом исполнялось самими прихожанами. «Таким путем и в жизнь пойдут церковные песнопения, в старину заполнявшие жизнь народную, и теперь они вытеснят собою все грязные, расплотившиеся в народе песни мирские – научат и благоговению в самом поведении»<sup>88</sup>. Он советовал пастырям не ограничиваться проповедью за литургией, но проповедовать и за другими богослужениями, «хоть краткое слово назидания от Евангелия предлагать молящимся, питать их душу хлебом Божиим. Кроме того, непременно нужны внебогослужебные чтения и беседы – в храме, в школе... На них уместно и следует завести пение хоровое и общенародное. Тут будет и чтение от Божественного, и рассказ из жизни святых или из истории поучительной. На сих чтениях удобно может исполняться и самая катехизация народа»<sup>89</sup>.

Большое значение епископ придавал кружкам ревнителей благочестия. «Несомненно, во всяком приходе, даже в самом распропагандированном, найдется много таких, – писал он, – которые скучают и скорбят о всем нехорошем в жизни. Вот с них-то и пусть священник начнет дело церковной миссии. Пусть он соберет около себя таких ревнителей благочестия, христианского научения и книжного доброго чтения. Из них можно составить постепенно как бы миссионерский кружок или кружок ревнителей. Собирая их по временам вместе, беседовать о вере и жизни, читать слово Божие и о Божественном, возбуждать в них самих ревность о том, чтобы и других привлечь к своему содружеству, научать их – как действовать на других и на кого именно, с какой стороны и что предлагать другим ко вниманию, чтобы возбудить жажду духовной жизни»<sup>90</sup>.

На своем личном миссионерском опыте, своими глазами видел он, сколь велико и положительно влияние разного рода паломничеств и экскурсий. «Кончились полевые работы у крестьян, и поднимается деревня в путь из разных концов Японии, – вспоминал владыка. – Путешествуют и одиночно, но больше партиями для удобства и дешевизны. И крестьяне, и крестьянки, и старые и малые посетят все достопримечательности в том или другом городе или округе страны, побывают у всех своих заветных языческих мест и храмов, все высмотрят, все заметят, чему можно поучиться у других, и домой возвращаются довольные

путешествием, богатые воспоминаниями и впечатлениями, приносят с собой или редкости, или полезные вещи...»<sup>91</sup>

В бытность своего служения в Новгородской епархии епископ видел, какую великую пользу могут принести паломничества и крестные ходы ко святыням. «Влияние на народ таких народных торжественных богомолений весьма велико и несомненно. Особенно если такие богомоления устраиваются вовремя, с предварительной подготовкой, с личным воодушевлением священника. Нужно пользоваться всяким удобным случаем, чтобы вызвать народ на это. Засуха, ненастье затяжное, мор скота, червь напал на хлеб и т.п. – все это дает священнику повод обратиться к душе своих прихожан, чтобы возбудить в них дух сокрушения, искание Божьего заступления, желание молиться Ему и Его угодникам. Концом этого и будет нарочитое богомоление, поднятие икон в деревне, крестный ход вокруг села или на поле и т.п. Тут и место проповеди, и общенародному пению, и обещание на трезвость, и усердие на общее доброе дело и т.п. Вовремя устроенное, все это будет иметь весьма важное значение и надолго сохранится с благоговением в народной памяти. Такое же значение имеют и путешествия по святым местам. Издревле это было весьма воспитывающим средством на Святой Руси. К народным святыням нес наш народ и горе, и радость. У народных же святынь он заполучал и выносил в жизнь все высокое и святое»<sup>92</sup>.

Владыка понимал, что не социальные, экономические или политические реформы грядут в мир, а новое язычество. И это «новое язычество в разных, самых благовидных и культурных формах посягает на самые основы веры в Христа Спаса. Оно стремится заменить собою христианскую закваску жизни христианских народов. Для сего оно с особым расчетом покровительствует временно всякому иному исповеданию, всякому сектантству, всякой иной вере, только бы в России развалить господствующее православие... в уверенности, что после того ему со всеми иными верованиями и толками и считаться уже не придется... Поэтому нельзя благодушно выжидать, что приедет миссионер и своими беседами всех уговорит остаться в православии. Нет, пусть всякий священник на месте сам постарается все прежде сделать для христианского просвещения пасомых, для наставления их на жизнь по Евангелию, для уврачевания ослабевших в исполнении христианского долга, для вразумления смущаемых и уклоняющихся от Церкви, а следовательно, и от Христа Жизнодавца»<sup>93</sup>.

Епископ много способствовал народному просвещению и проведению миссионерской деятельности в жизнь. В Пермской губернии было много старообрядцев, но в конце концов стали возникать и единоверческие приходы. Из-за недостаточного числа пастырей многие приходы подолгу оставались без постоянного священника. Стараниями епископа в Перми были учреждены пастырские курсы, созданные специально для подготовки единоверческих священнослужителей. Обучение заканчивалось торжественным богослужением. Литургию в единоверческом храме совершал по служебнику XVI века сам владыка.

Пермская епархия была одной из немногих, где архиерей и пастыри, особенно из числа миссионеров, с тревогой смотрели на стремительное распространение безбожия, на этот раз под видом научного социализма и марксизма. Учение это для народа явилось поначалу внешней, даже весьма благообразной стороной, как бы заимствованной из христианского учения,

толкующим о справедливости, – внутри же оно было полно отрицания всех нравственных ценностей, яда морального анархизма, оно духовной смертью поражало душу всякого вверившегося ему. На просторы мировой истории вышла новая секта безбожников, обладавшая динамичностью и энергией древних еретических сект, сотрясавших христианский мир в течение столетий и нередко и ранее подчинявших себе целые государства.

В 1916 году в Пермской епархии были созданы миссионерские курсы по обличению неверия и социализма, проводившиеся под руководством пермского епархиального миссионера Андрея Гавриловича Куляшева. Курсы знакомили слушателей со средствами борьбы с безбожием, которое уже не ограничивалось «интеллигентным» населением городов, но широко разливалось по селам и деревням среди крестьян. Слушателям сообщались сведения о современном состоянии безбожия за границей и в России с научной постановкой вопросов о Боге, мире и человеке, причем обращалось особенное внимание на те положения в вопросах веры, которые оспаривались безбожниками. После занятий слушатели проводили миссионерские беседы с богомольцами, произносили по праздникам и воскресным дням в храмах проповеди, которые затем служили предметом разбора на лекциях.

Во все время служения епископа Андроника в Перми за каждой воскресной и праздничной литургией всегда говорилось две проповеди. Первую говорил епископ после Евангелия, вторую – после литургии кто-нибудь из священников по назначению; проповеди говорилось не с амвона, а с архиерейской кафедры.

Наблюдая почти всеобщее государственно-правовое невежество и упадок веры в стране, владыка видел, что близок конец монархического строя, и, находя лучшей формой правления для России царское самодержавие, он предпочитал говорить правду и царю, в воле которого было восстановить самодержавие или кануть в лету вместе с монархами европейскими, и во всяком случае не компрометировать монархический строй – государственную опору русского народа – близкими связями с такими темными личностями, как Распутин. Епископ, как и многие ревностные святители того времени, относился к Распутину резко отрицательно; тот знал это и боялся владыку. Проезжая из Петербурга в Тобольск, Распутин обыкновенно останавливался на два дня в Перми. Ходил в собор, но становился подальше от архиерейской кафедры, около свечного ящика, тогда как при предшественнике владыки Андроника, епископе Палладии, стоял всегда впереди у правого клироса.

В 1916 году владыка ездил в Ставку Верховного главнокомандующего с делегацией от Пермской губернии. Находившийся ранее в Перми Троицко-Сергиевский пехотный полк получил в этом году название «Пермский», и пермяки поднесли полку новое знамя. После торжественной церемонии пермская делегация была принята Государем. На другой день епископ Андроник служил литургию в походной церкви при штабе главнокомандующего в присутствии Государя и офицеров Ставки. Когда Государь приложился ко кресту, владыка попросил у него позволения поговорить с ним наедине. Государь согласился и пригласил его в здание штаба. Во время свидания епископ стал увещевать Государя, говоря ему, что Григорий Распутин – личность недостойная, что о нем много говорят грязного, нехорошего, и близость его к царской семье порождает множество сплетен и компрометирует Государя.

Молча выслушал Государь святителя и, когда тот кончил, встал с кресла и позвонил в колокольчик.

– Граф, проводите владыку! – сказал Государь вошедшему министру двора графу Фредериксу, и сам пошел к выходу.

В дверях он обернулся и сказал:

– До свидания, владыка, советую вам не верить всякому вздору.

Император был задет сделанным ему святителем выговором. Но епископ не мог не сказать того, в чем был убежден, ища не своей выгоды, а пользы Государя и народа. Ответ Государя и невозможность откровенного разговора с ним были весьма прискорбны ему.

В отличие от многих архипастырей и пастырей, равнодушно смотревших на жизнь современного им государства, владыка считал это равнодушие пастырей – религиозных вождей народа – к жизни страны предосудительным, причину его видел в лени и нежелании вникать в существо происходящего. Уж кто-кто, а пастырь обязан видеть и знать действительность и многогранно, проникать в ее духовный смысл, и уметь ясно и неразладно с Христовой правдой и сердцем человеческим растолковать его своей пастве – если в том будет нужда – хотя бы для того, чтобы оградить ее от губительных для души лжеучений. Уж кому и видеть окружающее ясно, как не пастырю, в чьем сердце должен гореть благодатный свет всепросвещающего учения Христова, перед мысленным взором которого всегда должно быть нелицеприятное евангельское мерило.

Пастырь сугубо должен быть просвещен светом Христовой истины, знанием сердца человека и мирской премудрости, и все эти знания содержать в себе, как в едином сосуде, тщательно очищаемом от страстей.

Все годы мировой войны епископ принимал деятельное участие в событиях, касающихся жизни народа. С октября 1915 года пермский лазарет стал заполняться прибывающими в город ранеными. Владыка сам посещал их. Он предписал ввести во всех монастырях Пермской епархии круглосуточное чтение акафистов Господу, Божией Матери и святым; благословил после прочтения акафиста прочитывать молитву о даровании победы и молитву об упокоении воинов, отдавших свою жизнь за веру, царя и Отечество. Он благословил всем женским монастырям епархии выделить по два человека для сбора пожертвований по селам и деревням на содержание лазаретов, на нужды воинов и на пасхальные подарки для них<sup>94</sup>.

Владыка был инициатором различных мероприятий, служивших поддержке армии и пробуждению религиозного духа народа, устраивал крестные ходы и сугубо покаянные постные дни, чтобы привлечь народ к покаянию, а к народу привлечь милость Божию.

Он старался отыскивать практические пути для улучшения положения дела; раздумывая о патриотическом воспитании молодежи, он писал, что Пермский епархиальный училищный совет должен «озаботиться неперменным введением во всех школах военной гимнастики... и военных детских игр. Для этого переживаемое военное время представляет особенно благую пору, ибо дети и самостоятельно теперь играют в солдатики, устраивая целые примерные походы... На местах теперь всюду найдутся военные люди, которые из любви к искусству, из любви к Родине, несомненно, потрудятся в данном деле. Всякий старательный заведующий школой сумеет и поселян расположить к тому, чтобы такому учителю военной гимнастики принести какую-нибудь денежную благодарность за труды\*. Польза же от обучения военной гимнастике будет

---

\* То, что владыка надеялся, что такое общегосударственное дело, как победа народа в мировой войне, требовавшее напряжения всех его сил, важным элементом которого является дело

несомненная и большая: дети заранее ознакомятся со многими приемами военного дела, будут подвижнее, расторопнее, смекалистее, осмотрительнее... Несомненно, значение этого являет собою немецкая армия, в которой все солдаты еще на школьной скамье обучались военному строю и приемам даже с ружьем. Это обеспечивает громадное сбережение времени, когда молодые люди призываются на военную службу. Доказывать это не приходится как очевидное дело; нужно только и нам усвоить тот же путь воспитания населения в готовности на защиту Отечества от внешних врагов его...»<sup>95</sup>.

Весьма заботило ревностного владыку и материальное положение духовенства и служащих духовного ведомства, которое за год войны резко ухудшилось; он искал возможность для них покупать товары «по возможно дешевой цене или по умеренным рыночным ценам»<sup>96</sup> и 9 ноября 1915 года предложил «духовенству города Перми и завода Мотовилихи, корпорации духовно-учебных заведений, чинам консистории, представителям архиерейского дома и градо-Пермских обителей выяснить вопрос об открытии в городе Перми особого Братства потребителей епархиального ведомства»<sup>97</sup>. На состоявшемся по этому вопросу собрании было принято предложение владыки; учредители Братства во главе с ректором Пермской Духовной семинарии архимандритом Пименом (Белоликовым)\* направили Пермскому губернатору устав Братства, и 9 декабря того же года епископ обратился в Святейший Синод с просьбой благословить его открытие. 7 марта 1916 года он снова обратился в Синод в связи с тем, что, поскольку со стороны гражданских властей не встретилось препятствий в регистрации общества, он просит Синод ускорить «открытие в городе Перми потребительского Братства епархиального ведомства по представленному проекту устава»<sup>98</sup>.

Но положение в стране становилось все хуже и хуже; нравственное разложение, идя от власти и деньги имущих, захватывало все большие слои народа, когда одна часть народа стала использовать войну как средство для личной наживы за счет погибнувшей другой части народа. Осенью 1915 года владыка, взывая к совести хищников-предпринимателей, обратился к ним с архипастырским словом: «Как настоящие немецкие мародеры или дикие шакалы, набросились на обывателя иные торговцы, особенно крупные торговцы-предприниматели. Прикрываясь тем, что фабрики и заводы в значительной части снаряжены для войны, что рабочие руки дороги, что подвоз весьма труден и т.п., фабриканты и заводчики бешено взвинчивают цены на предметы даже первой необходимости. А чтобы еще больше оправдаться в этом хищничестве, они задерживают и скрывают товары и продукты, чтобы их и не оказалось на рынке.

В соответствии с этим поднимаются цены и на местах, и у мелких торговцев и предпринимателей. А так как обыватель знает преимущественно с такими мелкими торговцами и предпринимателями, то и сеется в населении злоба и смута – против них. Несомненно, таким путем многие головокружительно обогащаются за счет народной беды и нужды.

Мы же, по данной нам от Бога власти, таковых хищных сребролюбцев предаем суду Божию, объявляя: “серебро твое да будет в погибель с тобою”

---

патриотического воспитания молодежи, может устраиваться на энтузиазме частных лиц, – рисует все дело совершенно безнадежным, так как свидетельствует, что государство к этому времени в лице власти имущих совершенно перестало осознавать свои задачи.

\* Священномученик Пимен (в миру Петр Захарович Белоликов), впоследствии епископ Верненский; память 3/16 сентября.

(Деян. 8, 20). Они хищные шакалы для своих соседей, они вредные и опасные злодеи для всего Отечества, наталкивающие народ на беспорядки, выгодные врагам. “Послушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящих на вас. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью” (Иак. 5, 1-2)“...»<sup>99</sup>

Газета, опубликовавшая призыв архипастыря, с горечью отмечала впоследствии, что его голос оказался одиноким, – и общество, и государство остались глухи к первейшему вопросу, от которого зависело их собственное существование.

23 мая 1916 года епископ Андроник обратился к пастве с сугубым посланием, в котором приводил церковные постановления об обогащающихся во время нашествия иноплеменников. Он писал: «Много гадости обнаружилось за это время войны в людях. Об одной из таких и ныне уже не в первый раз приходится настойчиво говорить, тем более что и высшая церковная власть призывает напоминать о том всем православным христианам.

Разумею лихоимство и грабительство народа во время нашествия неприятеля, которое так затрудняет теперь нашу жизнь, всех волнует и доводит до опасных для народного благополучия проявлений. Еще осенью приходилось от слова Божия говорить и объявлять грозный суд Божий на желающих от народной беды увеличить свое богатство. В минувшем апреле оповестил я письмо из действующей армии со строгим обличением на таких, как на друзей врагов наших. Извещен я, что не всем по сердцу пришлись такие речи, что многие сильно обиделись даже на это.

Конечно, с такими мародерами наживы должна бы считаться гражданская власть, на то и поставленная, чтобы быть отмстителем в наказание делающему злое. Указываемое же зло угрожает всему народу и тому общественному порядку, который и составляет первейшую заботу власти. Посему еще первые наши святители напоминали об этой обязанности святому равноапостольному князю Владимиру, когда он из чувства святого милосердия христианского оставлял ненаказываемыми разных злодеев. Святители и говорили ему, что ради такого попустительства злые люди окончательно будут насильничать над добрыми, и зло воцарится, а добру не будет места... Исполняя сей завет наших первоначальников веры, и мы напоминаем всякой власти на земле нашей – не давать воли никаким недобросовестным людям, чтобы не было от них насилия мирным гражданам. Ибо, по слову святого апостола Павла, начальствующие должны быть страшны для дел злых, как Божии слуги, отмстители в наказание делающему злое (Рим. 13, 3-4). Попустительствуя же злым, власть сама себя упраздняет, укрывая данный ей меч, как ненужное украшение. Тогда разросшееся зло не только жизнь мирных граждан сделает несносной, но сметет и самую власть бездействующую, отдав народ в насилие смуты, сбивающей с толку и благонамеренных людей»<sup>100</sup>.

Описывая обстановку, бывшую в Перми во время войны, владыка писал архиепископу Новгородскому Арсению: «Молились, постились и исповедовались мы здесь по призыву Господа через Святейший Синод. Но далеко до всенародного покаяния и у нас, и, конечно, повсюду. Власти и большинство интеллигенции остались в стороне: это-де для глупого народа, который-де невежда в законе, – а мы ведь вумные... Эти дни поста были истинным экзаменом для верхов народа: какому богу они кланяются. Оказывается, должно

быть, что не истинному Богу, а молоху века сего. Вот корень зла и причина войны. Отсюда вывод: война кончится ничем, хотя бы мы и победили немцев.

Вчера величественно и многолюдно прошел молитвенный крестный ход. Возвратились уже в пятом часу в собор. Все время пели, разными витиями было сказано пять проповедей и о трезвости, и по военному времени. Великое множество народа собралось. Ровно год назад провели мы здесь экстренно устроенный крестный ход.

Сегодня прочитал Ваш призыв о спасительном пути. Спасибо за дерзновенное и открытое слово. Но, очевидно, и в Новгороде то же, что и в Перми, творится. Так, вероятно и везде. Газеты хвастали даже, что и при входе немцев в Варшаву творилось то же самое развеселое житие: “нам-де немцы вовсе не страшны”. Какая дерзость перед Богом! Точь-в-точь как пред всемирным потопом было и будет пред концом мира»<sup>101</sup>.

Обстоятельства большой войны, в которой оказались участниками десятки миллионов людей, поставили вопросы и перед Церковью, когда и к епископу Андронику, и в Синод стали обращаться за разъяснениями люди, участвовавшие в войне, а ныне желавшие принять священный сан, и 3 мая 1916 года епископ обратился в Святейший Синод за разъяснениями. Приведя в своем письме правила Вселенских Соборов и святых отцов, владыка писал: «Ввиду изложенного по вопросу: можно ли воину, участвовавшему в войне, принять священный сан, я прихожу к такому выводу. Ввиду того, что дело воина-христианина, защищающего свое Отечество, не порицается, а признается подвигом, следовательно, оно само по себе не может быть препятствием и к принятию священного сана. Но так как участие в военных действиях, в силу их исключительных условий, может очерствить сердце воина, привив ему в известной степени “нечистые”... чувства и переживания, то необходимо в отношении кандидатов священства из воинов придерживаться следующего образа действий. В каждом отдельном случае заявления со стороны участвовавшего на поле брани воина о желании принять сан священства необходимо со всей тщательностью испытывать совесть такого кандидата, что составляет обязанность духовника, исповедующего ставленников. При этом, если после такого тщательного и всестороннего испытания совести бывшего воина окажется, что участие в войне произвело на него вредное влияние: сделало его грубым, черствым, жестокосердным и т.д., то такого не допускать до принятия священного сана. В том же случае, если и после участия в военных действиях против врагов Отечества кандидат священства сохраняет в себе доброе настроение воина-христианина, как “поборника целомудрия и благочестия”... принося искреннее раскаяние во всех своих грехах, и, если в его прошлом не будет греха, препятствующего восприятию им благодати священства, такого дозвоительно допустить к принятию священного сана»<sup>102</sup>.

12 мая 1916 года Синод, заслушав рапорт епископа Андроника, согласился с его предложениями, издав соответствующий указ.

Владыка использовал любую возможность, чтобы пробудить «спящих», просветить невежественных, обратиться к народу со словом увещания. Он устраивал крестные ходы не только в дни церковных праздников, но и в дни памятных исторических событий. По его благословию десятки тысяч православных во множестве крестных ходов собрались в монастырь на Белой Горе в память избавления от пугачевских разбойников.

Святителю было прискорбно, что значительные исторические события народ воспринимает как малозначащие. То, чем другие народы восхищались бы, сделали бы предметом национальной гордости и поклонения не только для своего народа, но и для других, поминали бы ежегодно, что придает национальной культуре историческую форму, – всем этим в России пренебрегают, а образованная часть народа упорно не желает говорить о ценности национального прошлого. «На этой масленичной неделе, – писал епископ, обращаясь к Пермской пастве, – в пятницу исполняется годовщина великого дня освобождения от крепостной зависимости блаженной памяти царем Освободителем и мучеником Александром II. Между тем, к сожалению, освобожденные и их дети и внуки не помнят должным порядком этого великого дела милости царской... Благодарности благоговейной не проявляют... Пусть все храмы полны будут молящимися. В Перми и особый храм в память освобождения крестьян есть – это Воскресенская церковь. Там в этот день торжественное богослужение будет совершено... Вместо гулянья бестолкового на морозе да вознесем в храмах молитвы и благодарения ко Господу Богу...»<sup>103</sup>

8-9 марта 1916 года определением Святейшего Синода епархиальным архиереям было поручено ответить, могут ли они учредить в своих епархиях викарные кафедры при том условии, если они сами изыщут средства на их содержание. Епископ Андроник 7 мая 1916 года писал Святейшему Синоду: «Вверенная мне Пермская епархия занимает площадь до 360 тысяч квадратных верст. Имеет она разноплеменного и разбросанного поселениями и хуторами населения свыше полутора миллиона душ обоего пола только православных христиан. Кроме того, в пределах епархии числится свыше 100 тысяч старообрядцев обоего пола, свыше 100 тысяч мусульман обоего пола, свыше 20 тысяч язычников обоего пола и свыше трех тысяч душ католиков и лютеран. Приходов в пределах епархии числится к 1916 году – 481. Предполагаемая реформа приходской жизни настойчиво требует непосредственного руководства епархиального епископа своим духовенством. Это требование в Пермской епархии усугубляется и осложняется, возлагая на епархиального архиерея задачу чрезмерно трудную. Пермская епархия – в особых, далеко не благоприятных условиях. Территория ее слишком велика. Разнообразно и население Пермской епархии. Сама природа здесь создает это разнообразие. Суровый север епархии, занимающий большую площадь, населен лишь по рекам и реченькам. Народ здесь стоит на низкой ступени развития; просвещение в этот край идет медленно, вяло. Народ – пермяки-инородцы, – по своим религиозным воззрениям это еще дети. На юге в Осинском и Красноуфимском уездах целые волости с громадным тысячным населением инородцев: черемис, вотяков, башкир, татар. Магометанство и язычество в этих пределах держится крепко. В Красноуфимском, Оханском, Соликамском и Пермском уездах целые районы с заводско-фабричным населением, которое с давних пор стремится к широкой свободе. Почти во всех уездах епархии живут грубые фанатичные раскольники... Таким образом, в Пермской епархии почти параллельно проходят три направления: инородно-языческое, расколо-старообрядческое и церковно-православное. Осуществить при таких условиях мероприятия к введению в жизнь закона об устройстве православных приходов одному епархиальному епископу чрезмерно трудно. Чтобы посетить главные, центральные пункты городского, заводско-фабричного и сельского населения нужны не только желание и ревность, но и продолжительное время и напряженный и усиленный труд... Единственным

выходом из такого положения может послужить учреждение в Пермской епархии кафедры викарного архиерея, который бы разделил великий труд епархиального епископа в управлении обширной Пермской епархией. Викарный епископ будет жить в городе Соликамске и иметь пребывание в Соликамском мужском монастыре на правах настоятеля оногo... Называться посему викарному епископу подобает Соликамским, почему епархиальный архиерей должен называться Пермским и Кунгурским. Ближайшему ведению викарного епископа должны быть подчинены северные уезды епархии Соликамский и Чердынский на основании особой инструкции, с тем чтобы на время путешествий епархиального архиерея по епархии или иных надобностей для дела викарный епископ жил в Перми в архиерейском доме для управления делами епархии по уполномочию епархиального архиерея и для совершения богослужения...»<sup>104</sup>

Одновременно с этим епископ Андроник в случае, если его ходатайство будет утверждено, просил «на кафедру викарного епископа Пермской епархии назначить ректора Пермской Духовной семинарии архимандрита Пимена\*... достойно проходящего свое служение, в достаточной степени ознакомившегося с населением и местными церковными нуждами и запросами края, чтобы быть действительным помощником епархиальному архиерею в деле управления громадной по пространству и разнородной по многочисленному населению епархией...»<sup>105</sup>.

23 мая 1916 года Святейший Синод, однако, постановил: «Признавая это ходатайство Преосвященного Пермского заслуживающим уважения, Синод полагает переместить на кафедру епископа Соликамского, по учреждении сей кафедры, начальника Российской Духовной миссии в Урмии епископа Салмасского Сергия<sup>106</sup>, а начальником сей Миссии назначить ректора Пермской Духовной семинарии архимандрита Пимена, с посвящением его в сан епископа...»<sup>107</sup>

Поскольку епископ Сергий не прибыл в Пермскую епархию, владыка 1 августа 1916 года вновь написал в Синод: «Мне известно, что от 1 июля назначенный викарием в Пермскую епархию епископ Сергий теперь находится в Петрограде, но доселе не счел нужным ни словом дать о себе знать в Пермь, из чего предполагаю, что едва ли он намерен направляться к месту своего нового назначения... Посему долгом своим почитаю покорнейше просить Святейший Синод, по отобрании от епископа Сергия решительного ответа по данному вопросу, в случае его нежелания направиться на Соликамскую кафедру, благословить мне нового помощника. Со своей стороны осмеливаюсь таковым указать новгородского епархиального миссионера-проповедника архимандрита Варсонофия\*\*, буде отпустит его Новгородский Владыка. Как я уже представлял в Святейший Синод, главное дело для Соликамского епископа – миссионерство среди раскола старообрядчества и среди заброшенных инородцев-пермяков – полуязычников-полухристиан. Наш северный раскол пока мало имел дело с церковной миссией, но одинаково на наше счастье он заброшен и миссией со стороны боевого раскола, поэтому весьма благовременно обратить на него должное внимание пока не поздно. Архимандрит Варсонофий для такого дела организации миссии и руководства ею на месте был бы вполне соответствующим работником, как и для пермяков – этого нетронутого

---

\* Белоликова.

\*\* Священномученик Варсонофий (в миру Василий Павлович Лебедев), впоследствии епископ Кирилловский, викарий Новгородской епархии; память 2/15 сентября.

простодушного народа, горячо отзывающегося на простое и живое отношение и проявляющего тогда высокое и трогательное благочестие. Если же и еще дальше пропустить время, то, пожалуй, будет уже и поздно приняться за желательное воцерковление пермяков, когда и к ним проникнет всяческими путями современная отрицательная культура на совращение не окрепших духовно инородцев...»<sup>108</sup>

Перенапрягаясь в архипастырской деятельности, не жалея сил на многообразную деятельность на пользу Церкви, владыка все чаще стал болеть, и многие приходы, нуждавшиеся в его присутствии, были этого лишены. Епископ Андроник неоднократно ходатайствовал перед архиепископом Арсением отпустить к нему всеми любимого архимандрита Варсонофия (Лебедева) для хиротонии его во епископа Соликамского, викария Пермской епархии. «Мне нужен работник на раскол северный, пока еще дремлющий, чтобы не было поздно, когда проснется. Если можно, то отпустите и поставьте его у Софийских угодников во архиерея, как и древле ушкуйники от Софии направлялись в Биармию-Пермь»<sup>109</sup>.

Однако не так много было столь достойных пастырей, как архимандрит Варсонофий, и он по предложению архиепископа Арсения был оставлен в Новгородских пределах и 8 января 1917 года хиротонисан во епископа Кирилловского, викария Новгородской епархии, чтобы через полтора года пролить мученическую кровь на той земле и среди той паствы, ради которой он пролил ранее столько пота и слез, и завершить свое жертвенное служение славной же и мученической кончиной.

Епископ Андроник стал просить архиепископа Арсения ходатайствовать перед Синодом, чтобы ему в викарии был дан ректор Пермской Духовной семинарии архимандрит Феофан (Ильменский)\*. «Поддержите это мое представление, – писал ему владыка Андроник. – Хотя он и недавно здесь, но академию кончил еще в 1892 году и с 1894 года в священном сане был законоучителем, а потом смотрителем и наконец ректором. И здесь сразу прекрасно повел дело. Надеюсь иметь в нем хорошего помощника... Владыко, Вы получили по своему намерению викария, помогите и мне вместо Преосвященного ныне Варсонофия иметь тоже по своему намерению помощника...»<sup>110</sup>

25 февраля 1917 года в крестовой церкви архиерейского дома состоялось наречение архимандрита Феофана во епископа, а на следующий день в кафедральном соборе – его хиротония во епископа Соликамского, викария Пермской епархии.

Еще до государственного переворота, после которого началась новая эпоха церковного бытия и взаимоотношений Церкви и государства, владыка Андроник, читая будущее, как в раскрытой книге, писал: «Подождите, все поспешные реформаторы Святой Церкви: независимо от нашего желания произойдет и у нас отделение Церкви от государства, а после того и неизбежное гонение на Церковь не только от безрелигиозного, но и от антихристианского государства... Хотим мы или не хотим, но такое время к нам приближается. К нему и нужно готовиться как к огненному испытанию для нашей веры сначала от духа антихристового, а потом и от самого антихриста...»<sup>111</sup>

---

\* Священномученик Феофан (в миру Сергей Петрович Ильменский), впоследствии епископ Соликамский, викарий Пермской епархии; память 11/24 декабря.

Произошла Февральская революция 1917 года. Сведения о совершившемся государственном перевороте и отречении Императора Николая II от престола достигли Перми 3 марта 1917 года. В тот же день поздно вечером в архиерейском доме по предложению епископа Андроника состоялось совещание высших начальников губернии. Владыка на этом совещании напомнил, что Русская Православная Церковь на протяжении всей истории была хранительницей и защитницей порядка, и теперь она не может остаться равнодушной зрительницей происходящих бедствий и должна возвысить свой голос в защиту порядка, который немислим без самодержавного Государя. Владыка зачитал проект написанного им обращения к православным людям и предложил присутствующим высказаться насчет целесообразности подобного обращения. Присутствующие одобрили его. Перед тем как разойтись, ректор Пермской Духовной семинарии архимандрит Матфей\* с горечью упрекнул вице-губернатора: «Если бы господа губернаторы покрепче расправлялись с крамольниками, у нас все было бы в порядке». На это вице-губернатор парировал: «А вы, духовные, должно быть, плохо молились». Отец Матфей попытался на это что-то возразить, но владыка взял его за плечо и тихо сказал: «Помолчи, Матфей!.. Действительно, плохо мы молились»<sup>112</sup>.

4 марта епископ Андроник обратился с архипастырским призывом ко всем православным христианам Российской Церкви. Он писал: «Среди грозных событий тяжкого времени, перед лицом стоящего у врат Отечества лютого и коварного врага, совершилось событие величайшей важности и священности. Боговенчаный Государь Император Николай II Александрович, в своей неподкупной совести предавая себя в десницу Всевышнего Сердцеведца, сложил с главы своей царскую корону, отрекшись от царского престола с передачей такового своему царственному брату великому князю Михаилу Александровичу. Да будет воля Всевышнего.

Но сегодня телеграфное агентство принесло телеграмму о том, что великий князь Михаил Александрович решил принять верховную власть в том лишь случае, если такова будет воля всего великого народа нашего через всенародное голосование. Вместе с тем великий князь Михаил Александрович просит всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству, теперь облеченному всей полнотой власти, впредь до выражения всем народом своей воли.

Так Божиим испытанием пока остаемся мы в междуцарствии. Ко всем тяготам переживаемого нами времени прибавилось это новое испытание. Среди таких обстоятельств именем Божиим и для блага Родины нашей призываю всех православных чад Церкви и граждан державы Российской оказывать всякое послушание Временному правительству, сохранять всяческое спокойствие, всякому на своем месте и деле усилить работу на славу и благополучие Отечества, чтобы жестокий враг не воспользовался создавшимся трудным положением в стране нашей. Пусть всякий свято сознает свой гражданский долг перед лицом врага и при тяжких условиях в Отечестве.

Особенно же по долгу архиерейства и от беззаветной любви моей к дорогому Отечеству призываю всех от мала до велика с горячим и откровенным усердием устремиться на молитву ко Господу Богу о Его всеильной нам помощи среди создавшихся трудных обстоятельств. Будем умолять Его, Всещедрого, да

---

\* Преподобномученик Матфей (в миру Михаил Владимирович Померанцев); память 14/27 августа.

устроит Сам Он власть и мир в земле нашей, да не оставит Он нас надолго без царя, как детей без матери. Будем умолять Его, да не попустит, чтобы прикоснулся к нам враг губитель, да не будет новою скорбью унижен весь народ наш. Да поможет Он нам, как триста лет назад нашим предкам, всем единодушно и воодушевленно получить родного царя от Него, Всеблагото Промыслителя.

Призывая Божие спасительное благословение, вместе с тем призываю всех к послушанию, к миру, к усиленному труду и тем более к усердной молитве перед Богом, Который только и может сохранить нас от новых бед, а существующие беды обратить в ничто...»<sup>113</sup>

5 марта в Спасо-Преображенском кафедральном соборе при огромном стечении народа на литургии после чтения Евангелия епископ сказал: «Ведаю, братие, что ждете от меня слова по поводу всех переживаемых нами событий. Но что же я могу сказать вам, грешный, кроме той печали, которая обдержит сердца наши... Итак, не стало у нас царя. И Церковь не смеет провозгласить в своих молитвах и песнопениях эту самую, народом исторически созданную святыню народной души, постепенно, в дали веков из разрозненности объединившую весь великий русский народ во единого соборного человека с созданием великого государства Российского... Что же нам делать среди таких испытаний? Прежде всего... призываю всех русских граждан проявлять полное подчинение Временному нашему теперь правительству, облеченному всей полнотой власти и не без воли Божией взявшему бразды правления в такое тяжкое время. Пусть все и всякий помнят сие апостольское слово: “всяка душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. И потому надо повиноваться не только из страха наказания, но и по совести” (Рим. 13, 1, 5), “да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен” (2 Тим. 3, 17)... Отечественная опасность требует от нас дела и работы для устранения всей разрухи в стране нашей. От нас требуется не только удвоенное усердие в деле, но прямо подвиг и самоотречение... Возьмемся... за дело честное, доброе, пред лицом Всеведущего Бога себя поставляя, в святой заботе о целостности дорогого Отечества. Пусть никто не брезгует никаким трудом для блага его. Не время безделью и развлечением. Нашей беспечностью и постыдностью да не осквернится лицо земли Русской. Месяца два назад я посылал свою слезницу к высшей нашей духовной власти по поводу переживаемых событий. Охарактеризовав всю тяжесть грозного момента и уверенно, безбоязненно указывая на угрожавшую нам опасность, я умолял войти в Совет Министров, в Государственную Думу и Совет и даже к самому царю и умолять их прежде всего о прекращении – если не на все время войны, то хотя бы на время сего Великого поста – о прекращении всех увеселений, этого пира во время чумы, умолять о том, чтобы начата была беспощадная борьба со всяческой ложью, бездеятельностью, беспечностью, злоупотреблениями, изменою, от которых Отечество в опасности, дабы не разверзлись над нами небеса гнева Божьего за эту подлую пляску в братской крови. Люди пляшут, смеются, веселы, купаясь в братской крови, проливаемой на поле брани, радуясь, как брызжет она, сверкая на солнце в своих каплях, во все стороны разлетающихся. Ведь это преступление пред братской кровью, пред кровью нашей многострадальной героической армии. Так я писал тогда. Но на это свое моление я не получил и ответа; вероятно, только улыбнулись на него, как на пустую затею не в меру ревнующего человека, видящего опасность там, где нет ее. И доулыбались, и довеселились до того, что потекла кровь не только на поле брани от врагов, но и в

стольном граде братская кровь от междоусобицы. И довели мы себя до такого тяжкого состояния. Вот наше горе и плач, и неведомо, когда они прекратятся. Но вот и последнее мое слово о том, о чем так часто не переставал и не перестану взывать ко всем. Потому так много бед обрушилось на нас, что тяжело мы согрешили пред Богом, отступили от Него, превозносясь сим богоотступничеством. Посему покаемся в этом, оставим все, чем прогневляется Бог. Настало время благоприятное, ныне день спасения. Отложим дела темные. О, если бы было обращение к Богу души соборной-народной, дабы увидел Он, что признаем мы себя греховными пред Ним, что мы Отцом своим называем Его и к Нему Единому припадаем. Повторяю – Отечество в опасности. Только один Всемогущий Бог может извести нас из этого тяжкого положения. Только Он может спасти нас и устроить все, изведя людей мудрых и сильных, которые смогли бы провести наш корабль народный смело и верно к тихой пристани среди всех бурь и подводных камней и передать нам Великую Россию полную духовных и вещественных благ.

Молю всех и каждого: передайте от меня слышанное всем близким и соседям вашим, воодушевляйте друг друга, обращаясь ко Господу с покаянием. Ты же, Неизвестный Милосердный Господи Боже, ведь это Ты в древности из рассеяния собрал великий русский народ и устроил страну нашу родную. Это Ты полоненную Россию освободил от ига татарского. Это Ты во времена лихолетья триста лет назад из пепла восставил Россию в крепости, изведя мужей мудрых и сильных на дело спасения Отечества. Это Ты сто лет назад, когда Наполеон сидел уже в сердце России – в Москве, тогда Ты же из огня и пламени спас Россию, изгнавши самих супостатов наших от нас. И нас, Боже, возведи в силу и славу, когда увидишь наше покаяние, когда люди, как дети, прострут к Тебе руки, на Тебя Единого надеясь, Тебя Единого имея своим Помощником и Покровителем. Ты, Господи Боже, и с нами сотворил дивные чудеса в первое время этой кровопролитной войны. Сколько раз Ты отверзал самое небо, и наши чудобогатыри видели Царицу Небесную, им помогающую. Мы видели, как в таких знаменьях небо соединялось с землею, и в первый год войны познали это небо на земле и сами себя почувствовали небесными. Но все это исчезло уже, ибо мы в этом не познали Твоей милости к нам и возгордились. Но Ты Сам, Господи, возврати нас к Себе, вложи страх Твой в нас и объедини и примири всех нас, да все едиными устами, как один человек, восхвалят Тебя. Вонми молитве нашей. Изведи нам мужа благодатного, да приведет нас к полному единству и покою, и да не посмеется над нами враг наш в нашей взаимной распре. Да поверят в Тебя все русские люди, да не погибнет немощный брат наш. Знаем, Господи, Ты не дашь нам вместо хлеба камень и вместо рыбы змею. От Тебя мы все примем и понесем с терпением. Так молитесь ко Господу сами, учите так молиться и детей ваших и других к тому призывайте. Устремляйтесь не в театры и кинематографы, а в церкви Божии, и здесь припадайте ко Владычице, да со всеми святыми умоляет о нас разгневанного нами Милостивого Господа. И Господь Бог призрит на это наше к Нему моление и проявит к нам Свое всепрощение и милость. Тогда минует разруха нашей жизни, минует опасность для Отечества, и Сам Господь, как нашим предкам, изведет нам мужа мудра и добра...»<sup>114</sup>

22 марта 1917 года Пермский исполнительный комитет отправил телеграмму обер-прокурору Святейшего Синода Львову с требованием уволить епископа Андроника от управления епархией «как опасного для общественной

безопасности и как препятствующего духовенству в его праве «соорганизоваться»<sup>115</sup>.

Узнав об этом, епископ писал архиепископу Арсению: «Моя опасная для общественной безопасности деятельность, очевидно, заключается, во-первых, в прилагаемом моем “Архипастырском призыве” от 4-го сего марта; во-вторых, в произнесенной мною 5-го сего марта в кафедральном соборе и произведшей несомненное и сильное положительное впечатление проповеди... в-третьих, в предложенной мною всему духовенству епархии стройной системе собирания и объединения всего православного народа через церковно-приходские попечительства, возглавляемые и объединяемые епархиальным Стефановским братством... в-четвертых, в том, что, лично присутствуя на мною же открытых собраниях градо-пермского и мотовилихинского духовенства и давая всем возможность высказаться, однако, считаю нужным обнаруживать задор и неосновательность некоторых ораторов, очевидно и поспешивших пожаловаться о том комитету, а вероятнее всего – самому совету рабочих и солдатских депутатов, всем заправляющему по указке немецких и еврейских провокаторов, как и по всей России. Теперь же я разрешил духовенству собираться и обсуждать все волнующие их вопросы без моего личного присутствия, с докладом мне о предметах предстоящих суждений и о самих состоявшихся суждениях, протоколы которых представляются мне на прочтение. Теперь об одном только посожалею: если будут несуразные выступления на собраниях, то духовенство само себя унизит в глазах паствы, ждущей именно от своих духовных отцов поддержки и ободрения среди тяжких событий времени, угрожающих полною анархией... Докладывая о сем, в случае требования г. обер-прокурора моего увольнении на покой, прошу Вас не отказать настоять на строгом и всестороннем суде моей опасной деятельности, чтобы не давать дела в руки террора, хотя бы и признано было за лучшее уволить меня на покой»<sup>116</sup>.

29 апреля 1917 года Святейший Синод постановил «созвать... для обсуждения назревших вопросов, касающихся устройства Православной Российской Церкви, Предсоборный совет»<sup>117</sup>, который предполагалось собрать к 11 июня в Петрограде, с тем чтобы на следующий день он начал работу; в него должны были войти, кроме присутствующих в Синоде архиереев, еще семь, избранных «правлящими епархиальными Преосвященными и их викариями из своей среды»<sup>118</sup>. Всем архиереям были разосланы Синодом телеграммы с просьбой представить семь кандидатов. Кроме того, для работы в Предсоборном совете были приглашены многие известные профессора академий и церковные деятели. Задолго до государственного переворота и собравшегося вскоре после него Поместного Собора владыка писал архиепископу Арсению из Перми: «Грешный человек, на Собор мало надеюсь. Он плодотворен будет только тогда, когда при разделении государства от Церкви соберутся уже гонимые и потому искренние иерархи, а теперь это будет тот же Синод, только большой и, следовательно, бестолковый... будут делать так же угодливо, как и теперь. Перестал я верить в плодотворность какой-либо общей системы при сложившихся условиях. Теперь лучшая система: пусть всяк на своем месте добросовестно и посильно трудится – вот и будет возрождение Церкви»<sup>119</sup>.

Разруха государственная и церковная становилась все глубже; тяжело переживая тревожные события времени, владыка 19 мая 1917 года писал архиепископу Арсению: «Финляндскому я послал письмо с полным разгоном теперешней политики Синода безцерковного, а следовательно, и его самого.

Я был уверен, что он устоит и новых архиереев уговорит стоять на постановлении 9-13 марта<sup>120</sup>. Так и телеграфировал ему. Но... они решили быть каким-то хоть временным исполнительным комитетом до Собора. Да кто их уполномочил исполнять за всех? А Собор-то и не будет, – тут как? У прежнего Синода была хоть малая тень преемства-каноничности от признания когда-то его Патриархами Восточными. А теперь ведь Синод [существует] милостию внерелигиозного правительства и нашего архицезаря\*. Только одно оправдание: нельзя оставлять Церковь без всякого начальства, особенно теперь, при полной разрухе и Церкви, и государства, дни коего сочтены и взвешены и найдены легкими и малыми... Уфимский князек\*\* распинается, доказывая, что социалисты – лучшие, истинные христиане; а они на это кричат везде – и кресты поснимать с церквей, монастыри закрыть, и прочие безумные глаголы. Зато – первый кандидат под белый клобук столицы. С шумом погибла память Питирима\*\*\*, продавшегося дьяволу в лице Гришки. А память сего еще скорее и с бóльшим шумом погибнет. Было подло, а теперь и подлее того всюду. Все больше склоняюсь к решению: отрясти прах от ног своих и уйти на покой. Еще подожду немного и, когда такое решение окрепнет, тогда и подам прошение. Посему и обращаюсь к Вам с просьбой: не могу ли я с Вашего согласия проситься на житие в Тихвинский монастырь... Мне нужна только келья да братская трапеза, а одежды на мой век достанет наличной, больше же ничего не нужно. Послужить хоть изредка позволят. Из Тихвина же потом мечтаю перебраться к Нилу Сорскому.

Вы мечтаете о плодотворности собрания архиереев. А я и мало в это не верю: “как вы, друзья, ни садитесь, а в музыканты не годитесь”. Так о большинстве можно сказать. Соберите хоть сотню дураков, не выйдет и полумника из них. Так и тут. Надо, чтобы архиереи научились первому делу – стоять перед Господом, а не перед временщиками в том или ином отношении. Сего же нет, посему и надежды нет на полезность всяких съездов и собраний. Теперь время лишь личного дела всякого. Это еще сможет при искренности и терпении собрать сочувствующих, чтобы началось и соборное дело. Вот тогда и совет большинства может быть. Однако в собираемый Предсоборный совет (и когда конец им будет через Собор?!) я наметил и Вас, как и бывшего Харьковского, хотя и отчислят его как не епархиального уже. Если веруете в полезность собраний, то вот и ведите церковную линию. Уступок никаких, а должны быть только соображения церковной икономии. Замашка удержат “что-нибудь” – есть нетерпимый оппортунизм. Если бы отцы во время арианства стояли хоть за “что-нибудь”, то мы не были бы в Церкви. А они и буквы единой – йоты – не хотели уступить компромиссу. И отстояли чистоту Церкви...»<sup>121</sup>

---

\* Имеется в виду обер-прокурор Святейшего Синода при Временном правительстве В.Н. Львов.

\*\* Имеется в виду епископ Андрей (Ухтомский).

\*\*\* Питирим (Окнов), митрополит Петроградский и Ладожский. 6 марта 1917 года постановлением Святейшего Синода митрополит Питирим был уволен на покой с местом пребывания в Успенском монастыре в городе Пятигорске. При отступлении армии Деникина оказался в Екатеринодаре. Когда началась эвакуация белогвардейцев, он в панике бросился к бывшим в Екатеринодаре архиереям. Он уже не думал ни о служении церковном, ни, вероятно, даже о том, чтобы обратиться за помощью к Богу. «Дрожа от волнения, психически потрясенный, он униженно молил нас о помощи: “Не оставляйте, не бросайте меня...” – вспоминал митрополит Евлогий (Георгиевский). – Как он домогался этого высокого поста! Как старался снискать расположение Распутина... Эта встреча осталась в моей памяти ярким примером тщеты земного величия...» // Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. С. 324.

Митрополиту Московскому Тихону, будущему Патриарху, владыка писал: «Чем ближе присматриваюсь к растущей подлости, тем больше решаюсь отрясти прах от ног и уйти на покой...

В Предсоборный совет представляю и Вас. Но не верю я ни в какие съезды и собрания – так испошлились люди... Тяжко видеть разруху Церкви и Отечества. Уже не близок ли и последний противник Христа?..»<sup>122</sup>

По получении от архиереев ответных телеграмм были определены семь членов Предсоборного совета, за которых было подано наибольшее количество голосов. Среди других в Предсоборный совет был избран и епископ Пермский и Кунгурский Андроник<sup>123</sup>. 10 июня избранным членам были отправлены телеграммы в епархии. Однако такой телеграммы епископ Андроник не получил и 21 июня отправил в Святейший Синод письмо. «Возвратившись из путешествия по епархии, – писал он, – прочитал газетные известия о моем избрании в состав Предсоборного совета, но не получил доселе никакого официального о том извещения. Посему прошу Святейший Синод не отказать мне в извещении по данному вопросу – должен ли я явиться в Петроград для участия в делах оногo Предсоборного совета. Если мое избрание состоялось, то желательно бы выяснить – по чьей вине я не поставлен в известность о том, чтобы мог исполнить порученное мне братским святительским избранием дело»<sup>124</sup>. Через два дня последовало официальное извещение Синода, что епископ Андроник приглашается в Петроград для участия в работе Предсоборного совета.

Для эффективности работы Предсоборным советом были созданы десять отделов, возглавленных архиереями. По окончании работы совета, 2 августа 1917 года Святейший Синод постановил напечатать «принятый общим собранием Предсоборного совета проект устава Поместного Собора Всероссийской Православной Церкви»<sup>125</sup>.

15 августа 1917 года в Москве начал работу Поместный Собор Всероссийской Православной Церкви. На Соборе епископ Андроник вошел в состав издательского отдела и был одним из энергичнейших его деятелей. «Огонь пылающий» – звали его участники Поместного Собора. Большие трудности возникали у издательского отдела после захвата власти большевиками и захвата ими типографий. Епископ Андроник делал все возможное, чтобы документы Собора и послания Собора к народу продолжали печататься. Голосу Поместного Собора владыка придавал огромное значение. На заседании Собора 2 ноября 1917 года некоторые члены Собора по инициативе епископа Андроника собрали 315 рублей «на издательство о деятельности Собора»<sup>126</sup>; более всех, по 100 рублей, на это благое дело пожертвовали епископ Андроник и архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов)\*.

После того, как 4 ноября 1917 года Собор принял решение о том, что 5 ноября в храме Христа Спасителя должен быть вытянут жребий на патриаршее служение, стал вопрос о том, как об этом событии довести до приходов Москвы, так как Москва была объявлена захватившими власть большевиками на военном положении, и вечером передвижение по ее улицам без особого пропуска было запрещено. Епископ Андроник сказал: «Полагаю, что Собору нужно составить краткое объявление, хотя бы в таком виде: “Завтра, 5-го сего ноября, в воскресенье в соборном храме Христа Спасителя на Божественной литургии будет совершено священным жребием избрание Святейшего Патриарха всея

---

\* Священномученик Кирилл (в миру Константин Иларионович Смирнов), впоследствии митрополит Казанский; память 7/20 ноября.

России. Освященный Церковный Собор о сем объявляет всем москвичам – чадам Святой Православной Церкви, призывая их вознести усердные молитвы ко Господу Богу о благословении и благоуспешном совершении великого для всей Православной России дела – избрания Святейшего Патриарха”. Так как это объявление едва ли возможно напечатать в типографии, то ввиду спешности можно отпечатать на гектографе и сегодня же распространить... Полагаю, что многие члены Собора живут в разных концах Москвы, и они могли бы взять послушание распространять объявление. Желательно, чтобы члены Собора организовали определенную дружину из состава миссионеров и других, которые сегодня посетили бы московские храмы для произнесения проповедей и для раздачи объявлений. Может быть, за поздним временем не удастся простоять всюнощную службу до конца, так как сегодня после 8 часов вечера воспрещается выходить на улицу. Но они могут выйти заблаговременно, чтобы обойти побольше церквей. Во всяком случае, необходимо немедленно же отпечатать объявление и принять все меры к его распространению»<sup>127</sup>.

7 декабря 1917 года были избраны шесть членов Священного Синода и шесть их заместителей, среди которых был и епископ Андроник<sup>128</sup>.

При обсуждении статьи соборного постановления, кого считать прихожанами храма, епископ Андроник выступил против простой констатации, что это люди, «живущие не менее одного года в пределах прихода... православного исповедания... записанные в приходскую книгу»<sup>129</sup>, но могущие почти совершенно не посещать богослужений; он напомнил членам Собора церковные каноны, очень строго относящиеся к не посещающим богослужения в воскресные дни и церковные праздники, и что «в 80-м правиле VI Вселенского Собора говорится о том, что не посетившие богослужения без уважительной причины в течение трех воскресных дней лишаются церковного общения»<sup>130</sup>.

Однако Собор, констатируя всеобщий упадок нравственности и массовое неисполнение церковных канонических предписаний, предпочел дать более обтекаемую формулировку понятию прихожанина, не уточняя ничего конкретно, по предложению протопресвитера Московского Большого Успенского собора Николая Любимова, что прихожане это люди, «сохраняющие живую связь с храмом»<sup>131</sup>.

Среди прочих вопросов членами Собора обсуждался доклад о единоверии, в котором предлагалось ввести единоверческих епископов. Против этого выступил епископ Андроник, ревнитель благочестия, но не того, которое ведет к расколу. Заметив, что, несмотря на все усилия по поддержанию в Пермской епархии единоверия, приходится соглашаться с фактом, «что единоверие падает, понижается в строгости всего быта, уклада, совершения богослужения»<sup>132</sup>, он сказал: «Это вызывает у меня скорбь, как у православного архиерея. Со своей стороны я применял и применяю все усилия, чтобы поднять единоверие на желательную высоту. С этой целью мы устраиваем в епархии единоверческие съезды из клириков и мирян, устраиваем единоверческие курсы, чтобы поднять образование среди единоверческого клира и надлежащим образом поставить церковное пение... Решили потому устроить псаломщическое училище, чтобы готовить лиц, знающих богослужение и церковные распевы, предполагалось затем расширить это училище и обратить в пастырское училище, из которого могли бы выходить свои кандидаты на диаконские и священнические места, – но, к сожалению, на первых порах училище не встретило полного сочувствия у

единоверцев, хотя епархия и определяла на него средства: учеников собрали мало, а потом по военному времени училище прекратило свое существование... Прежде... и мы поддерживали мысль, что у единоверцев должны быть свои епископы, которые ведали бы только единоверческие приходы, но потом мы поколебались в этом и, к сожалению, не случайно...»<sup>133</sup>

Владыка заметил, что стремящиеся к приобретению своего епископа-единоверца стремятся не столько к благочестию, сколько к отделению от Русской Православной Церкви, к тому, чтобы завести свою автокефалию на канонической территории Русской Православной Церкви, что может явиться началом нового раскола.

Известия, доходившие до Собора из разных мест России, были самые тревожные, и 22 ноября 1917 года владыка Андроник обратился к Пермской пастве. «Страшно жить становится теперь всем, – писал он. – Там выжгли и разграбили имение, вырезав и весь неповинный скот. Там отобрали у причта последний кусок земли, забыв, что посягнувший на Божие и церковное достояние подлежит строгому суду Божию, как укравший у Самого Вседержителя. Там прихожане выгнали с прихода ни в чем не повинного батюшку, надругавшись над ним и его семьей. Там лишили духовенство и тех жалких крох содержания, которыми доселе оно питалось со скорбью. А теперь люди, забывшие Божеский и человеческий страх, кричат, что надо и церкви обратить в театры, и дома духовенства отобрать, и земли монастырские и церковные отнять да разделить, не понимая, что этой земли достанется разве по нескольку сажень на брата. А что говорить о тех грабежах, воровстве, озорстве, погромах, какие повсюду не дают никому покоя. Предметом позора и поругания сделались мы для всех народов мира. От нас все отстраняются как от зачумленных и крайне опасных, а между собою уже уговариваются – как поделить нашу землю родную, пока мы деремся да ссоримся между собою из-за нее.

Дорогие мои, от Господа данные духовные чада! Всех, кто верует в Бога, в свою душу и в вечную жизнь, всех, кто любит Родину святую, всех таких зову и молю – встаньте и воодушевитесь на защиту веры и земли родной. Удалившись от Бога, народ одичал и озлобился, а враг ослепил всех и подул восстать друг на друга. Помогите всем прийти в рассудок и опомниться: ведь мы теперь не только на краю гибели, но уже погибаем, ибо земля наша почти опустошена нами же самими. Спасайте ее, спасайте все, кто видит и понимает эту нашу гибель.

И прежде всего, други мои болезные, всякий обратимся всею душою сокрушенною к Богу, нас наказующему достойно по делам нашим. Устремитесь в храмы, особенно в наступающие святые дни Рождественных Спаса праздников, вместо обычных наших увеселений. И дома утром и вечером усердно молитесь ко Господу, да умилюется над нами. Да ведь теперь и время-то постное, а потому поговеем, поисповедуемся и причастимся Святых Христовых Таин. Подвигнем и детей, и всех домашних своих на усердное обращение к Богу. Только Он Один и может теперь спасти нас, как спасал и отцов наших в лихие годы...»<sup>134</sup>

В декабре 1917 года епископ Андроник вернулся по окончании сессии Собора в Пермь. То, что он увидел своими глазами в епархии, еще больше его опечалило, и он обратился к пастве с воззванием, которое просил читать не только в храмах, но и при всяком удобном случае.

«...Волна не только государственной разрухи, но и безбожного антихристианского восстания на Церковь Божию докатилась и до нашей Пермской земли, – писал он. – Развратившие народ враги Церкви теперь толкают ее же сынов – православных христиан всячески ругаться над Церковью, над верой и над священством... Посему от скорби великой и туги сердца своего объявляю всем православным христианам, еще не забывшим, что они православные: пусть все знают, что всех посягающих на церковное имущество, всех насилие и надругательство причиняющих духовенству – всех таковых предаю строгому суду Всевидящего Бога, Который лучше всякого начальства знает, кто в чем виноват, и рассудит таковых по Своей правде. А правда эта вот такая. В одной епархии жители одной деревни выкосили у соседней женской обители покос и, высушивши, поехали домой с сеном; но каково же им было увидеть, что деревня их пылает в огне; они сами сознались, что это Господь их наказывает за монастырский покос, – поворотили своих лошадей и все сено привезли в монастырь. Не боящиеся никакого начальства и закона человеческого пусть убоятся этого суда Божия...

Дорогие братья, православные христиане! Или еще мало нам, что идет разбой и грабеж всюду среди белого дня, что происходит страшная братоубийственная бойня в земле нашей, расхищаемой со всех сторон русскими же людьми? Умоляю всякого русского, кто еще хоть малость сохранил веру в Бога и любовь к многострадальной и погибающей уже Родине, – умоляю всякого встать на защиту Церкви и России. Собирайтесь, православные, по приходам около храмов ваших под руководством ваших отцов духовных и прочих благомыслящих людей. А вы, отцы духовные, – заклинаю вас вашу иерейскую клятвою перед Богом, – встаньте истинными, добрыми и ревностными руководителями своих духовных пасомых христиан. Собирайте их, учите, воодушевляйте на правое дело стояния за веру и Отчизну родимую...»<sup>135</sup>

В январе 1918 года епископ обратился с нарочитым посланием к пастырям Пермской епархии: «...Отцы и братие! Тяжко было доселе всем в России. Но уже настал час еще большей и страшной тяготы, решающий судьбу нашего Отечества. Уже открывается почти явное гонение на святую нашу веру. Уже выкрикивают отщепенцы от веры, что надо отобрать церкви и монастыри и обратить их в театры и подобное. По меньшей мере, посягают отобрать церковное имущество и драгоценности – святые жертвы отцов и дедов наших. Предполагать отсюда можно и еще худшие посягновения на Святую Церковь. Время страшное, время если не антихристово, то весьма предшествующее ему по своим признакам. А мы будем бездействовать?! Да не будет сего осуждения на нас...

Будем строго помнить, что на страже народа Божия мы поставлены и должны будем ответ дать за всякую погибшую овцу. Если мы не явимся руководителями народной совести в такое страшное время, как теперь, то мы окажемся совершенно не имеющими никакого смысла и назначения для народа. Бог всем нам на помощь.

Но вместе с тем поставьте себе в непрременную обязанность пастырскую озаботиться безотлагательной организацией прихода хотя бы в лице тех благомыслящих, какие найдутся во всяком приходе и на которых вы можете опираться во всяком добром деле. Помните, об образовании кружков и братств ревнителем я вам писал с самого начала моего вступления на Пермскую кафедру. Если бы тогда меня послушали, то во всяком приходе было бы готовое зерно возрождающегося твердого благочестия, а может быть, через такие кружки

собрался бы и весь приход. Но немногие этот мой совет исполнили. Вот и дожили мы до полной разрухи нашей жизни, в которой не находим нигде поддержки...»<sup>136</sup>

Наблюдая духовную и материальную разруху, владыка всматривался в истоки этой страшной болезни, постигшей Отечество; анализируя ее причины, он писал, обращаясь к духовенству и ко всем образованным русским людям: «Должны мы теперь перед лицом развивающегося грозного суда Божия, как перед смертью, сознаться, что ведь исключительно на народные средства мы обучались, воспитывались в разных учебных заведениях, а оттуда и в люди на работу выходили. Народ во всем себе отказывал, привык жить в грязи своей деревенской жизни. На свои потом добытые средства он строил дворцы в виде разных университетов, академий, семинарий, гимназий и прочего. Конечно, его об этом не спрашивали. Но он молчаливо все это делал для нас, в полной и правильной надежде, что мы ему сторицей воздадим за это, принеся к нему свет просвещения и культуры не разрушительной, не отрицательной, а положительной и творческой. Мы все на то и учились, чтобы потом помочь народу разумно и умело устраивать свою здоровую жизнь, чтобы подальше были от него все беды и злоключения из-за его темноты и заброшенности.

Мы же, духовные, – сугубые должники перед народом. Благочестивцы от своего усердия приносят в храмы восковые свечи, как теплую жертву Богу от своего верующего сердца. На доход от свечей и воспитываемся все мы, обучающиеся в духовной школе. Народ вправе надеяться, что из духовной школы выйдут добрые пастыри и вообще набожные и просвещенные руководители его в христианской жизни. Мы сами должны быть священной и высокой жертвой для народа перед Господом Богом.

Вот и оглянемся на самих себя – как и чем мы воздаем народу за его заботу о нашем образовании и благополучии жизненном. И прежде всего – творческие завоевания ума человеческого приблизились ли к жизни народной? Конечно, басни о том, что человек от обезьяны произошел, а не от рук Божиих, что на небе никто не бывал и потому нельзя уверенно говорить о Боге и прочем набожном, как и о вечной жизни, верую в которую привык водиться на земле православный народ, – вот это и подобное приблизилось к народу. И книжки, и газеты, и разные освободительные образованные агенты, и школа – усиленно заботились о проведении в народ вот таких басней и разрушительных выдумок с целью убить народную веру как суеверный пережиток темного народа. Видел он, как во многих случаях образованные проводники культуры в народную жизнь с нескрываемым презрением относились к дорогой для народа православной вере и Церкви, как они изредка показывались среди богослужения в церкви, чтобы повидаться да поболтать со знакомыми, сложивши руки на спине, вместо молитвы. Видел народ, как такие, считающие себя умными и образованными, открыто нарушали посты, насмешливо и свысока относились к духовенству. Видел народ, как отбивались от рук дети, проходившие начальную школу и терявшие всякую духовную связь с исторически сложившейся душой народной. Видели православные, как народные учителя и учительницы часто хвастались своим легкомысленным безбожием, – между тем их настойчиво поддерживали те, кто знал, что делают через все [это] освободительство. Видел все это народ как плод просвещения, видел, как падает народная вера, как падают нравы народные, как рушится семья, как молодое поколение заделывается в пьяных хулиганов. И это все в воздаяние за народную заботу о просвещении, за отказ себе во всем для

просвещения тех, кто готовился быть руководителями и опекунами народа в его темной жизни.

А когда народу нужна врачебная помощь – врача нет или он в карты играет, он в гости ушел. Нужна народу юридическая помощь или совет – не знает, в какую дверь за этим постучаться, а достучится – его там оберут лишней раз дельцы или обманут и выпроводят. И принужден был народ довольствоваться знахарями да ворожеями и местными стряпчими. А о поднятии народного хозяйства и деревенского благосостояния – да об этом и говорить не приходится: и доселе мужик сохой ковыряет землю по самому упрощенному способу, доселе соломенная Россия почти вся выгорает в несколько лет, доселе в непролазной грязи тонут не только возы, но и самые лошаденки захудалые.

Так и в нашей духовной области жизни. Из духовной школы нет не только достаточного числа добрых пастырей, но и вовсе они не идут в деревню. Семинаристы предпочитают уходить в университеты, а не в народ для святого пастырского делания. Народ же должен довольствоваться случайными, не вполне подготовленными пастырями, которых ученые-то духовные нигилисты прозвали “фельдшеризмом”. Да, мы готовы во всякое село докторов богословия ставить, а между тем и “фельдшеро”-то духовных с трудом находим. Вот и упало пастырство как руководство народной совестью. Оскудела проповедь, упало богослужение. Отсюда падает и благочестие в народе...

Народ решил, что никакой ему пользы нет от всех этих образованных людей, сидевших на его шее. К сожалению, так же он рассудил и о нас – духовных, не сумевших взять его душу в свое пастырское неотъемлемое руководство и тем не уплативших свой долг народу за наше образование на народные средства. Вот отсюда и злоба на всех образованных... Знаю, что ближайшее будущее готовит нам анархию и поножовщину, когда в буквальном смысле будут убивать брат брата, отец сына, сын отца и мать. Но основание для того заложено в самой разрушительной культуре и просвещении нашего века. И как не бунтовать народу, у которого выбили из рук, вытрясли из души все духовные ценности, которыми он жил и которые делали его воистину богоносным. А теперь над всем этим насмеялись, все это в грязь затоптали. И сделали его больным и несчастным.

Но верю, что сбитый с толку народ придет в чувство, найдет дорогу к выздоровлению, одумается именно тогда, когда среди поножовщины сын будет стоять над трупом убитого им отца или отец над трупом убитого им сына. Такую дорожку ценою именно крови, но купится народное духовное выздоровление. Ну а вот интеллигентщина, способная на... безграмотные и бредовые самооправдания... она, очевидно, далека от раскаяния...

А вывод отсюда для всех нас вот какой. Все мы должны чистосердечно сознать указанное положение дела в стране нашей и принять не искусственные, а серьезные и достоверные меры к исправлению дела. Все мы должны сознать свою вину в том и пойти к выбитому пропагандой из колеи жизни народу с тем, что получили здорового и светлого за его счет. Должны мы все меры принять, чтобы заговорить нам на своем народу языке духа, вложить в его душу мир и успокоение не прикрашенные, а действительные. И прежде всего в себе самих выносить разбитую в народе веру, которою он жил и спасался для вечной жизни, почувствовать с народом истинное братство и равенство на той народной платформе, которая есть храм Божий, где богатые и бедные, знатные и простые, образованные и невежды одинаково пред Богом предстоят. Далее, должны от

своего образования влить здоровые соки разума и света в народную жизнь. Научить жить народ светло, честно, трезво, разумно. Научить его – как ему лучше и культурнее поставить то самое хозяйство крестьянское, которое подготовлявшие революцию хотели улучшить простым ограбным способом – разделом всей земли, подло скрывая заведомо им известное, что и земли не останется на всех, если ее делить так, как намечали и намечают. Но развратители знали, что этим обманом можно забунтовать народ, – сознательно и били на это, вместо того чтобы умело, умно и кропотливо научить народ разумному хозяйству с затратой наименьших сил и средств...

Особенно мы – духовные – должны постигнуть весь ужасный смысл и основания переживаемого демократического движения и остаться с народом, теперь большим и несчастным, чтобы помочь ему пережить эту бешеную болезнь. Духовенство тогда будет иметь громадное значение в народной жизни, оказавшись своим и в пору тяжкого испытания для народа. Отцы и братие! Пожалейте сбитый с толку, но верующий простой народ. Помогите ему пережить этот убийственный кризис в его духовном устройении. Устроится народ при вашем содействии и бережном к нему отношении – и воздаст вам своею любовью сыновнею и всецелым о Господе послушанием. Да не обманет меня моя глубокая вера в такой исход смуты»<sup>137</sup>.

После краткого пребывания в Перми епископ Андроник вернулся в Москву. 5/18 февраля членами Поместного Собора обсуждалось положение об избрании Патриарха, в частности, обсуждалась статья, в которой предполагалось, что избираемый по своему письменному или устному заявлению может отказаться от этого кандидатства. Епископ Андроник энергично запротестовал против этой статьи. «Я предлагаю совсем изъять означенную статью, – заявил он. – Епископство вообще, а патриаршество в особенности, есть высокое служение в Церкви, а в настоящее время и величайший подвиг. Как же кто-либо в Церкви может отказываться от служения, на которое он избран?.. Раньше можно было относиться с сомнением к желанию епископства как дела, как подвига. А теперь, когда епископство представляет в собственном смысле слова подвиг, который нужно понести даже до смерти, отказываться от него никто не должен... Если обратимся к переживаемому времени, то мы встречаемся с такими условиями, когда епископство, и особенно патриаршество, соединено с великими опасностями даже до смерти – оно воистину есть подвиг тячайшего крестоношения... Намеченным кандидатам в Патриархи нельзя предоставлять права отказываться. Если избирают на такое высокое служение в Церкви – иди и умри...»<sup>138</sup>

6/19 марта 1918 года Отдел о духовно-учебных заведениях, в состав которого входил епископ Андроник, обсуждал вопрос о пастырской школе. Обрисовывая сложности в образовании пастырей в настоящее время и обращая внимание членов Собора на то, что они все стоят на пороге нового этапа в жизни Церкви, епископ Андроник сказал: «Вся церковная история есть история христианского благочестия. Ваше академическое образование... не дает христианской настроенности, а Василий Великий и другие вышли светильниками Церкви даже из языческой школы. Дай Бог, чтобы можно было воспитать будущих пастырей в самой семье, но я должен сказать, что это было возможно в прежней, патриархальной российской семье, но не в теперешнем духовенстве. Раньше в пастыри часто шли, как говорилось, “не для Иисуса, а для хлеба куса” – теперь это побуждение отпадает. Мы будем принимать вовсе “не с бору и с

сосенки”\*, и только испытанных и сознательных людей. Пусть их будет немного, но они пойдут на свою трудную работу, отказавшись от всяких прелестей других, более выгодных светских профессий»<sup>139</sup>.

На следующий день заседание Собора было посвящено вопросу об оплате труда преподавателей духовно-учебных заведений; было решено взимать налог с епархий на содержание преподавателей без учета дороговизны военного времени, на что епископ Андроник выразил протест, поскольку Пермская епархия уже сделала значительно больше того, что предлагалось членами Собора<sup>140</sup>.

2/15 апреля Собор обсуждал доклад о духовно-учебных заведениях, тех воспитательных и образовательных учреждениях, которые были столь важны для России, но которые отнюдь не исполняли своего великого предназначения; и епископ Андроник, проанализировав причины неудачи, обратился к Собору с нарочитым словом<sup>141</sup>.

Обсуждение вопросов духовного воспитания вызвало такие споры и разногласия среди членов Собора, что председательствующий митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий) на следующий день сообщил, что ораторами записались сорок один человек, а заседаний осталось только пять, и предложил сторонам выбрать по два оратора для выступлений, но с ним не согласился епископ Астраханский Митрофан (Краснопольский), заявив: «Я против такого сокращения, как бы нам ни говорили, что вопрос вполне исчерпан и ораторы начинают лишь повторять друг друга... Наше отношение к предложенным проектам еще не определилось, наше сознание не созрело, а плод надо снимать, когда он созреет. Понимаю, что для некоторых лиц вопрос ясен, и наш Преосвященный председатель знает все аргументы за и против, а для большинства из нас не все выяснено. Я считаю, что всего мы слушали не более пяти-шести ораторов... этого мало при решении такого важного вопроса: ведь этот вопрос 50 лет ждал своей очереди. Если теперь мы скомкаем решение вопроса, то потом будут говорить, что с этим решением спешили и провели механически...»<sup>142</sup>

Его поддержал епископ Андроник: «Такой вопрос, как о духовно-учебных заведениях, нельзя решать жребием, как предлагает Преосвященный председатель... Вопрос наболевший и недостаточно еще выяснившийся...»<sup>143</sup> – сказал он.

С февраля 1918 года, после опубликования декрета об отделении Церкви от государства, открылась широкая дорога бесчинствам большевиков. Закрывались храмы, отбирались и ограблялись духовные учебные заведения, в некоторых храмах были устроены танцевальные залы.

В феврале большевики совершили нападение на женский монастырь и подворье Белогорского монастыря в Перми. Были зверски убитые. Начались расстрелы защитников православия.

Не дожидаясь приезда архипастыря, пермское духовенство приняло решение собраться в аудитории при часовне святителя Стефана, епископа Великопермского, для составления протеста против насилия над верой. Сразу же после этого несколько священников были арестованы. С насмешками их ввели в тюрьму. Один из арестованных предложил дорогой петь церковные песнопения, но красногвардейцы закричали:

---

\* Так в документе.

– Иди, иди, долговолосый, пока цел, а запоешь – живо отправишься на тот свет!

В тюрьме их продержали ночь, у некоторых взяли подписку, что они не будут организовывать крестные ходы и не будут агитировать против советской власти. Некоторые священники на следующий день были освобождены, другие оставлены заложниками. Владыке сообщили в Москву обо всем происшедшем.

12 апреля 1918 года епископ Андроник был возведен в сан архиепископа и 15 апреля прибыл в Пермь. Сразу же по приезде владыка стал готовить духовенство и народ к предстоящему 9 мая крестному ходу с проповедями в разных частях города.

16 апреля у архиепископа был произведен обыск. Во время обыска один из обыскивающих, Гилев, спросил его:

– Кого вы в своих посланиях разумеете под разбойниками?

– Всех, кто захватывает церковное достояние, пожертвованное Господу Богу, – так я верую, – ответил святитель.

– Значит, этим воззванием вы призвали темные массы к вооруженному сопротивлению советской власти?

– Читайте документ, – о чем он говорит. Моя вера и церковные законы повелевают мне стоять на страже веры, Церкви Христовой и ее достояния. Если этого не буду исполнять, то я перестану быть не только архиереем, но и христианином. Посему вы можете меня сейчас же повесить, но я вам гроша церковного не выдам, вы через труп мой пойдете и захватите, а живой я вам ничего церковного не дам. Так я сам верую и поступаю, призываю и православный народ даже до смерти стоять за веру, Церковь и церковное достояние; к этому и буду призывать – это мой долг архиерейский.

На следующий день архиепископ отправил в Пермский исполком письмо. «Поставленный на страже охранения всего верующего народа и церковного имущества от расхищения или захвата и пребывая в полном согласии с верующим полуторамиллионным народом епархии, – писал он, – заявляю исполнительному комитету: примите безотлагательные меры к прекращению подобных посягновений на свободу Церкви и на церковное достояние; примите меры против грозного по своим возможным последствиям оскорбления верующего народа через обыски, незаконные штрафы, контрибуции и аресты священно-церковнослужителей. Против подобных проявлений насилия я не имею физической силы, но вынужден буду прибегнуть к самым решительным в моем распоряжении мерам иного, духовного порядка, и тогда будете поставлены в неизбежную необходимость иметь дело с самим возглавляемым и представляемым мною верующим народом»<sup>144</sup>.

Уведомляя митрополита Арсения о происходящих событиях, архиепископ 19 апреля писал: «Приветствую Вас, Высокочтимый Владыко... 16-го сего апреля удостоился обыска за проклятия захватчикам и обязан невыездом из Перми. Утешен быстро организующимися даже тысячными приходами при бесприходных церквях на защиту церковного достояния. Вчера под угрозой кары исправляли маевку, а православные заполнили церкви на целый день. Кроме пользы – поднятия благочестия – гонение ничего не дало. Привет Преосвященному Алексию\*. Нам надо всем, архиереям, хотя ежемесячно кратко давать о себе знать – кто еще цел...»<sup>145</sup>

---

\* Симанскому.

9 мая состоялся торжественный общегородской крестный ход во главе со святителем. В нем участвовали тысячи людей. Развевались многочисленные хоругви, всем народом пелись пасхальные ирмосы, священники призывали верующих к объединению у Креста Распятого Христа. Это было подлинное торжество православия. Архиепископ, напутствуя расходящиеся по своим храмам приходские крестные ходы, говорил, что враги христианства восстали на Церковь Христову, а в Церкви – наши устои, сохраняющие от развала и уничтожения нашу нацию. Враги Церкви посягают на церковное имущество, собранное в течение веков верующим народом; владыка заявил, что, преемственно получивши власть, данную Христом апостолам «вязать и решать грехи людские», отлучает от Церкви посягающих на храм Господень, доколе они не исправятся. А если ему и смерть придется принять, то он готов умереть.

За всеми церковными службами владыка обличал новоявленные советские власти за алчность, за бесстыдный обман народа, за все то беззаконие и нравственную гибель, которые они принесли России. Тысячи людей, даже совершенно неверующих, шли послушать мужественное слово святителя. Сразу же после захвата власти большевиками разлились по России потоки лжи и вымыслов, но сердце человеческое искало правды и, желая слышать ее, многие люди шли в храмы.

В ответ на декрет о национализации церковного имущества, осуществление которого вылилось в грабежи церквей, архиепископ Андроник в своей проповеди с амвона, обращаясь к прятавшимся среди верующих агентам власти, сказал:

– Идите и передайте вашим главарям, что к дверям храмов и ризниц они подойдут, только перешагнув через мой труп, а при мне и гроша ломаного церковного не получат.

Через два дня после крестного хода архиепископ писал Патриарху Тихону: «Что-то ужасное назревает всюду и у нас. Я пока на свободе, но, вероятно, скоро буду арестован. Признаки полной анархии. На случай ареста оставляю распоряжение о закрытии всех градо-пермских церквей<sup>146</sup>. Пусть считаются с самим народом... Да хранит Вас Бог. Благодарю Вас за пожалование сана архиепископа. На отосланные мною открытки многим архиереям ответа не получил ни одного. А надо нам знать друг о друге...»<sup>147</sup>

Епархиальная жизнь, хотя и шла своим чередом, но происходившее в государстве уже касалось каждого прихода и каждого храма. Один из благочинных прислал донесение владыке о том, «что в ночь на 5 мая перед звоном к Пасхальной заутрене в селе Григорьевском крестьянин этого села Николай Гуляев произвел выстрел из старинной пушки с целью, как он сам выразился, “подстрелить Христа”. Пушку разорвало, убило на месте бывшего с ним рядом молодого парня, а самому Гуляеву оторвало ногу. Он был отвезен в пермскую больницу, где через двое суток умер в страшных мучениях». Как отмечалось в донесении, «Гуляев в церковь никогда не ходил, христианского долга исповеди и Таинства Причащения не исполнял».

На этом сообщении владыка написал: «Так страшно идти против Бога, против Церкви и благодатного священства! Да образумятся все ослепленные дьяволом ругатели святой веры нашей и да обратятся в смирении и раскаянии к Милостивому Богу. Все же искренно верующие да примиряют с Богом ругателей веры нашей. Отпечатать в “Епархиальных ведомостях” для непременно оповещения всех христиан»<sup>148</sup>.

О другом случае священник писал владыке: «Не стало у русского человека смирения, скромности, а появилась какая-то гордыня, и бушует она... А тут, с появлением солдат, проявилась еще более нелепая гордыня в отношении веры и религии... Один солдат в Прощеное воскресенье выражается: “Для чего поп вздумал звонить к вечерне, нужно вывести его из церкви!” Вразумите немощного, слабосильного, многогрешного, со слабой верой иерея, как спасти свою паству от губящих ее волков в овечьей шкуре и самому не впасть в уныние от озверения в народе и предстоящего поругания святынь?»<sup>149</sup>

«Поверьте, отче, все это безбожие и разбой есть вражеское наваждение, скверный налет на русскую добрую и богобоящуюся душу, – писал ему в ответ архиепископ. – За клятвопреступничество пока отнял Бог у всего народа разум и волю, пока не раскаются... а когда раскаются, то сначала постепенно, а потом целиком прозрят все духовно, почувствуют и силу и, как Илья Муромец, – сбросят тот ужас, который окутал всю страну нашу. Вот и будем своим твердым, ясным, уверенным словом раскрывать людям правильное отношение к жизни и прежде всего призывать к покаянию, после которого всё от Бога нам возвратится с лихвою... Может быть, меня и на свете не будет, но не покидает меня надежда и уверенность, что Россия воскреснет со своим возвращением к Богу. Ободряйте и всех и примиряйте озлобленных с жизнью, вливайте в них начала светлой жизни по Евангелию Христа. Наше дело – собирать стадо Христово, организовать живые церковно-народные силы по приходам, чтобы разочаровавшиеся во всяких партиях люди здесь, в Церкви и среди верующих, нашли живую пристань и добрый покой. Воскреснет душа народная – воскреснет и тело ее – наша здоровая государственность. Да помогает Вам Господь. Простите и молитесь о призывающем Божие благословение грешном архиепископе Андронике»<sup>150</sup>.

Местные газеты стали печатать о владыке клеветнические статьи; предчувствовалось, что власти вскоре его арестуют; близкие уговаривали его скрыться, но архиепископ ответил, что до тех пор, пока он стоит на страже веры и Церкви Христовой, он готов ко всему, готов принять смерть за Христа, но паствы не оставит.

Ожидая ареста, вверив свою судьбу Промыслу Божию, владыка был безмятежен, ежедневно исповедовался и приобщался Святых Христовых Таин, и светлое настроение не покидало его. Со всеми он был обходителен и ласков.

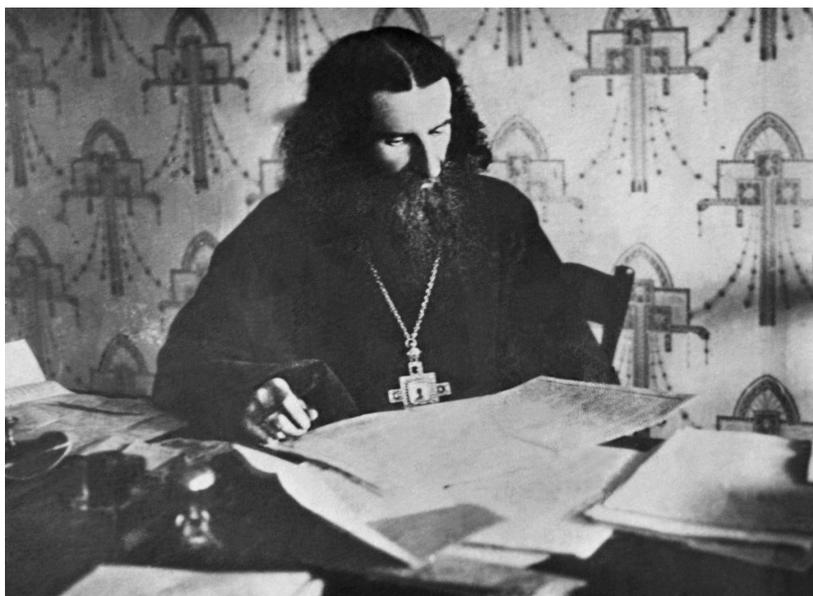
14 июня власти приказали архиепископу явиться к ним для ответа на вопросы обвинения. Народ, узнав об этом, стал скапливаться на соборной площади. Приказ пришлось отменить, и, чтобы народ совершенно успокоить, владыке прислали допросный лист на дом. Он ответил на все вопросы, и власти для успокоения населения города ответили многочисленным депутациям (одна из них была мусульманская), что они совершенно удовлетворены ответами архиепископа.

Власти обвинили святителя в том, что он отлучал от Церкви всех, кто посягал на церковное имущество, и отпечатал о том воззвание в количестве 550 экземпляров, призывал православных к защите церквей и монастырей и отпечатал этот призыв в 550 экземплярах, разослал эти возвания по благочинным Пермской епархии; что он, «не довольствуясь произведенным у него обыском... позволил себе 30 апреля сего года послать отношение губернскому исполнительному комитету... в котором указывает на якобы незаконные действия чрезвычайного комитета, а также местного исполнительного комитета»<sup>151</sup>; «что он... 26 мая сего года с амвона

кафедрального собора после чтения Евангелия о десяти прокаженных говорил проповедь явно контрреволюционного содержания, в которой, между прочим, заметил, что русское государство за грехи наказано Богом, – наказанием же является существующая власть, которая под видом свободы, равенства вводит насилие, притеснения и гонения...»<sup>152</sup>.

Власти постановили: «Привлечь архиепископа Андроника к ответу в качестве обвиняемого... обвиняя в том, что он... 1) изданным декретам... не подчинился, 2) ...организовал сопротивление темных несознательных масс населения... 3) старался противодействовать существующей власти...»<sup>153</sup>

В ответной объяснительной записке святитель писал: «Мои воззвания составлены в полном согласии и даже во исполнение постановлений о сем Всероссийского Церковного Собора, в своем составе представляющего в числе трех четвертей всех членов мирян со всей России. Следовательно, суд надо мною есть суд над Всероссийским Церковным Собором и над всем церковным народом. А посему осуждающие меня, Церковный Собор и верующий народ оказываются в противоречии и во вражде со всем верующим народом. Таковые, если они православные христиане, должны знать, что по 121 правилу Церковного Номоканона они суть “анафема и да изгнаны будут из Церкви, отлучены бо суть от Святой Троицы и посланы будут во Иудино место”.



*Архиепископ Пермский Андроник*

Сказанное мною поучение в кафедральном соборе в Неделю о расслабленном в действительности несколько разнится от записи агента сыска. Сказавши, что евангельский расслабленный – это вся Россия, весь русский народ, у которого за богохульство и клятвопреступничество отнял Господь разум и волю, и уподобивши его, народ, древним строителям Вавилонской башни против Божьего о них промышления и за это переставшим, вместо объединения, даже понимать друг друга и потому разошедшимся во вражде и злобе в разные стороны мира, я говорил: “И ныне захотели люди без Бога, и даже из вражды на Бога устроить рай на земле, в котором все были бы одинаково счастливы и блаженны. Но об этом безбожном рае теперь уже не может быть двух мнений: слишком тошно в нем живет. Прежде наших предупреждений об этом рае не

слушали, считая их мракобесными, отсталыми, нас же за это называя врагами народа, призывали и рассчитывать как с таковыми. А теперь уже без наших слов, уговора все на самом деле познали все горькие сладости райской жизни без Бога, чтобы подобно прародителям – Адаму и Еве, за богоборчество изгнанным из рая Божия, горько оплакивать свое лишение и все переживаемые беды. К довершению всего теперь нам в этом раю угрожает уже и голодная смерть, ибо уже у нас нет хлеба, и мы обречены на голод. Но не смейте просить этого самого хлеба. Если вы, не желая умирать с голода, и малым детям своим запросите хлеба, то вас обвинят провокаторами, саботажниками, контрреволюционерами, а с такими расчет всем известный... Но смотрите, как и ныне смешал Господь языки современных строителей безбожного рая. Святые слова и начала жизни объявлены теперь людьми – равенство и братство всех без Бога. Но вместо того на деле видим лишь отчаянную злобу, сатанинскую вражду и братоубийство под флагом свободы. Все уже знают гнусный обман и подмену, но парализованы, как у расслабленного, силы и воля, и ничего не могут поделать для разоблачения обмана, для уврачевания жизни. Ежедневно православные крестьяне и отдельно, и группами жалуются мне на кучки насильников, по селам отбирающих уже народную собственность – причтовые дома, запрещающих крестить детей, венчать и погребать в церкви.

Это при объявленной свободе совести и верований! Какое глумление темных, несознательных и одураченных людей! Но духовно парализованные люди ничего не могут поделать с таким наглым глумлением насильников. Так богоотступники и клятвопреступники сами в себе наказываются, чтобы на деле познали, как можно жить без Бога и против Бога. Скажу прямо: то, что теперь мы переживаем как порядки новой жизни народной, это грандиознейшая контрреволюция. Искренно желая полного возрождения народной жизни, желаю, чтобы это совершилось не путем внешнего переворота, а путем внутреннего переворота, путем глубокого возрождения души народной. А для сего горячо желаю, чтобы господствующий теперь режим и еще поцарствовал некоторое время. Захотели люди рай на земле устроить без Бога, так пусть в полноте и избытке наслаются его бесчисленными благами, пусть до самого дна выпьют всю сладость современного безбожного райского блаженства, чтобы потом все сознательно проклинали на всех перекрестках это отчаянное безбожие. И когда люди дойдут до этого сознания, когда в один дух раскаются перед Богом, тогда Господь и возвратит всему народу разум и волю. Тогда-то и познают истинное равенство и братство всех свободных перед Богом. И теперь уже есть начало раскаяния, но пока еще слабого и не общенародного характера. А должно оно быть таким же общим, каково было народное безумие год тому назад. К этому и ведет всех нас Господь – и, кажется, приведет наконец тем голодом и мором, что уже начались почти по всей России и скоро, вероятно, сделаются единственной властью над жизнью и смертью человечества. И вижу своим мысленным взором, каются все безумствующие теперь и в ослеплении разрушающие родную жизнь. Вижу, как они в полном отрезвлении будут припадать к оплеванному ими теперь подножию Креста Христова с воплем о помощи Божественной. Вижу, как все образованные, развратившие темный народ, толкнувшие его на безбожие и бунт, но теперь смирившиеся переживаемыми скорбями, воодушевятся на святую народную работу пред Богом, неся сюда свой высокий разум и богатые духовные силы. Да возвратятся же к нам от Бога разум и сила, как к исцеленному евангельскому

расслабленному. Да соберется русская народная душа к Богу, чтобы сбросить ей с себя весь дурман нашего времени и осмысленно идти к жизни..." В проповеди я не "призываю народ обратиться, подобно расслабленному (а не прокаженным, как ошибочно сказано в копии постановления), к Богу, чтобы все возвратилось к старому". Напротив, я указываю, что богоотступничество наше в старом и привело нас к современной разрухе в безбожном раю, где так трудно всем живется среди общей злобы и вражды до братоубийства. Посему и призываю народ обратиться к Богу в покаянии и утверждаю, что только тогда, у Бога, и сознают все себя на деле, а не на словах равными и братьями, как свободные чада Божии. Для суда надо мною... необходимо... отменить декрет от 22 января сего года о свободе совести, узаконяющий мою личную свободу "исповедовать любую религию..." До тех же пор я буду даже до смерти исполнять законы и правила исповедуемой мною религии православной. К тому же твердо даже до смерти стоянию за веру, за Церковь и за церковное достояние призываю и буду призывать свою паству – верующий народ. Это мой архипастырский долг, повелевающий мне бесстрашно ставить выше всего волю Божию и закон Церкви. И всегда буду поступать так, как поступали арестуемые гонителями святые апостолы. Об апостолах же Петре и Иоанне в книге Деяний святых апостолов... рассказывается, что тогдашние власти, "призвавши их, приказали им отнюдь не говорить и не учить об имени Иисуса. Но Петр и Иоанн сказали им в ответ: "Судите, справедливо ли пред Богом слушать вас более, нежели Бога. Мы не можем не говорить того, что видели и слышали". Они же, пригрозивши, отпустили их, не находя возможности наказать их, по причине народа", то есть боясь народа... [Деян. 4, 19-20].

Никакого "активного сопротивления темных несознательных масс населения противодействовать распоряжению рабоче-крестьянского правительства" я не организовывал... Мой долг не расшатывать, а укреплять веру в народе. Это я делал и делаю, и буду делать, пока Господь удерживает меня на страже церковной. Кроме того, считаю недопустимым оскорблением верующего народа, когда следственная комиссия революционного трибунала народного суда называет этот руководимый мною верующий народ "темными несознательными массами населения". Громко заявляю и заявлю на суде свой решительный протест против такого тяжкого оскорбления верующего народа со стороны именующих себя представителями народной власти. Помимо всего прочего, таковые представители власти, если не лично, то через агентов своего сыска, всегда могут убедиться, что меня слушают и от меня слышимое принимают к руководству и исполнению верующие всех сословий и всякого образования. К моему архиерейскому голосу прислушивающиеся верующие люди, несомненно, в делах веры и Церкви просвещены гораздо более не только всех "сознательных товарищей", восстающих на Церковь, но и агентов сыска, не могущих различить евангельского чтения о расслабленном от евангельского чтения о десяти прокаженных...

Вторично во всеуслышание народного суда протестую против нетерпимо оскорбительного наименования верующего народа "несознательными слоями населения", утверждаю, что, ни одного слова никогда не сказавши не только о "возврате старого строя", но и о самом этом "старом строе", я по долгу архиерейства стоял и стою, и буду до смерти стоять на страже веры возглавляемого и руководимого мною верующего народа, состоящего из лиц и самых просвещенных, и мало просвещенных.

Посему не благословлял, не благословляю и никогда никого не благословлю унижать святую веру и святую Церковь или расточать церковное достояние – свободную жертву только верующего, а не всякого народа. Жертва такого верующего народа или отдельных людей, как жертва Богу, составляет неотъемлемое достояние всей Церкви, то есть самого верующего народа. Посему открыто объявлял, объявляю и буду объявлять, и народному суду в услышание всего народа объявлю, что все завладевающие храмами Божиими или захватывающие что-либо церковное и священное для мирского употребления и объявляющие то достоянием и неверующего народа – по непреложным и Божественным правилам церковным отлучаются от Церкви и надежды на вечное спасение, осуждаются на вечную погибель и вчиняются идеже червь не умирает и огонь не угасает»<sup>154</sup>.

14 июня 1918 года губисполком получил прошение исполнительного Комитета Союза Пермской епархии разрешить архиепископу Андронику выезд в Москву по делам Союза. Власти отказали, решив арестовать архиепископа и немедленно расстрелять. Обсуждали, как произвести арест. Постановили объявить город на военном положении и привести в состояние боевой готовности все имеющиеся войска. Начальнику конной городской милиции приказали поставить по два конных милиционера против окон всех городских церковных сторожек на тот случай, если кто-нибудь из звонарей захочет подняться на колокольню; если звонарь не послушается приказа, велено было немедленно стрелять. Для ареста святителя было поднято на ноги полторы тысячи войск.

Случайный свидетель обсуждения планов ареста архиепископа Андроника 16 июня рассказал владыке, какая угроза нависла над его жизнью. Но святитель, выслушав его, решил не покидать епархию, до конца исполнить свой долг, а если благословит Господь, то и пострадать за Него. На колокольню кафедрального собора был послан монах Михаил, которому было поручено бить по тревоге в набат. Несколько прихожан добровольно пришли на дежурство, чтобы быть свидетелями ареста святителя. В первом часу ночи 17 июня весь квартал, где располагался архиерейский дом, был оцеплен большими отрядами красногвардейцев<sup>155</sup>. Были приготовлены лошади, и ждал кучер. Захватчики условились, что как только помощник начальника милиции Мотовилихи Жужгов выведет архиепископа, тут же подадут пролетку, чтобы как можно быстрее увезти владыку из города. В темноте один из отрядов подошел к архиерейскому дому, наружная дверь была заперта, чекисты быстро сорвали ее и вошли внутрь. Другая дверь. На стук вышел привратник.

– Где живет Андроник?

– Наверху.

Вооруженного конвоира оставили у наружных дверей, а председатель Пермской ЧК Малков, начальник Пермской милиции Иванченко и Жужгов поднялись наверх в покои владыки. Владыка вместе с двумя священнослужителями бодрствовал.

– Который из вас архиепископ Андроник? – спросил один из пришедших.

– Это я, – спокойно ответил святитель.

Вошедшие объявили, что им надо произвести обыск. С соборной колокольни в это время раздался набат и тревожные раскаты колокола прокатились над городом; прозвучало несколько выстрелов, и звон был прекращен. Владыке приказали немедленно спускаться вниз. В рясе, с панагией на груди, в клобуке, с посохом в руке вышел святитель к ожидавшей его пролетке.

Жужгов сел рядом с архипастырем, один из чекистов взгромоздился на козлы, и пролетка быстро покатила в сторону Мотовилихи. Оставшиеся чекисты арестовали находившихся в доме архимандрита Пахомия, иеродиакона Евлогия, сторожа, швейцара и рассыльного. Все они были увезены сначала в ЧК, а затем в тюрьму. После того, как с них была взята расписка, что они не будут ничего рассказывать о судьбе архиепископа, они были освобождены.

Арестовавшие архиепископа Андроника, доехав до Мотовилихинской милиции, стали менять лошадей. На это время владыку поместили в канцелярии. Позвонил председатель Мотовилихинского совета рабочих депутатов Мясников и попросил отложить расстрел архиепископа до его приезда. Между тем рассветало, по улицам начиналось движение, и ехать дальше убийцы побоялись. Приехавший Мясников объявил милиционерам, что расстрел решено отменить. Это стало известно владыке, но он не поверил.

– Я знаю, что меня расстреляют, – уверенно сказал он.

При наступлении дня архиепископа Андроника завели в помещение бани и приставили к дверям конвоира с приказом никого не впускать.

Жужгов предложил:

– Вы, может быть, хотите супа?

Суп был сварен на милицейской кухне – мясной. Архиепископ отказался. Тогда Жужгов принес хлеба и молока, а сам уехал в Пермь узнать, почему решено не расстреливать. В ЧК собрались на совещание и подтвердили расстрел.

Тем временем в городе узнали, что архиепископ и бывшие с ним арестованы и владыка находится под стражей в Мотовилихе. Перед зданием милиции стал собираться народ, требуя освобождения архипастыря. Жужгов приказал разойтись, но люди не расходились, и тогда он сказал:

– Им нужен Андроник, посадите их с Андроником.

Были арестованы две женщины, остальных разогнали. Тем временем стало известно, что священниками городских церквей и Мотовилихи прекращены службы в храмах. Жужгов пришел к архиепископу узнать причину.

Владыка сказал:

– У нас постановлено, что если кого-нибудь из священнослужителей арестуют, то мы все служить не будем.

Вечером 18 июня в Мотовилихинскую милицию снова прибыл Мясников. Жужгов отдал распоряжение готовить лошадей, чтобы везти архиепископа на расстрел. Но Мясников стал противиться расстрелу владыки; Жужгов спорил. Тогда Мясников настоял, чтобы узника перевезли в Пермскую ЧК. Здесь снова спорили о судьбе святителя; наконец Мясников согласился, но ночь была уже на исходе, и расстрел снова пришлось отложить.

Весь день 19 июня архиепископ провел в камере Пермской ЧК. Палачи уже сами начинали бояться святителя и, опасаясь его влияния на стражу, подобрали наиболее жестоких конвоиров, находивших удовольствие в издевательствах и насмешках над ним. Так прошел день. Вечером председатель Пермской ЧК Малков пригласил заместителя губисполкома, бывшего одновременно и представителем губисполкома в ЧК, Сивкова присутствовать при допросе архиепископа Андроника.

Приглашенный в кабинет, святитель молча занял кресло у письменного стола. Он долго не отвечал ни на один вопрос, молясь Богу и пребывая в Боге, делавшим его свободным и бесстрашным, как достигшего совершенной,

изгоняющей страх любви\*, потом снял сделанную в форме креста панагию, завернул ее в шелковый лиловый платок, положил перед собой на письменный стол и, обращаясь к своим палачам и гонителям Церкви, сказал:

– Мы враги открытые, примирения между нами не может быть. Если бы не был я архипастырем и была необходимость решать вашу участь, то я, приняв грех на себя, приказал бы вас повесить немедленно. Больше нам разговаривать не о чем.

Сказав это, он неспешно развернул платок, надел панагию, спокойно поправил ее на груди и, погрузившись в молитву, не проронил более ни слова.

Расстреливать святителя поехали чекисты Уваров, Платунов и трое латышей. В первом часу ночи 20 июня Уваров въехал во двор ЧК и велел выводить архипастыря. В простой рясе, в клобуке, с панагией на груди, с посохом в руке вышел святитель. Из подвала выбежал Жужгов и попросил Платунова, чтобы и его взяли присутствовать «на похоронах Андроника». Платунов велел ему сесть в пролетку рядом с архиепископом. И они поехали. Дорогой святитель добродушно заметил Жужгову, что ему в Мотовилихинской милиции было лучше сидеть, по крайней мере, там над ним не издевались.

В ответ Жужгов злобно потребовал:

– Снимите постановление о забастовке.

Архиепископ ответил:

– Нет, не сниму, я знаю, что вы меня везете расстреливать.

Они ехали по Сибирскому тракту, миновали пятую версту и свернули налево, в лес. Проехав сажен сто, остановили лошадей\*\*. Жужгов отвязал от пролетки лопаты, одну протянул архипастырю и велел копать могилу. Святитель копал медленно, и палачи стали ему помогать. Когда закончили, Жужгов приказал:

– Давай ложись.

Но могила оказалась коротка, святитель подрыл в ногах, лег второй раз, но и тогда она оказалась короткой, и он снова копал, удлиняя ее. Наконец, когда могила была готова, владыка попросил помолиться. Палачи разрешили. Архиепископ минут десять молился, затем повернулся ко всем четверем сторонам, благословил свою пермскую паству и сказал:

– Я готов.

– Я расстреливать не буду, а живым буду закапывать, пока не снимешь постановления, – заявил Жужгов.

Архиепископ ответил, что никогда не сделает этого. И палачи стали забрасывать его землей. Жужгов несколько раз выстрелил. Тело святителя было неподвижно. Платунов выстрелил еще два раза, Жужгов один раз – в голову, и начали закапывать.

После казни палачи разделили оставшиеся от архипастыря вещи: чугунные часы, панагию и позолоченную цепочку.

В своем последнем пасхальном послании Пермской Церкви 17 марта 1918 года владыка писал: «Прошел год – и все житие наше обратилось в прах от дуновения воли оставленного нами Бога. Такими грозными посещениями возвращал к разуму Господь издревле людей рода нашего: в грозных событиях жизни, в злоключениях и люди, и целые народы познавали свою немощь, свое недостойнство и возвращались к Всесильному Промыслителю... Познаём и мы... свою вину пред Богом, познаём Его силу над нами и обратимся к Нему

---

\* См. 1 Ин. 4, 18.

\*\* Сейчас это место находится в черте города Перми.

вседушевно. Но видим уже и воистину благодетельную десницу Вседержителя. Смотрите – какое оздоравливающее и ободряющее действие произвели в нас те декреты о нашей вере и Церкви, какие появились в стране нашей за последнее время. Гроза разряжает застоявшийся и накалившийся воздух... Увидевши опасность лишиться свободы веровать и молиться... православные россияне воодушевились на стояние за веру и Церковь... явились священномученики и... исповедники среди архиереев, иереев и иноков, – и миряне православные дружно и самоотверженно встали на защиту своей свободы веровать, на защиту Святой Церкви. То там, то здесь уже многие и живот свой за веру положили. Да упокоит Господь души их и молитвами их да помилует нас и Россию»<sup>156</sup>.

*Архимандрит Дамаскин (Орловский)*

## Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Июнь». Тверь. 2008. С. 73-175

## Примечания

<sup>1</sup> Прибавления к Церковным ведомостям. 1893. № 33. С. 1210.

<sup>2</sup> Там же. № 34. С. 1237-1238.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 87, л. 22.

<sup>4</sup> Там же. Д. 804, л. 4.

<sup>5</sup> Там же. Д. 87, л. 22.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Архимандрит Иоанн (в миру Илья Алексеев), впоследствии епископ Пермский и Соликамский, руководил Александровской миссионерской Духовной семинарией в Ардоне со дня ее основания. Родился он в 1862 году в Санкт-Петербурге в семье плотника; окончил Санкт-Петербургскую Духовную семинарию и поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию. В 1885 году он был пострижен в монашество, в 1887 году рукоположен во иеромонаха и в том же году окончил Духовную академию и был назначен смотрителем Александровского Осетинского духовного училища в селении Ардон Терской области. В 1892 году отец Иоанн был возведен в сан архимандрита. Архимандрит Иоанн проделал большую работу по становлению как Осетинского духовного училища, так и Духовной семинарии. Это был выдающийся организатор, талантливый руководитель и воспитатель. Он имел большое влияние не только на учащихся семинарии, но и на жителей Ардона и всей Осетии. В 1899 году он был хиротонисан во епископа Чебоксарского, второго викария Казанской епархии, а в 1902 году назначен епископом Пермским и Соликамским // РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 433, л. 38-45. Скончался в 1905 году.

<sup>8</sup> Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга I. Статьи и заметки. Тверь, 2004. С. 63.

<sup>9</sup> Дневники святого Николая Японского. Том III. СПб., 2004. С. 203.

<sup>10</sup> Там же. С. 311.

<sup>11</sup> Там же. С. 668.

Состоявшееся таким образом назначение явилось впоследствии камнем преткновения для отца Андроника. Если архимандрит Сергей был до этого в Японии и был практически осведомлен о положении дела, переписывался с епископом Николаем, выражая желание продолжать миссионерскую деятельность среди язычников, и, следовательно, имел время и возможность предварительно помолиться и в соответствии с искренней молитвой и определить: есть ли Промысл Божий для него в этом назначении и уже потом, определившись, за это твердо держаться, – то иеромонаху Андронику такой возможности предоставлено не было. Он получил назначение в форме телеграммы-приказа. Приучив себя к послушанию – он согласился и примирился с этим назначением, восприняв его как Промысл Божий, проявившийся через

---

распоряжение начальства; он не соображался в данном случае с тем, что начальство и само не представляло, куда его посылает и какого рода исключительный подвиг нужно будет ему понести, который только и мог тогда понести один человек – епископ Николай; он не соображался и с тем, что предложивший его в миссионеры архимандрит Сергей делал это для собственного удобства, зная, какими свойствами наделил Господь отца Андроника: куда ни поставь – везде будет трудиться подвижником. Такого рода необдуманное назначение выбивало у отца Андроника всякую религиозную почву – слишком слабо оказалось связанным начальственное распоряжение с Промыслом Божиим, застав сердце человека не подготовленным к осуществлению дела, многократно превышающего человеческие силы. Миссионерская деятельность в языческой стране – это такой род подвига, на который человек может пойти лишь добровольно, с глубоким внутренним согласием, как и на все, связанное с высокой степенью самоотречения, – как например монашество или священство. Миссионерское служение в языческой Японии требовало и того больше. Надо было забыть и свою Родину и саму возможность служения ее народу, беря в расчет лишь то, насколько Родина может послужить миссионерскому делу, христианской проповеди в языческой стране; а между тем ты с ней, как и с родными своими, связан тысячами нитей – и все это надо было навсегда оборвать. Ты проповедуешь Истину, выраженную во всей полноте в православии, – язычникам – и только. Ты снова становишься, подобно апостолам, человеком без Родины и места жительства – с Христом – Царем, Главой Церкви, и с единственной желаемой Родиной – Небесным Иерусалимом. Всякий, проповедующий язычникам в пределах своего Отечества, находится в значительно лучшем положении, ибо служа делу христианского просвещения, он служит и своей Родине, созидавая мирное житие ее граждан, обретающих благодаря проповеди православного миссионера нравственное и религиозное единодушие, а в деле просвещения христиан в другой языческой стране – он служит только делу спасения душ живущих в этой стране. Таково истинное положение православного миссионера, причем оно коренным образом отличается от положения миссионеров католиков и протестантов, которые вместе с христианством несли и мирскую или, как они говорили, мировую культуру своих стран и их цивилизацию, тем самым подчиняли себе тех, кого просвещали, и таким образом служили часто не Христу, а лишь своей Родине, которая всегда оставалась могущественным помощником и вдохновителем их деятельности, делая ее с мирской точки зрения весьма успешной.

<sup>12</sup> РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 87, л. 23.

<sup>13</sup> Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга I. Статьи и заметки. Тверь, 2004. С. 64-65.

<sup>14</sup> Там же. С. 115-116.

<sup>15</sup> Там же. С. 112.

<sup>16</sup> Там же. С. 197.

<sup>17</sup> Там же. С. 348.

<sup>18</sup> Дневники святого Николая Японского. Том III. СПб., 2004. С. 673.

<sup>19</sup> Там же. С. 680.

<sup>20</sup> Там же. С. 681.

<sup>21</sup> Там же. С. 678.

<sup>22</sup> Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга I. Статьи и заметки. Тверь, 2004. С. 349.

<sup>23</sup> Там же. С. 265.

<sup>24</sup> Там же. С. 339-340.

<sup>25</sup> Дневники святого Николая Японского. Том III. СПб., 2004. С. 761.

<sup>26</sup> Там же. С. 775.

<sup>27</sup> Священномученик Андроник (Никольский). Пишу от избытка скорбящего сердца. М., 2007. С. 21-24.

<sup>28</sup> Там же. С. 25.

<sup>29</sup> Там же. С. 25-29.

<sup>30</sup> Дневники святого Николая Японского. Том III. СПб., 2004. С. 792.

<sup>31</sup> Недолго пробыл в Японии после отъезда иеромонаха Андроника и архимандрит Сергей, не имевший столь серьезных проблем со здоровьем. 11 января 1899 года епископ Николай записал в

---

своем дневнике: «Не могу ли я пожаловаться иногда моему дневнику? Больше кому же? – Чувствуешь себя иногда точно разобранным, как дом разобранный и раскиданный на части. Что может быть несчастнее такого состояния? Вот в таком я ныне; и раза три-четыре ежегодно бывает то же. Отчего? Нападения ли искусителя? Собственная ли утомленность? Или неодобряющие обстоятельства? Вероятно, все вместе. Враг нашего спасения разве дремлет? Скучным многолетним однообразием разве нельзя утомиться? А ободряющее где же? Из всех церквей один напев на минорный тон. И при всем этом – вечное одиночество! Кремень о сталь дает искру; где же моя сталь? Вот архимандрит Сергей здесь. И какую недостойную роль мы оба с ним разыгрываем! Он – ни слова, что писал в Россию о вызове его отсюда, я – ни намека, что догадываюсь о сем. По крайности, хоть декорум соблюдается; иначе, что бы говорить с ним? А не говорить как же, живя в одном доме, служа литургию вместе! Даст ли мне Господь, хоть перед смертью, видеть здесь сотрудника себе? Или погибнет дело Миссии и с ним моя душа, как бесполезно прошедшая поприще жизни? Что может быть тяжелее таких дум и сомнений!» // Дневники святого Николая Японского. Том IV. СПб., 2004. С. 11.

17 января архимандрит Сергей все же огласил свое намерение уехать в Россию; епископ Николай не препятствовал и 21 января написал в Синод прошение об увольнении архимандрита Сергея из Миссии.

27 января состоялось прощание. «В час снимались группой все служащие церкви в Токио и старшины приходов по случаю отъезда отца архимандрита Сергея, – писал епископ Николай в дневнике. – Потом был там же – [в] семинарии, в столовой, “сообществуй” – прощальное собрание ему. Речи говорили Иоанн Фуруяма – “печально-де расставаться с бывшим учителем, но там, в России, его ждет высший пост, – за него нужно радоваться”; отец Павел Сато, что “в Россию отсюда надо посылать для изучения христианской жизни”; отец Симеон Юкава, что “отец архимандрит Сергей приедет сюда и в третий раз, уже епископом”. Между первой и второй речью было пение по-русски... и вслед за тем речь самого отца Сергея, что “хотя Церковь здесь мало заметна (?) между католическими и протестантскими Церквями, но от этого нечего унывать, ибо Царство Божие не приходит наружно; Спаситель сказал: “Царство Божие внутри вас есть”, – словом, дичь плел, малосвязную и плохо идущую по случаю. Затем все сидели (?) долго, повеся носы, в ожидании, не скажет ли кто еще что, но охотника не нашлось, и потом пропели “Достойно” по-русски и разошлись» // Дневники святого Николая Японского. Том IV. СПб., 2004. С. 17.

22 февраля 1899 года архимандрит Сергей в последний раз отслужил литургию в соборе. «Пообедали потом мы с ним вдвоем у меня, – записал епископ. – Затем все время приходили к нему прощающиеся. В четыре часа он напился чаю у меня, и с час потом мы с ним беседовали. Друзьями расстаемся, ни разу ведь не поссорились; я никогда не видел его рассердившимся или сказавшим мне или кому-либо грубое слово; в первый раз в жизни встречаю такого человека. Завещавал ему и в России служить Миссии вообще заграничной, – проводить везде, где можно, мысль о необходимости развития заграничного миссионерства и так далее.

В половине шестого он зашел ко мне проститься; заплакал; грустно было и мне расставаться. Немалая толпа собралась проводить его; но поехал он к отцу Сергию Глебову (О нравственных и душевных качествах которого святитель Николай был самого невысокого мнения: «Положительно, этот Сергей ни на какую службу в Миссии не способен, – писал он о нем, – и по лености, и по самодурству; а терпеть нужно – единственный миссионер!» // Дневники святого Николая Японского. Том III. СПб., 2004. С. 156), чтобы там поужинать и вместе с ним отправиться в Иокохаму.

Итак: finita la Comedia! Все, что не в пределах воли Божией, разве не есть комедия? А двукратный приезд и отъезд отсюда многолюбезного отца Сергея Страгородского – результат его доброты сердца и слабости воли в взаимодействии с внешними толчками, – разве можно поставить на счет воли Божией? Было бы злочеханием» // Дневники святого Николая Японского. Том IV. СПб., 2004. С. 19.

<sup>32</sup> РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 87, л. 23.

<sup>33</sup> Там же.

<sup>34</sup> Там же. Л. 23-24.

<sup>35</sup> Там же. Л. 24.

<sup>36</sup> Там же. Ф. 833, оп. 1, д. 5, л. 84.

---

<sup>37</sup> ГАРФ. Ф. 550, оп. 1, д. 232, л. 32.

<sup>38</sup> Дневники святого Николая Японского. Том V. СПб., 2004. С. 334.

<sup>39</sup> Там же.

Иеромонах Гурий не поехал в Японию, а архимандрит Андроник вскоре действительно вернулся в Россию.

<sup>40</sup> РГИА. Ф. 797, оп. 76, 3 отд., 4 ст., д. 145, л. 2, 5.

<sup>41</sup> РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 87, л. 24.

<sup>42</sup> Дневники святого Николая Японского. Том V. СПб., 2004. С. 338.

<sup>43</sup> РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 87, л. 24.

<sup>44</sup> РГИА. Ф. 796, оп. 205, д. 695, л. 3.

<sup>45</sup> Там же. Л. 4.

<sup>46</sup> Омские епархиальные ведомости. 1913. № 7. С. 7-8.

<sup>47</sup> Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга I. Статьи и заметки. Тверь, 2004. С. 463-464.

<sup>48</sup> Там же. С. 468-469, 471.

<sup>49</sup> Там же. С. 351-352.

<sup>50</sup> Там же. С. 356-357.

<sup>51</sup> Там же. С. 359-360.

<sup>52</sup> Там же. С. 360-361.

<sup>53</sup> Там же. С. 368-371.

<sup>54</sup> Там же. С. 372-373.

<sup>55</sup> ГАРФ. Ф. 550, оп. 1, д. 232, л. 48.

<sup>56</sup> Там же. Л. 41 об-42.

<sup>57</sup> Там же. Л. 94.

<sup>58</sup> Туркестанские епархиальные ведомости. 1912. № 6. С. 142.

<sup>59</sup> РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 87, л. 25.

<sup>60</sup> Для характеристики умонастроения этих архиереев приведем запись из дневника архиепископа Арсения: «1 марта в 9 утра скончался мой предшественник Пр<еосвященный> Гурий, живший у меня на покое, в запасной половине, 84 лет... В последнее время он находился почти в дремотном, полусознательном состоянии. Производил очень жалкое впечатление. Я всячески старался облегчить его покой. Я любил его, как отца. Кажется он чувствовал мою любовь к нему и отвечал мне тем же. Бывало, приходишь к нему, поцелуешь ему руку, он возьмет твою руку и так долго-долго держит ее, силясь что-то сказать; но еле-еле выговорит: “бла-го-да-рю за-все”, и начинает всхлипать. Одно могу сказать, дай Бог и мне такого покоя и чтобы мой преемник так же любил меня, как я его... Владыка Гурий оставил после себя 240 тысяч; на Новгородской кафедре он собрал 120 тысяч. Согласно оставленному им завещанию, он около полутора ста тысяч распределил на разного рода епархиальные учреждения и монастыри; остальные – родственникам» // ГАРФ. Ф. 550, оп. 1, д. 516, л. 40 об-41.

Естественно, что такое умонастроение было глубоко чуждо бессребренику-монаху епископу Андронику.

<sup>61</sup> ГАРФ. Ф. 550, оп. 1, д. 232, л. 128-129.

<sup>62</sup> Новгородские епархиальные ведомости. 1913. № 12. С. 426.

<sup>63</sup> Там же.

<sup>64</sup> Там же.

<sup>65</sup> Священномученик Мефодий (Красноперов), епископ Петропавловский. Пастырь Церкви по учению святого апостола Павла. Проповеди. Тверь, 2007. С. 189-191.

<sup>66</sup> Омские епархиальные ведомости. 1913. № 20. С. 19-20.

<sup>67</sup> Там же. С. 40-41.

<sup>68</sup> Там же. С. 39-40.

- 
- <sup>69</sup> Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга II. Проповеди, обращения, послания. Тверь, 2004. С. 133.
- <sup>70</sup> Там же. С. 135.
- <sup>71</sup> Вологодские епархиальные ведомости. 1913. № 24. С. 433-434.
- <sup>72</sup> ГАРФ. Ф. 550, оп. 1, д. 232, л. 135.
- <sup>73</sup> Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга II. Проповеди, обращения, послания. Тверь, 2004. С. 153-154.
- <sup>74</sup> Там же. С. 157-158.
- <sup>75</sup> Газ. «Колокол». 1914. № 2513. 19 сентября. С. 4.
- <sup>76</sup> Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга II. Проповеди, обращения, послания. Тверь, 2004. С. 174-175.
- <sup>77</sup> Там же. С. 188-189.
- <sup>78</sup> РГИА. Ф. 796, оп. 439, д. 87, л. 25.
- <sup>79</sup> Омские епархиальные ведомости. 1914. № 17. С. 37.
- <sup>80</sup> Там же.
- <sup>81</sup> ГАРФ. Ф. 550, оп. 1, д. 232, л. 136.
- <sup>82</sup> Там же. Л. 166.
- <sup>83</sup> ГАРФ. Ф. 550, оп. 1, д. 232, л. 138.
- <sup>84</sup> Там же. Л. 141.
- <sup>85</sup> Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга I. Статьи и заметки. Тверь, 2004. С. 401-402.
- <sup>86</sup> Там же. С. 408-410.
- <sup>87</sup> Там же. С. 418.
- <sup>88</sup> Там же. С. 419.
- <sup>89</sup> Там же. С. 422.
- <sup>90</sup> Там же. С. 424.
- <sup>91</sup> Там же. С. 437.
- <sup>92</sup> Там же. С. 435.
- <sup>93</sup> Там же. С. 441-442.
- <sup>94</sup> Пермские губернские ведомости. 1916. № 36. С. 4.
- <sup>95</sup> Газ. «Колокол». 1915. № 2826. 11 октября.
- <sup>96</sup> РГИА. Ф. 797, оп. 86, 1 отд., 1 ст., 1916 г., д. 21, л. 3.
- <sup>97</sup> Там же. Л. 10.
- <sup>98</sup> Там же. Л. 10 об.
- <sup>99</sup> Газ. «Колокол». 1915. № 2856. 17 ноября.
- <sup>100</sup> Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга II. Проповеди, обращения, послания. Тверь, 2004. С. 321-322.
- <sup>101</sup> ГАРФ. Ф. 550, оп. 1, д. 232, л. 139 об-140.
- <sup>102</sup> РГИА. Ф. 796, оп. 202, 1 отд., 5 ст., 1916 г., д. 177, л. 2 об-3.
- <sup>103</sup> Пермские епархиальные ведомости. 1916. № 38. С. 1.
- <sup>104</sup> РГИА. Ф. 796, оп. 202, 1 отд., 5 ст., 1916 г., д. 183, л. 1-2.
- <sup>105</sup> Там же. Л. 5.
- <sup>106</sup> Епископ Сергей (в миру Алексей Петрович Лавров) родился в 1878 году. В 1902 году он окончил Санкт-Петербургскую Духовную академию, был рукоположен во иеромонаха и назначен впоследствии начальником Духовной миссии в Урмии. В 1913 году – хиротонисан во епископа Салмасского; в 1916 году назначен викарием Пермской епархии, куда он не прибыл, испросив себе отпуск до конца 1916 года. Во время революционных событий 1917 года объявил себя принадлежащим к Англиканской Церкви и был отлучен от Православной Церкви. Под ударами тяжелых испытаний во время гражданской войны и тяжелой болезни, постигшей его в

---

Новороссийске, он сообщил о своем покаянии и решением Временного высшего церковного управления на юге России был воссоединен с Церковью. Находясь в больнице и услышав известие об этом от архиепископа Евлогия (Георгиевского), он сказал ему: «Благодарю Бога за болезнь, теперь я все понял... Как мелко, глупо то, чего я домогался...» // Митрополит Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни. М., 1994. С. 325-326.

В течение нескольких месяцев 1920 года состоял управляющим Кубанской епархией. В том же году он был арестован и сослан на год в Великий Устюг. В 1922 году он был вновь арестован, сослан в Ташкент и в 1925 году назначен епископом Семиреченским, управляющим Туркестанской епархией. В 1926 году он был арестован. В 1927 году перешел в обновленчество и назначен управляющим Красноярской епархией. В 1929 году он снял сан и поселился в Москве; в 1931 году он был арестован за попытку найти путь для выезда за границу и приговорен к пяти годам ссылки. // ЦА ФСБ России. Д. 42309.

В 1937 году он, несмотря на годы сотрудничества с органами НКВД, вновь был арестован в г. Тобольске; на следствии не признал себя виновным; 4 ноября 1937 года тройка УНКВД по Омской области приговорила его к расстрелу, и 10 ноября того же года он был расстрелян. // УФСБ России по Тюменской обл. Д. 2476.

<sup>107</sup> РГИА. Ф. 796, оп. 202, 1 отд., 5 ст., 1916 г., д. 183, л. 6.

<sup>108</sup> Там же. Л. 18.

<sup>109</sup> ГАРФ. Ф. 550, оп. 1, д. 232, л. 147 об.

<sup>110</sup> Там же. Л. 154.

<sup>111</sup> Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга I. Статьи и заметки. Тверь, 2004. С. 502-503.

<sup>112</sup> Любовью побеждая страх. Составитель Королев Виктор. Фрязино, 1998. С. 35.

<sup>113</sup> РГИА. Ф. 831, д. 86, л. 25.

<sup>114</sup> Там же. Л. 2-7.

<sup>115</sup> Там же. Л. 11.

<sup>116</sup> ГАРФ. Ф. 550, оп. 1, д. 232, л. 155-156.

<sup>117</sup> РГИА. Ф. 796, оп. 204, д. 132, л. 1.

<sup>118</sup> Там же. Л. 14.

<sup>119</sup> ГАРФ. Ф. 550, оп. 1, д. 232, л. 149.

<sup>120</sup> Имеется в виду постановление Святейшего Синода в связи с заявлением шести архиепископов Синода.

#### «СВЯТЕЙШЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СИНОДУ

Нижеподписавшихся заявление

Временное правительство в лице своего обер-прокурора В.Н. Львова 4 марта в торжественном открытом заседании Св[ятейшего] Синода объявило нам о предоставлении Св[ятой] Православной Российской Церкви полной свободы в Ее управлении, сохраняя за собой лишь право останавливать решения Св[ятейшего] Синода, в чем-либо не согласные с законом и нежелательные с политической точки зрения. Св[ятейший] Синод во всем пошел навстречу этим обещаниям, издал успокоительное послание к православному народу и совершил другие акты, необходимые, по мнению Правительства, для успокоения умов. 7-го же марта г. обер-прокурор нам объяснил, что Временное Правительство считает себя облеченным всеми прерогативами прежней царской власти в церковных делах, он же, обер-прокурор и представитель этой власти, и участник в ней, и уже, помимо Синода, получил от нее поручение выработать проект церковных преобразований. Таким образом, в Св[ятейшем] Синоде обер-прокурор не только остается фактическим хозяином и начальником, как при прежнем режиме, но как член Исполнительного Комитета [Государственной Думы], оказывается на неопределенное время до созыва [Поместного] Собора и безапелляционным вершителем церковных дел. Ввиду столь коренной перемены в отношениях государственной власти в Церкви, нижеподписавшиеся не считают себя вправе, без особых полномочий от Российской Иерархии, брать на себя ответственность за все мероприятия,

---

какие Временное правительство или единолично г. обер-прокурор найдут нужным провести в церковном управлении, и потому нижеподписавшиеся не считают для (себя) возможным, без таких полномочий, оставаться присутствующими в Св[ятейшем] Синоде, сохраняя, конечно, к нему сыновнее послушание и должное повиновение Временному Правительству. 8 марта 1917 г. Св[ято]-Троицкая Александро-Невская Лавра. Петроград.

Сергий [Страгородский], архиепископ Финляндский;  
Тихон [Белавин], архиепископ Литовский;  
Арсений [Стадницкий], архиепископ Новгородский;  
Михаил [Ермаков], архиепископ Гродненский;  
Иоаким [Левицкий], архиепископ Нижегородский;  
Василий [Богоявленский], архиепископ Черниговский.

Постановление Св[ятейшего] Синода в связи с заявлением  
шести архиепископов Св[ятейшего] Синода

от 9-13 марта 1917 г.

СЛУШАЛИ: заявление, прилагаемое при сем, шести архиепископов, присутствующих в Св[ятейшем] Синоде, и на основании бывших суждений

ПОСТАНОВИЛИ: присоединяясь по существу к настоящему заявлению и находя образ действий нового обер-прокурора Св[ятейшего] Синода г. Львова неканоничным и незаконным, Св[ятейший] Синод определяет:

1) довести до сведения Временного правительства о сем, присовокупив, 2) что Св[ятейший] Синод не находит, однако, возможным оставить кормило Всероссийской Православной Церкви без кормчего и посему 3) оставляет за собой ведение дел по управлению Православной Российской Церковью до созыва нового состава Св[ятейшего] Синода на основах канонических (архиереи избираются архиереями всей Русской Церкви путем опроса (по телеграфу), а лица пресвитерского сана – духовенством).

Владимир (Богоявленский), митрополит Киевский;  
Макарий (Парвицкий-Невский), митрополит Московский;  
Сергий (Страгородский), архиепископ Финляндский;  
Тихон (Белавин), архиепископ Литовский;  
Арсений (Стадницкий), архиепископ Новгородский;  
Михаил (Ермаков), архиепископ Гродненский;  
Иоаким (Левицкий), архиепископ Нижегородский;  
Василий (Богоявленский), архиепископ Черниговский  
и протопресвитер Александр Дернов»

// Цит. по: Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году. Материалы и архивные документы по истории Русской Православной Церкви. Составитель М.А. Бабкин. М., 2006. С. 29-31.

14 апреля 1917 года все члены Синода были уволены министром-председателем, как он тогда назывался, князем С. Львовым и обер-прокурором Синода В. Львовым; оставлен был только митрополит Сергей (Страгородский), а с ним вместе были вызваны на сессию Синода экзарх Грузии архиепископ Платон (Рождественский), архиепископ Ярославский Агафангел (Преображенский), епископ Уфимский Андрей (Ухтомский) и епископ Самарский Михаил (Богданов). // Церковные ведомости. Петроград. 1917. № 16-17. С. 83.

8 мая 1917 года Синодом было постановлено созвать к 11 июня того же года Предсоборный совет «для обсуждения назревших вопросов, касающихся устройства Российской Православной Церкви» // Церковные ведомости. Петроград. 1917. № 20-21. С. 133.

<sup>121</sup> ГАРФ. Ф. 550, оп. 1, д. 232, л. 161-162.

<sup>122</sup> ЦА ФСБ России. Д. Н-1780. Т. 16, л. 231.

<sup>123</sup> За епископа Андроника было подано 27 голосов. Кроме него в Предсоборный совет были избраны архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) – за него было подано 83 голоса,

---

архиепископ Литовский Тихон (Белавин) – 58 голосов, архиепископ Тамбовский Кирилл (Смирнов) – 46 голосов, митрополит Киевский Владимир (Богоявленский) – 45 голосов, архиепископ Волынский Евлогий (Георгиевский) – 29 голосов и епископ Минский Георгий (Ярошевский) – 27 голосов. // РГИА. Ф. 796, оп. 204, д. 132, л. 172, 176.

<sup>124</sup> РГИА. Ф. 796, оп. 204, д. 132, л. 198.

<sup>125</sup> Там же. Л. 234.

<sup>126</sup> Там же. Ф. 833, оп. 1, д. 75, л. 45 об.

<sup>127</sup> Там же. Л. 96.

<sup>128</sup> Там же. Д. 2, л. 475.

<sup>129</sup> Там же. Д. 9, л. 93.

<sup>130</sup> Там же. Л. 94.

<sup>131</sup> Там же. Л. 118.

<sup>132</sup> Там же. Д. 5, л. 84.

<sup>133</sup> Там же. Л. 84-85.

<sup>134</sup> Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга II. Проповеди, обращения, послания. Тверь, 2004. С. 427-428.

<sup>135</sup> Там же. С. 430-432.

<sup>136</sup> Там же. С. 434-436.

<sup>137</sup> Там же. С. 438-444.

<sup>138</sup> РГИА. Ф. 833, оп. 1, д. 5, л. 30-31.

<sup>139</sup> Там же. Д. 44, л. 25-26.

<sup>140</sup> «Наша Пермская епархия, – сказал епископ Андроник, – очень бедная, в ней всего до 500 церквей, оборот епархиального свечного завода небольшой. Однако она близко приняла к сердцу нужды тружеников духовной школы и озаботилась их обеспечением, не ожидая сторонней помощи и не сваливая свою беду на других. Она определила педагогам не только штатное содержание, но и различные прибавки на дороговизну. Мало того, она гарантировала содержание не только служащим в духовно-учебных заведениях, но назначила кредит на содержание воспитанников и зданий, притом не в размере штатных ассигнований, а по военному времени. А вы знаете, что значит смета по военному времени. И вот за то, что Пермская епархия проявила инициативу, что она согласилась дать средства на содержание своих духовно-учебных заведений и даже сверх нормы, чтобы нравственно и материально поддержать тех, кто нуждался в помощи, она должна нести наказание и платить и на другие епархии. Простите. Прежде, при старом режиме, у нас жаловались, что инициатива не одобрялась... преследовалась и наказывалась. Оказывается то же и теперь: за проявление инициативы Пермская епархия должна нести наказание, платить не только за себя, но и за другие, более богатые епархии, которые сваливают свою вину на других...» // РГИА. Ф. 833, оп. 1, д. 10, л. 41-42.

<sup>141</sup> «В соборных беседах подошли мы наконец и к решению одного из важнейших вопросов, без должного разрешения которого едва ли возможно провести в жизнь все наши самые благие пожелания и определения. Это святое и небесное на земле служение – пастырское, как продолжение апостольского служения в Церкви. Издревле Церковь и подготавливала на это служение тем или иным способом достойных работников. Для пастырства же, как церковного служения по преемству от апостолов, необходимо не только образование умственное, в смысле богословского обучения, но главнее того – необходимо пастырское воспитание души кандидата во священство. Пастырство есть душепопечение, сострадание душе человеческой, от диавола мучимой и искушаемой, – ибо и Христос пришел грешников спасти. Посему и кандидату священства надлежит иметь душу, исполненную отзывчивости к духовным нуждам и запросам христиан, чтобы руководить их ко спасению, воспитывать в духе веры Христовой. Создание этого в душе учащихся и должно быть целью пастырской школы.

Такую цель и имела наша доселе существующая Духовная семинария с духовным училищем. Она давала богословское образование и воспитание будущим кандидатам священства. Но исторически сложилось так, что семинария с прямой своей задачей совместила цель, правда, почтенную, но все же побочную – благотворение духовному сословию. В старинные времена, когда духовное сословие представляло из себя действительно исключительно для Церкви

---

предназначающее себя из рода в род сословие, эта цель несколько почти не затемняла главной цели духовной школы – подготовки кандидатов священства. Но времена изменились, изменились и условия жизни духовенства, как и условия пастырского служения. Постепенно изменились и условия быта самой духовной школы. С течением времени господствующий материалистический дух затемнил и главную цель духовной школы, на первое место постепенно поставивши цель благотворения духовному сословию в смысле образования детей духовенства, а не воспитания кандидатов священства. Создалось такое направление, что учились не столько в надежде священства, сколько для получения дипломов и соединенных с ними прав на устройство в жизни.

Естественно, что такая подмена и даже забвение главной цели постепенно понизили и все духовно-пастырское направление школы. Ибо в духовной школе под одной кровлей учились и готовящиеся к пастырству, и по меньшей мере не думающие о нем, как о цели своего образования. Между тем строй жизни, по крайней мере внешне, оставался приблизительно тот, какого требовал устав школы. У тех, кто не готовился к пастырству, как богословское преподавание, так и соответственное духовной школе воспитание вызывали, естественно, отрицательное к ним отношение, как дело ненужное для них, уже совсем холодным к тому, в надежде на что все это предлагалось. Требование же строгого отношения ко всему этому по необходимости создавало и озлобленность в настроении, когда навязывалось то, к чему душа учащихся совсем не лежит. Озлобление это обращалось и на все духовное направление школы, и на лиц воспитательского состава ее. Вот причина всех неурядиц, неполадков и даже отвратительных бунтов, обошедших, вероятно, все семинарии за немногими исключениями. Прибавить надо к этому, что, конечно, таким порядком не могло создаваться доброго христианского, а тем более пастырского высокого настроения и в добрых юношах, впоследствии принимавших священство. От враждебно настроенных не только к священству, но и к христианству юношей постепенно развращались и прочие юноши.

Но вместо уврачевания коренной причины неурядиц духовной школы, к сожалению, прибегали к полумерам, лишь еще больше расстраивавшим духовную школу. Ошибочно усматривая причину бед в неправильном учебном плане, в излишне строгом церковном режиме школы, переписывали уставы ее, переставляли предметы преподавания, выбрасывали одни и вводили другие предметы. А цель имели ту, чтобы дать более свободный выход семинаристам в университеты. Оправдывали это соображением, что не следует насильно загонять в священники, а принимать только желающих. Конечно намеренно забывали в этом случае, что нельзя захватно и церковные средства употреблять на цели, не только не церковные-пастырские, но даже враждебные Церкви, – ибо при указанном порядке через духовную школу на церковные средства проходили и будущие враги Церкви. Народ замечал эту несправедливость и уже заявлял свое неудовольствие, а местами и решительно отказывал в церковных средствах на содержание духовной сословной школы. Но и в указанном направлении не было последовательности: забунтуют семинаристы – и начальство раскрепощало их, давая свободный выход в университеты; проходила острая пора, и их снова закрепощали – отнимали право поступления в университет. Так падала духовная школа и постепенно почти развращалась духовно. Теперь некоторые семинарии не дают ни одного кандидата в священство; из всех же их поступает на служение Церкви едва ли и половина кончающих. Так выполняет свою главную цель духовная школа, так дорого стоящая Церкви.

Прибавьте ко всему этому и светский состав преподавателей и воспитателей духовной школы. Естественный порядок, что военных готовят военные, врачей врачи. Почему-то только будущих священников воспитывают светские, миряне. Конечно, большинство из них – благочестивые христиане, любящие нашу духовную, скромную и высоко образовательную школу. Но чтобы быть им руководителями настроения будущих пастырей, они сами должны быть пастырями, имеющими ту пастырски настроенную и в пастырстве опытную душу, как это говорили мы выше в своей речи. Если же они, однако, не принимают священства, то это показательный признак, что пастырство им и не особенно дорого, и прежде всего они не имеют святого и обязательного послушания Церкви. Ибо по 40-му правилу Карфагенского Собора, если какой клирик отказывается от принятия священства, которое ему предлагает епископ, то да будет извержен из того служения в клире, в каком он состоит.

При таких условиях нашей духовной школы, приходится удивляться, что все-таки будто бы еще 50 % семинаристов остаются на служение Церкви, хотя, несомненно, и те не с высоким пастырским духом, тем более что многие из них и священство принимают, может быть, лишь по неимению средств на продолжение образования или по невысоким для того дарованиям. И жаль

---

становится тех по природе добрых, скромных, непритязательных, работоспособных и образованных юношей нашей духовной школы, которые при иных условиях сохранились бы для доброго и высокого служения Церкви. Конечно, возможно, что и на стороне они будут даже добрыми христианами, а может быть, и проводниками христианских начал в светскую жизнь. При всей важности таких хотя бы и немногих случаев все-таки должны мы сознаться, что ведь не это главная цель духовной школы, а пастырство. Для проведения в жизнь светскую церковного духа создайте особую школу, если на то имеются достаточные средства и люди. А духовная школа есть пока единственная, готовящая только лишь пастырей Церкви на церковные средства.

Все сказанное ясно говорит о необходимости отделения цели благотворительной от цели пастырской. Пастырская школа должна быть исключительно пастырской по своей цели. Очевидно, она должна быть доступною для лиц всех сословий без различия. Очевидно, она должна с детства воспитывать и обучать детей так, чтобы душа их располагалась к принятию священства, чтобы кончившие пастырскую школу сознательно и определяли себя на пастырство при всех его трудностях. Следовательно, и поступать в эту школу должны дети и юноши не потому лишь, что они происходят от духовных родителей, но потому, что или родители желают с детства воспитать их для служения Церкви, или они сами к тому влекутся душевным своим расположением, определяя себя и на соответствующую нелегкую подготовку. Вот таких-то учеников при соответствующем общем и духовном образовании и следует так воспитывать в пастырской школе, чтобы создавать в них должное для принятия пастырства настроение.

По высказанным соображениям и основаниям из самого существа дела и из истории нашей духовной школы, представляющие отдельное мнение члены Соборного Отдела о духовной школе и согласились с разработанным в 1911 году особой Синодальной Комиссией планом пастырской школы в виде шестиклассного духовного училища и четырехклассной пастырской семинарии. В шестиклассном училище дается общее образование в размере шести классов существующей светской средней школы и соответствующее духовное образование при церковном воспитании. Цель же такого училища – образованием и воспитанием с детства подготовить учащихся к переходу в четырехклассную пастырскую семинарию. Училище должно создать у юношей соответствующее для того настроение за весь курс свой. Но чтобы всем не подходящим для пастырской семинарии дать возможность своевременный выход в светскую среднюю школу, учебный план училища за четыре его класса вполне приравнен к четырем классам светской средней школы, из которой с такою же свободой могут переходить юноши, влекомые душою своею в пастырскую школу. Особенно же сюда, несомненно, будут переходить крестьянские добрые юноши из высшего начального училища. После того пятый и шестой классы уже ближайшим порядком готовят учащихся к прямому переходу в четырехклассную пастырскую семинарию. По окончании училища они будут уже шестнадцатилетними юношами. Это возраст переходный, в котором происходит перелом в душевном настроении юноши. Если и в этом переходном возрасте он, однако, не уйдет в светскую школу, но перейдет в пастырскую семинарию, то очень важно, что дальнейшим образованием и воспитанием в пастырской семинарии душа его закрепится в поступательном своем развитии на избранном добром пути. Таким порядком распределения образовательных учебных планов будет создан не сборный, а однородный с детства и достаточный состав учащихся, планомерно воспитываемых для высокой цели. При свободном избрании такой школы, никакого насилия над душой учащихся не будет от строго церковного строя школы. Стесняемые им могут свободно уйти из пастырской школы в другую своевременно. Но так и рядовые юноши останутся в школе и воспитаются для служения Церкви. Школа и должна иметь в виду таких рядовых юношей. Герои же духа и без таких перегородок и при всяких перегородках придут в Церковь и отдадут себя ей на самоотверженное служение. Но таких ведь везде бывает меньшинство. Таким порядком духовно воспитанные юноши, сознательно поступившие в четырехлетнюю пастырскую семинарию, и пройдут все необходимые пастырю богословские, философские и прикладные науки, при строго церковном воспитании подготавливаясь к пастырству. После вполне достаточного шестилетнего общего курса четырехлетняя пастырская семинария дает юношам высокое образовательное развитие, требуемое для кандидата в священство.

Не в таком направлении обсуждал данный вопрос Отдел. С самого начала его деятельности создавалось такое впечатление от работ его, что заботились не столько о церковно-пастырском деле, сколько о духовном сословии и о самих педагогах духовной школы – чтобы детям духовенства дать возможность получить образование и права для выхода в светскую высшую школу, а вторым – остаться на службе в духовной школе. В таких соображениях после долгих и

---

горячих споров и построили так называемую христианско-гуманитарную (иначе: христианско-языческую) среднюю школу – гимназию, а для пастырства оставили над нею нераздельно (хотя бы и на время, за неимением средств) два богословских класса Духовной семинарии. В докладе Отдела это и значится под буквой А. Очевидно, действующая Духовная семинария оставлена как она есть, но уже снята с нее всякая ответственность за подготовку к пастырству. Ибо гимназия ведь ставит своею целью через среднее образование подготовить учащихся к высшей светской школе. Но несомненная уверенность в том, что из такой школы пастырем вовсе не будет, как их нет и из действующей Духовной семинарии, привела Отдел к сознанию необходимости создать хоть какую-нибудь пастырскую школу. Только после настойчивых о том представлений, Отдел и сделал привесок к своему проекту о духовной школе в виде пункта о пастырской школе пониженного типа. Но теперь повисла в воздухе вся эта реформа. Сделали это большевики своим радикальным переворотом и декретом о свободе совести, между прочим отнявши у Церкви все капиталы и казенные ассигнования на духовные школы. Не верили моим уверениям в такой опасности для нас – должны были поверить явлениям суровой действительности.

Оказавшись в таком тупике, Отдел и занялся решением вопроса о создании пастырской школы. Но отрешенность от жизненных запросов и нужд Церкви, теоретичность в рассуждениях опять повела к бесплодным двухмесячным спорам о типе пастырской школы. Как результат таких споров исключительно от корпорации педагогов духовной школы представлен на внимание Собора проект законченной христианско-гуманитарной средней школы в семь или восемь классов и богословско-пастырской семинарии в три класса. Если бы Церковь была богата средствами на все церковно-просветительное дело, то можно бы приветствовать создание и христианско-гуманитарной средней школы. Но Церковь таких средств лишена. Она поставлена в необходимость в первую очередь обеспечить свои прямые цели – подготовить необходимых церковных деятелей, прежде всего пастырем. Но, имея в виду средних людей, кто же из таковых по окончании средней школы пойдет в пастырскую школу, определяя себя на скромное и многотрудное пастырское служение, когда он может через четыре года обучения в университете устроиться в светской жизни. Посему с несомненностью можно предполагать, что богословско-пастырские семинарии будут пустовать. По необходимости придется принимать в них поступающих из других учебных заведений разных недоучек и даже, может быть, нежелательных по своему настроению. Поэтому, естественно, придется понизить как условия приема, так и самый образовательный курс. Таким порядком наверное богословско-пастырская семинария сведется к тому пастырскому “фельдшеризму”, о котором обычно с таким презрением отзывались в Отделе. Но тогда естественнее будет и вовсе прикрыть пустующие и не отвечающие своему подлинному назначению семинарии и перейти к тем “пониженного типа пастырским училищам (с неполным богословским образованием)”, какие преднаметил Отдел в главе III своего доклада, как терпимое зло или недоразумение. Тем более все это следует сказать о той “Духовной семинарии (пастырское училище с полным богословским образованием)”, о которой говорится под буквой А данного доклада Отдела. В такой семинарии под одной крышей, при одинаковых условиях, совершенно как в действующей Духовной семинарии, будут учиться юноши и для университета, и для пастырства. Конечно, результат будет тот же, какой теперь наблюдается, но еще в более решительной форме – никто не пойдет в богословско-пастырские классы на три года после общеобразовательных классов, так как с успехом может в три года окончить университет. И поэтому совершенною фальшью будет висеть в воздухе § 8 доклада “о воспитательном строе” для “подготовки пастырем Церкви”. У авторов проекта очевидное сочувствие и забота преимущественно к общеобразовательным классам семинарии. Тем более что в статье 9-й рекомендуется и духовные училища преобразовывать и вновь создавать не дополнительные пастырские семинарии, а опять общеобразовательные. Так Отдел остался верен себе до конца. После сказанного едва ли следует говорить, что в три года пастырского обучения, особенно в полном соединении его с общеобразовательными классами, едва ли может быть достигнуто планомерное и строго определенное пастырское воспитание кандидатов священства.

Таково наше мнение о предположенном направлении преобразования существующей духовной школы. Отдел не устраняет того, чем больна действующая эта школа. Напротив, он оставляет ее в этой болезни, но говорит ей: “не беспокойся, не желающим болеть в твоих стенах я обеспечиваю возможность свободного выхода в соответствующие их склонностям светские учебные заведения” (примеч. статья 4). А как же пастырство в Церкви? – Это меня не беспокоит, – но “на содержание таких семинарий средства должны быть отпущены Высшим церковным управлением или из местных епархиальных сумм” (статья 31).

---

Мы же говорим и утверждаем, что к пастырству школа должна с детства готовить кандидатов священства, в возможно раннейший возраст давая возможность выходить из нее не имеющим расположения к пастырскому служению. Посему в этой школе должны учиться только душевно и сознательно влекущиеся к церковному служению дети и юноши. Поэтому и содержатся шестиклассные училища подготовительные к пастырской семинарии прежде всего на свои собственные средства, а не на церковные. Школа ставит себе задачей всемерно воспитать и подготовить учащихся к сознательному переходу в пастырскую семинарию, а не искушать их “обеспечением свободного выхода в светские университеты”, презревши Церковь, на свои средства давшую им законченное образование.

Посему обращаемся и ко всем членам Церковного Собора – встать по отношению к этому давнишнему наболевшему делу преобразования духовной школы в положение выше чем сословные или корпоративные расчеты и соображения, – иметь в виду крайнюю нужду Церкви в образованных, воспитанных, воодушевленных пастырях – душепопечителях, так необходимых особенно в настоящую опасную годину ополчения всяких супостатов, воюющих на Церковь Божию. Особенно стоящих на страже Церкви архипастырей и православных мирян, на себе и своих братьях ощущавших нужду в пастырстве, приглашаем посочувствовать выстрадавшему нами и настойчиво доведенному до конца с самого начала соборных работ проекту создания единой пастырской школы, с детства воспитывающей кандидатов священства. Если желаете иметь прекрасно оборудованную на церковные средства и законченную духовную школу с двумя несовместимыми целями ее, то принимайте проект Отдела, но оставайтесь заранее в полной уверенности, что она вам не даст ни одного почти кандидата священства, почему заранее приготовьтесь создавать спроектированные Отделом “пастырские училища пониженного типа” или подбирать всяких случайных кандидатов священства. Если же желаете иметь с детства воспитанных и подготовленных пастырей, сознательно избирающих трудное служение пастыря Церкви, то принимайте проект меньшинства Отдела, подписанный шестью архипастырями во главе с Высокопреосвященным митрополитом Антонием – учредителем и первого опыта пастырского училища в Житомире» // РГИА. Ф. 833, оп. 1, д. 14, л. 32-43.

Этот вопрос обсуждался в течение трех дней, после чего епископ Андроник снова выступил докладчиком. «На Соборе целых три дня горячо доказывали высокие свойства и достоинства духовной школы, – сказал он. – Да, она высока и тем свидетельствует, что ее создал высокий церковный дух. Она давала Церкви высоких народных пастырей; она и обществу давала достойных уважения деятелей. Даже за последнее время разрухи светской школы она, сравнительно, устояла и сохранилась неразгромленной и не в такой степени деморализованной, как светская школа. Мы же добавим, что особенно высока она была по своей целесообразности в то старое время, когда и звалась бурсой. Своим строго последовательным направлением, строгим церковным укладом она и создавала определенные характеры у своих питомцев. Вот за это все мы высоко ценим нашу духовную школу. И скорбели и скорбим о том, что ее за последнее полувековье постепенно свергали с ее высокого назначения и служения, да наконец и совсем решили похоронить, как отжившего старика. Мы не 11-й только месяц слушаем речи о ней, как протоиерей Аггеев, а много более, чем дважды по 11-ти лет болеем болезнями духовной нашей школы, волнуемся ее скорбями, рассуждаем об исправлении ее неисправности. Мы своим горбом и прошли все это. Посему мы не пришельцы и не новички в этом деле. Не стыжусь сознаться перед Собором, что в 1905 году я обливался горькими слезами, как над самым дорогим и родным существом, когда семинария сама себя погребала, когда и мои семинаристы, дотоле послушные моему слову – справедливому, при всей его строгости, – когда и они под напором ожидаемой революционной толпы должны были присоединиться к всеобщей семинарской забастовке. Педагогам обидно слушать критику и осуждение семинарии, а нам это больно, все равно как кусок живого тела вырезать. Посему пожелание протоиерея П.И. Соколова оставляющим службу в духовной школе “скатертью дорога” нам прискорбно слушать: это по меньшей мере несправедливо... И вот эту-то духовную школу Отдел решил окончательно похоронить своим скороспелым проектом. Изначальная цель духовной школы – воспитание и образование пастырей Церкви. Исторически она совместила с этим образование детей духовенства, т.е. цель сословную. Как мною уже было выяснено, эта цель постепенно сделалась главной: семинария учила детей духовенства для получения прав поступления в университет, почему Церковь остается без достаточного числа подготовленных пастырей. Но все-таки и доселе семинария ставила себе целью – пастырство и называлась духовною в смысле пастырской, почему и содержалась на церковные средства. Теперь же Отдел решил такую духовную семинарию уничтожить, цель ее

---

отбросить и на месте семинарии создать совершенно новую школу – христианско-гуманитарную гимназию. Гуманизм как направление хорошо известен, – но, конечно, не восстановление язычества ставит целью указанная гимназия – в таком случае совершенно неправильно ее название: пусть она будет только – христианской гимназией. Она имеет целью давать общее и христианское образование среднее, чтобы подготовить между прочим к получению полного богословского образования, конечно в надежде, что кончившие богословскую школу пойдут и в пастыри Церкви. Но, забывая о тех, кто не пожелает быть пастырями, Отдел считает священным своим долгом “обеспечить возможность свободного выхода в соответствующие их склонностям светские учебные заведения” (§ 4 примеч.). Так доселе духовная школа все-таки только стыдилась говорить, что готовит к пастырству (епископ Митрофан); доселе семинаристы уходили от пастырства, но все-таки оставалось достаточно и для Церкви, по уверению архиепископа Иоанна. А теперь этот уход их ставится почти целью, подсказывается самим законоположением о школе. Доселе светская школа лишь обкрадывала духовную, по словам протопресвитера Шавельского, а теперь протоиерей Аггеев печатно возвещает, что в семинарию он не пошлет своих детей, очевидно, потому, что она все-таки сохраняет пастырскую цель, а в христианско-гуманитарную гимназию непременно пошлет. Доселе все-таки было естественно, что пастыри Церкви и детей своих готовили к дорогому для них пастырству, по словам архим. Илариона, а теперь оно для них не дорого и не должно быть дорогим. Причина в том, что господствующий дух века развалил всю жизнь, заставил забыть и высокую цель духовной школы, по словам В.В. Богдановича. Так обвинение нам от Г.И. Булгакова, что мы своим проектом подрываем корень у богословия, относится к Отделу, как раз сполна вырывающему все корни здоровой, высокой, подвижнической нашей изначальной духовной школы, и на месте их старающемуся посадить корни совершенно новой, мирской школы, хотя и под христианской кличкой. Поощадите, други, то, что так дорого, несомненно, и вам, как вы старались в этом уверить всех здесь. Не разрушайте наследие веков нашей церковной жизни и просвещения. Но о сем довольно.

Итак, Отдел создает совершенно новую школу на месте старой пастырской. Цель ее – дать среднее общее образование учащимся и вместе христианские знания с философскими, чтобы таким порядком она соответствовала светской гражданской школе и, между прочим, подготовляла к пастырским классам. Но разве мыслимо в общие программы гимназий за семь лет вставить еще 22 урока по Закону Божию? Разве мыслимо, далее, ввести еще 9 уроков философии, и конечно только в 7-м классе, ибо раньше ученики не смогут изучать философию? Мало того, для полного религиозного образования совсем мало 22-х уроков по Закону Божию, как уверяли П.Б. Мансуров и В.И. Зеленцов (Василий Иванович Зеленцов, впоследствии епископ Прилуцкий, vicарий Полтавской епархии Василий, священномученик; память 25 января/7 февраля). Следовательно, по необходимости придется ввести и восьмой класс. Следовательно, вся школа будет состоять уже из 11 классов. Да если гимназия неприкровоенно ставит своею целью готовить для университета, то зачем в ней и религиозное образование? Ведь это будет насилием, в каком с таким старанием обвиняли теперешнюю духовную школу и намеченную нами единую пастырскую школу. Это будет лишь уродованием души учащихся детей, ибо, по уверениям священника Масальского, религиозное воспитание может быть действенно только в старших, а не в младших классах. Кроме того, если гимназия будет готовить и для университета, то будет два контроля – церковный и государственный – весьма сомнительный по своим требованиям, как справедливо говорили архимандрит Матфей (Преподобномученик Матфей (Померанцев)) и П.Б. Мансуров.

Из защитников проекта новой школы никто не доказал и не удостоверял, что она даст достаточный состав учащихся для богословско-пастырских классов. Отдел скорее говорит откровенно об ином в примечании к § 4-му: семинария дает мало кандидатов священства, а наша богословско-пастырская семинария даст их еще меньше, а может быть, и вовсе не даст, по словам Н.Г. Говорова, – ибо от нас могут и на сторону уйти от недостаточной убежденности в пастырстве и даже, может быть, в вере, как говорил А.Г. Куляшев. Так новая школа в лучшем случае ведет к пастырству окружным путем, по отзыву Преосвященного Митрофана. Посему совершенно справедливо замечание митрополита Антония, что проект заботится не о тех, кто будет готовиться в гимназии к пастырству, а о тех, кто не пожелает готовиться к этому. Отдел сам подсказывает им полную возможность выхода. Почему лишь чудом могут остаться хоть некоторые для пастырских классов, как предполагает Н.Г. Говоров.

После таких предположений, по нашему мнению несомненных, и следует непременно учесть заявление членов Собора от крестьян, что на пастырскую школу средств православные миряне не дадут. Это, кажется, решительно в один голос утверждали все епархиальные съезды,

---

бывшие за истекший год, а местами уже и теперь не дают или всех, или части нужных на духовную школу средств. Надо прислушаться к этому голосу мирян, чтобы не остаться у разбитого корыта. Да, скажу откровенно, что по совести я лично не смогу и просить у мирян средств на школу, о которой уверен как о не пастырской.

Сознание несомненной возможности, что новая школа не даст достаточного числа кандидатов священства, и привела Отдел к необходимости спроектировать тип пониженного курса пастырского училища, в чем отчасти сознался и И.П. Николин. Уверен всеми силами души, что мы, архиереи, будем опять рады безмерно, но только этой спроектированной пастырской пониженной и все же хорошей школе, но и еще низшего размера, лишь бы кого-либо поставлять на приходы, которые, по уверению протопресвитера Шавельского, и сами понизили требования к кандидатам священства. Посему, если бы Собором был принят проект Отдела о новой школе, то непременно следует принять и проект пастырского училища пониженного типа. А богословско-пастырские семинарии придется закрыть, как дорогие и пустующие. Следовательно, пустая наша церковная казна принуждена будет нести двойные расходы на две школы. Проекта пониженного пастырского училища не унижаю этим, но говорю о положении дела. Кроме того, утверждаю, что за недостатком средств по бедным епархиям придется открыть исключительно только такие пастырские училища.

Однако мы приветствуем в ином смысле и с иной целью создание христианской гимназии. Она именно необходима в целях христианского просвещения всего образованного общества, которое так далеко ушло от Церкви по иноземным образцам просвещения, как об этом воодушевленно говорили С.Н. Булгаков (С.Н. Булгаков говорил об уходе части западноевропейски образованного общества из Церкви, когда, по его мнению, были созданы светские наука и культура вне какого бы то ни было влияния Церкви. Но встает вопрос, не является ли этот процесс процессом не ухода из Церкви, а победой язычества, дохристианских начал, имевших место в народах Римской империи, в конце концов и преодолевших христианское благовестие – сначала создавших Католическую Церковь, затем на почве дохристианского индивидуализма – протестантизм, где понятие Церкви сведено к отдельному человеку, и в конце концов западное общество, отвергнув христианство, вернулось к вещественным началам лежащего во зле мира. К этому времени независимые государства, где были Православные Церкви, перестали существовать, а вместе с этим перестало развиваться православное богословие. Россия тогда не имела своей развитой системы духовного образования, опиравшегося на Священное Писание, писания святых отцов и богослужебные тексты. Когда же в России и появились духовные учебные заведения, то они стали пользоваться, за неимением своих, трудами западноевропейских богословов, со всеми элементами идеологии католицизма и протестантизма. Любая научная гипотеза неизбежно имеет начало в личности и мировоззрении ученого, представляя из себя сложное сочетание религиозного, индивидуального и национально-культурного начал. После прихода к власти Императора-революционера Петра, Россия оказалась зависимой от западноевропейского мира, заимствуя оттуда и его научные разработки для своих духовных школ. В Европе богословие развивали католические и протестантские ученые, неизбежно накладывавшие отпечаток на свои подходы и научные выводы, а их русские ученики вместе с научными изысканиями ученых поглощали и элементы протестантизма и католицизма. Так православная духовная школа и стала сначала по духу светской, а затем и безбожной, столкнувшись с противоречием: она исследовала духовную область с помощью рационализма и не связывая богословие и благочестие – при таком подходе явно строя дом на песке. Будучи естественным для светской западноевропейской мысли, такой подход чистого интеллектуализма был противоестествен для православия. Святым отцам Восточной Церкви трудно было и предположить, что наступит время кардинального разделения человеческой личности, когда изучение Троического богословия с его просвещающим всякого человека, грядущего в мир, светом, никак не будет связано с преображением личности человека и его повседневной жизнью и помышлениями, когда мыслящий о Боге может оставаться Богом не просвещенным почти так же, как если бы он Бога не знал вообще.) и А.И. Ивановский. Я же лично об этом писал и в Правление своей семинарии, доклад об этом именно вносил еще в 1905 году после всесеминарской забастовки – но услышан не был никем. Об этом особое мнение я вносил и в Отделе. Через такую школу Церковь могла бы постепенно перевернуть все мирозерцание образованных классов, особенно теперь, когда, несомненно, совершается перелом в их настроении. Но для этого нужны средства. А мы теперь их не имеем. Мы поставлены перед необходимостью обеспечить Церковь прежде всего ее ближайшими работниками – пастырями, без которых и самые благие предположения Собора не пройдут в жизнь. Для наших духовных

---

педагогов, если они усердствуют за Церковь Божию, представляется теперь полная возможность проявить свою в этом инициативу и создать такую церковную христианскую гимназию на правах частной. Вот это и была бы вполне автономная их школа, ими созданная, а не та – церковная, в которой они, по данному докладу, – решили быть автономными хозяевами в Епархиальном женском училище, даже и не упоминая об архиерее, которому вверены христианские души во всей Поместной Церкви. Церковь же теперь такую весьма полезную и желательную христианскую гимназию создать не может за неимением средств.

Итак, Отдел создает совершенно новую школу на месте упраздненной им духовной школы. А мы – меньшинство Отдела – наоборот, как раз сохраняем ее. Мы восстанавливаем ту духовную школу, какую она была создана с самого начала и какую была долгое время, давая высоких светильников Церкви, из коих многие уже и прославлены, но которую за последнее полувековье так испортили разными опытами над ней и присвоением ей чуждых, хотя бы и почтенных целей. Она была введена в жизнь как исключительно пастырская. Мы восстанавливаем это ее назначение. Мы утверждаем, что духовная школа вся должна быть единой пастырской школой. Она должна с самого начала своего курса так быть поставлена, чтобы воспитывать учащихся в надежде приготовления их сначала к переходу в пастырскую семинарию, а потом и к пастырству. Но мы знаем, что, к сожалению, духовное сословие теперь не готовит детей исключительно к дорожному для него служению Церкви. И поэтому объявляем эту пастырскую школу с начала до конца бессословною, т.е. доступною для детей всех сословий, в полной уверенности, что сюда придут и дети духовенства, и дети крестьянства, и дети иных сословий.

Итак, мы не создаем новой школы, а восстанавливаем изначальную духовную школу пастырскую. Но по педагогическим соображениям, подсказанным давно еще покойным дивным архиепископом Димитрием (Муретовым), переносим два младшие класса семинарии к училищу духовному, ибо и по возрасту учащихся, и по свойству преподавания это более правильно, как свидетельствует, в частности, и наш педагогический опыт. В наше шестиклассное духовное училище могут поступать дети всех сословий не моложе десяти лет. Но чтобы не чувствующим своей пригодности для духовной школы или не признаваемым пригодными дать возможность своевременно выйти из духовного училища в иную школу, четыре первые класса вполне приравнены по курсу к тем же классам светской школы. И из последней благочестивые дети поэтому свободно могут переходить в духовное училище. Следующий пятый и шестой классы уже ближе по курсу своему готовят к переходу в пастырскую семинарию. Но, разумеется, и отсюда свободно они могут уходить в светскую школу. И не такой уж страшный барьер для этого ставится, чтобы уверять в закабалении детей таким порядком для священства, как старался доказать это И.В. Попов (Мученик Иоанн Попов; память 26 января/8 февраля). Итак, и вход и выход совершенно свободный в нашей духовной школе для всех желающих. Кончают дети духовное училище не моложе 16-ти лет, а никак не 13-ти, не 14-ти и даже не 15-ти лет, как здесь неоднократно доказывали, позабывая всякие правила вычисления. Если такой возраст для определения душевного направления еще слишком ранний, то ведь гимназию кончают только 17-ти лет, следовательно, это возражение одинаково почти приложимо и к гимназистам. После того, что дает духовное училище для создания определенного религиозного настроения укладом и образованием, не сомневаемся, что кончивший духовное училище как свободно учился в нем при полной возможности уйти в светскую школу, так свободно и повлечется или в пастырскую семинарию, или в светскую школу. Но важно, что в дальнейшем пребывании в семинарии его еще, может быть, неокрепшее настроение закрепится именно в принятом им направлении. Это уже не теоретические дети, как говорил В.В. Успенский, а те дети, которые сами и теперь влекутся или к Церкви, или к чему-либо иному. Важно захватить их души в этом их устремлении и закрепить всем, что поспособствует созданию доброго настроения в их душе, как говорил Малыгин. Ибо для просеивания их и их настроения имеется несколько фильтров: свобода выбора школы при поступлении, свобода и безболезненность выхода из училища после 4-го класса, для более уже сознательных юношей – возможность выхода в светскую школу после окончания духовного училища. Никакого закабаления – напротив, полная свобода выбора и выхода из духовной школы.

Признавая полное значение общего образования и в смысле умственного богатства, и для умственного развития, мы вводим в нашу духовную школу среднее общее образование. Здесь и после моего разъяснения все-таки утверждали, что это образование в нашей школе пониженное, причем по разным соображениям спутывали нашу пастырскую семинарию с пониженным пастырским училищем Отдела. Вот оно по планам, выработанным Синодальной Комиссией 1911

---

года, утвержденным Святейшим Синодом; планы эти могут быть пересмотрены, но в существенном они неоспоримы. Они дают и общего, и богословского образования гораздо больше, чем теперешняя духовная школа. Конечно, в них нет тригонометрии, естествознания и подобного, о чем скучает священник Масальский, но нет и птицеводства, и рыбоводства, и земледелия и многого другого, что тоже весьма полезно и, может быть, необходимо для священника. Общее образование, начавшись в духовном училище, продолжается и углубляется в пастырской семинарии, вместе с богословским и философским имея вполне законченный вид и план. Почему этот наш план закрепляет будто бы обычную схоластику, а неизвестный план Отдела, напротив, оживляет науку, как уверял нас здесь протопресвитер Шавельский, – это его секрет. Но смею уверить и его и всех, что основные положения об учебном и воспитательном строе школы под §§ 22-28 в докладе Отдела выработаны были именно, между прочим, и нами, авторами особого мнения, и приняты Отделом как одинаково неоспоримые и для него. Мы их не переписывали, потому что в случае принятия нашего мнения их целиком можно бы было перенести к нему. Следовательно, упрек в схоластике одинаково может быть приложен и к нам и к Отделу, если только это правда. Но при всем том мы уверены, что не в общем и даже не в богословском образовании дело. Ведь и теперешняя духовная школа дает хорошее образование, и, конечно, гораздо лучшее светской школы. Нет, дело в ином, именно – в духе воспитания в нашей духовной школе. Оно же одинаково обусловлено и у Отдела, как говорит статья 22-я. Следовательно, и все колкости против воспитания к пастырству авторы его, как И.В. Попов, протопресвитер Шавельский, В.А. Рождественский и другие, пусть отнесут и к Отделу. Посему последний свои анекдотические выступления о школе янычар пусть приложит и к тому докладу Отдела, под которым подписался и он сам. Странны все выпады против значения и положительной силы воспитания. Ведь насилием будет и обучение речи, и всякое учение грамоте, музыке и проч. Прочитайте известную изобразительную “Историю детской души” и увидите всю гибель вот такой вражды к религиозному воспитанию с детства: оно убило духовно человека, убило его посему и телесно. Не о “выгонке елейно-клерикального духовенства” мы заботимся, как беспокоился об этом С.Н. Булгаков. Не бойтесь возможности и католической у нас системы воспитания – даже сам И.В. Попов уверял, что она нам не свойственна и потому невозможна. Нет, мы поставляем целью школы построить ее так, сделать все, чтобы душа детей и юношей свободно воспринимала все, что соответствует принесенному ими из семьи религиозному настроению. Пусть здесь учащиеся будут окружены таким духовным воздухом и в преподавании, и в укладе жизни школы, чтобы укреплялись добрые в них задатки, развивалось неподдельное набожное настроение, располагалась душа к служению для Церкви Божией. Делалось это в той или иной степени и в теперешней духовной школе. Но беда в том, что не чаще ли лица преподавателей корпорации в лучшем случае стояли в стороне от этого святого дела, если прямо его не разрушали. Умолчим об отрицательных типах в этом отношении, чтобы не портить нашего общего настроения. Скажем более: в духовной школе насилие чинилось над благочестием юношей – оно высмеивалось, унижалось и во всяком случае редко находило поддержку. А митрополит Антоний напомнил, как после революционного переворота некоторые преподаватели постановили вовсе не ходить в семинарскую церковь, чтобы ученики не видели их лицемерия. Конечно, мы не отрицаем возможности и отрицательных случаев в указанном добром направлении школьного воспитания. Но зачем винить в этом только учащихся, если преподаватели вот и теперь все-таки не решаются пойти на прямое служение Церкви в священном сане (архимандрит Матфей).

Напрасно запугивал нас протоиерей Агеев своими финансовыми вычислениями во многие миллионы рублей на приспособление. Все здания духовной школы составляют церковное имущество. Они и будут использованы для преобразуемой всей духовной школы на местах, где как найдено будет удобнее. В иных епархиях здания семинарии так и будут использованы для пастырских семинарий, а в иных признано будет за лучшее пастырскую семинарию поместить в здании духовного училища. Следовательно, потребуются произвести почти лишь обычный ремонт, тем более что все эти здания были использованы для размещения раненых и солдат. Запугивать не следует, а надо смотреть жизни в глаза.

Больно нам вскрывать раны нашей родной духовной школы. Но если желаем исцелиться, то должны правдиво и откровенно их рассказать. Мы и рассказали, как могли. Указываем и возможный путь к уврачеванию давнишних неисправностей в нашей духовной школе от забвения ею своего изначального назначения – быть рассадником пастырства. Не сочувствует этому Отдел в своем большинстве – в составе педагогов. Вопреки жалобе Н.Н. Медведкова, мы слушаем их, как специалистов в педагогическом деле. Но духовная школа есть специально пастырская. Посему да будет позволено и не послушаться их, как непастырей, как далеких от тех нужд, которые близки

---

нам – архиереям и православным мирянам. А педагоги непастыри лучше бы воздержались так уверенно решать чисто пастырский, сложный вопрос. Отдел своим проектом создания новой школы на месте разрушаемой им духовной школы, хочет оставить нас опять без достаточного числа подготовленных пастырей, – и это в такую пору, как теперь, – и опять обрекать нас на необходимость заводить не только спроектированные Отделом пониженные пастырские училища, но и еще низшего порядка или же искать хоть каких-либо кандидатов в священники, словом – довольствоваться презируемым здесь “пастырским фельдшеризмом”, пока реформаторы школы пришлют нам даже докторов. Несчастный русский народ, над которым строят несбыточные и разрушительные планы. Он сам видит, что беда ему от таких реформаций, и упирается всеми силами, прося пощадить его от таких опытов на его счет, а его насильно тянут, как втянули в революцию и погубили великий народ. В данном случае не многого он и просит и ждет как милости: дайте ему молитвенных, благоговейных, учительных, народу доступных, набожно и чинно служащих пастырей. А ему говорят: нет, это “стилизованные” начетчики, лицемеры, “фельдшера”, – мы тебе пришлем даже докторов богословия, свободно воспитанных, уже в зрелом возрасте сознательно избравших путь пастырства, знающих и тригонометрию и естествознание и проч. А народ и до сих пор с этими посулами знахарей ищет, к сектантам идет и умирает духовно.

И опять умоляем всех членов Собора – в решении данного вопроса первейшей важности быть выше всяких случайных и преходящих соображений и иметь в виду только нужды Святой Церкви и запросы и пожелания православных мирян. Да не исполнится и над нами то, что мы только вчера воспевали за вечерней в стихире: “Моими помышлениями в разбойники впад, пленен бых окаянный умом, и люте уязвихся, всю мою душу ураних, и отнюдь лежу наг добродетелей на житейстем пути. Священник же видев мя ранами боляща безысцельна, презрев не воззре на мя: левитянин же паки не терпя душетленные болезни, и той видев мя мимо иде” [В среду вечера 5-й седмицы Великого поста на Господи воззвах стихира, глас 8] // РГИА. Ф.833, оп.1, д.15, л.172-185.

<sup>142</sup> РГИА. Ф. 833, оп. 1, д. 14, л. 131.

<sup>143</sup> Там же. Л. 132.

<sup>144</sup> Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 15-16. С. 230.

<sup>145</sup> ГАРФ. Ф. 550, оп. 1, д. 232, л. 163.

<sup>146</sup> «Арестованный рабоче-крестьянским правительством, запрещаю священно-церковнослужителям г. Перми и Мотовилихи совершение богослужений, кроме напутствия умирающих и крещения младенцев. Епископ Андроник» // Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 15-16. С. 230.

<sup>147</sup> ЦА ФСБ России. Д. Н-1780. Т. 17, л. 359.

<sup>148</sup> Пермские епархиальные ведомости. 1918. № 15-17.

<sup>149</sup> Там же. С. 142-143.

<sup>150</sup> Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга II. Проповеди, обращения, послания. Тверь, 2004. С. 451-452.

<sup>151</sup> Тобольские епархиальные ведомости. 1919. № 15-16. С. 232.

<sup>152</sup> Там же.

<sup>153</sup> Там же. С. 232-233.

<sup>154</sup> Там же. № 17. С. 252-253.

<sup>155</sup> ГАРФ. Ф. Р-4369, оп. 5, д. 847, л. 7-8.

<sup>156</sup> Священномученик Андроник (Никольский), архиепископ Пермский. Творения. Книга II. Проповеди, обращения, послания. Тверь, 2004. С. 448